

Елена Кочегорова

ПО ТУ СТОРОНУ

Намнати

Annotation

После неудачной беременности Наташа порвала с прошлым и уехала в другой город, где нашла любовь. Казалось, обратно дороги нет. Но почему тогда ее муж уверен, что ребенок жив? Зачем он разыскивает свою жену? Что ее ждет на той стороне памяти — долгожданное счастье или горечь предательства? И что будет если старая любовь встретиться с новой?

Глава 1

Посвящается моей дочери

Я никак не могла насмотреться на нее. На эти глазки с длинными пушистыми ресницами, на эти пальчики с идеальной формой ногтей. Мне никто о таком не рассказывал. Все говорили о бессонных ночах, о синяках под глазами от вечного недосыпа, о бесконечной стирке. Но не о том, что можно часами глазеть на собственную новорожденную дочь, на это маленькое чудо.

Я аккуратно провела рукой по волосам малышки. Моей Аленки.

"Спи, моя сладкая. "

В комнату заглянул муж. Из-под щетины видна улыбка. Ему было забавно наблюдать за мной:

— Все еще не можешь насмотреться?

Вздыхнула. Ему не понять. Каждый раз, просыпаясь ночью, я смотрела на кроватку, чтобы проверить, как ребенок. Мне до сих пор не верилось, что все позади. Что прошла беременность с вечной угрозой прерывания, с постоянными синяками и шишками от уколов и капельниц, что уже пережиты роды, чуть не унесшие жизни обоих.

Любимый мужчина под боком, а рядом в украшенной балдахинном кроватке сладко спит мой ребенок. И в этот момент я точно знала, что была абсолютно счастлива.

* * *

Открыть глаза в тихой пустой квартире. С тоской понять, что это был всего лишь сон. До жути реалистичный, но всего лишь сон. С каждым разом от осознания этого становится больнее, и хочется лечь в кровать, закрыть глаза и просто погрузиться в себя. Но я уже это проходила, лежала часами, пытаюсь смириться с мыслью, что этого никогда не было. Этого никогда не было, но должно было быть. Можно бесконечно кричать и плакать: почему и за что?! А можно пытаться жить дальше, что я и старалась делать.

Взглянуть на будильник. Еще десять минут до того, как он прозвенит. Впрочем, уже можно собираться на работу. Раньше выйдешь, меньше проведешь времени в пробке.

Черная тушь и черный карандаш, черный юбочный костюм и белая блузка. Черный и белый — цвета моей жизни. Но есть еще и серый: серые стены съёмной квартиры, вечно серое хмурое небо над головой, серые стены здания офиса, где я теперь работала. Все это так не похоже на родной город и дом. Собственно говоря, даже начальница тоже не могла понять, по каким причинам можно было уехать из солнечного Сочи за несколько тысяч километров, оставить собственное жилье, чтобы жить в съёмном. И активно интересовалась причинами такого поступка.

— «Семейные», — лаконично ответила тогда я, сидя в кабинете

Я солгала при ответе. Семьи у меня уже не было. Больше не было. Ни любящего мужа ни ребенка. Я осталась одна на свете. Не лучший ли повод уехать за тридевять земель, чуть ли не на другой край света? Особенно, если ты сбежала от своего супруга.

— Наталья, это не повлияет на работу? — Галина Викторовна окинула меня скептическим взглядом, явно думая, что проблемные работники ей не нужны.

— Нет, готова при необходимости задерживаться допоздна.

И даже выбор работы связан с тем, что муж всегда недолго любил СМИ. Что ж я всегда мечтала поработать в газете, пусть даже юристом, а не журналистом.

— И в декретный отпуск вы тоже в ближайшее время не собираетесь?

Я вновь помотала головой.

Когда-то я собиралась. Кажется, это было целую жизнь назад. Уже наглаживала дома пеленки, распашонки, обдумывала, какую буду покупать коляску и кроватку. Оставался какой-то месяц до отпуска по беременности и родам, перед которым я собиралась взять обычный ежегодный, чтобы не ходить на работу с большим животом. Но все мои планы рухнули в один день.

На двадцать пятой неделе беременности, когда уже был виден животик, я потеряла ребенка. За день до этого, по какой-то иронии судьбы, я была на УЗИ, и мне сказали, что я жду девочку. Тогда на мониторе я еще видела ее, могла слышать, как бьется ее сердце, а через сутки ее не стало.

Нам не хватило какого-то часа, чтобы спасти ребенка. Хотя бы минут сорока. Если бы скорая приехала, если бы мы ее не ждали... Какое хорошее слово — "если". И сколько бы я об этом ни думала, лежа в больнице, но жизнь не отмотать назад. Есть вещи, которые не исправить.

И если в больнице я считала, что мне было плохо, глубоко ошибалась. Все стало хуже, когда я вышла на работу. Ибо там меня ждали вечные вопросы: «Уже знаешь, кого ждешь? С роддомом определилась?» Я не выдерживала, срывалась, говорила, что уже никого не жду, запиралась в кабинете. Любимая работа не спасала, она превратилась в ад. Косые взгляды, обсуждения, лживые утешения людей, которые никогда не переживали подобное и никогда меня не поймут. "Молодые еще, конечно, попробуете опять, — говорили они. Со всеми бывает".

«Со всеми бывает», — говорила мне лучшая подруга. Я не верила. Потому что натыкалась на девочек с большими животами, идущих из женской консультации, и их знакомых, которые спрашивали при встрече:

"Ну что, купила коляску? А вещи в роддом собраны?"

Я молча убегала, не в силах их видеть. Хотелось кричать: "почему, за что?!".

Я ждала поддержки от супруга, но мои ожидания он не оправдал. Кирилл, мой идеальный. Кирилл, всегда заботливый и нежный, всегда такой понимающий, заявил, что именно я и виновата в случившемся. Смолчать на такое обвинение я не смогла. Мы оба тогда высказали слишком многое, то чего не говорили никогда. То, чего наши отношения вынести не смогли.

И Кирилл ушел. Просто хлопнул дверью и ушел.

И, сидя в пустой квартире, я поняла, что так больше не могу. Не могу и не хочу. С меня хватит. Я тоже хочу так хлопнуть дверью и уйти. Уехать, оставить прошлое здесь и все забыть.

Кирилл вернулся в два часа ночи и молча лег спать. От него пахло алкоголем. А я поняла одну простую вещь: вернулся не мой муж, не мой любимый — вернулся знакомый, сожитель, и это надо признать. Прежних чувств и отношений уже не будет, как и семьи и любви.

А на следующий день мне позвонила подруга, и тогда я узнала правду, любви в нашей семье никогда не было. И поняла еще более страшную вещь, скорее всего ребенок не был

нужен Кириллу. Он бы удерживал его со мной. Быть может, поэтому муж так не спешил ехать в больницу? И теперь он мог получить свободу от опостылевшего брака. Вот только кто сказал, что я собиралась эту свободу ему просто так дать? Кирилл так легко развод не получит.

Боль от потери и ненависть, слишком сильные чувства, чтобы просто так отступить. И я решилась.

Все было достаточно просто. Коробка конфет в отдел кадров и мне даже не нужно было отрабатывать положенные две недели после написания заявления об увольнении. Через интернет я нашла себе квартиру в другом городе за несколько тысяч километров от дома, договорившись с хозяином по телефону, даже без осмотра жилплощади. Удивительно просто для человека, который раньше, неделями принимал решения. Оказалось, можно все бросить и просто уехать.

Садясь в самолет, летящий в Новосибирск, я выкинула сим-карту со всеми сохраненными контактами. Потому что хватит с меня сочувственных и псевдосочувственных слов и взглядов. Вот так я и очутилась здесь, в чужом городе, вдали от всего, что я любила, чем дорожила. Вдали от всего, что причиняло мне боль.

«Что ж, ищи меня, милый, ищи»

Глава 2

4 сентября

С работой мне определенно повезло, престижное место, хорошая зарплата, и просторный кабинет. Он был рассчитан на двоих. Но моя соседка рыжеволосая Маша оказалась выездным работником, и как мне уже рассказал местный сисадмин Виталик перед тем как пригласить на обед, была редким гостем в конторе.

Правда счастье омрачало, коллега, с которой непосредственно мне приходилось работать. Светлана Ивановна была личностью достаточно приятной, доброжелательной и даже немного напоминала мне мою маму. От нее веяло чем-то таким домашним, теплым и уютным. Эта полноватая женщина с короткими вьющими каштановыми волосами тут же напоила меня сладким чаем и накормила домашней выпечкой. Нельзя было даже заподозрить, что она мне не рада. Вот только она бесконечно любила поболтать о своих детях, а эта тема была для меня болезненной.

На следующий день я уже готовилась пред ставить начальнице свое первое выполненное задания, поэтому пораньше пришла в приемную. Работа была новой, и там могли быть недочеты.

Ее секретарша — миниатюрная брюнеточка Марина — уже была в приемной и поправляла свой и без того идеальный макияж, состоящий из черных стрелок и яркой помады, которая ей очень шла. Ей вообще шли яркие вещи, и она была одним из немногих работников, которые могли их совмещать с офисным стилем.

Я вдохнула вкусный аромат кофе, царивший в приемной. На столе у Марины дымилась кружечка этого вкусного напитка.

Увидев меня, Марина тут же прервала свое занятие и спросила:

— Кофе будешь?

Я закивала. От такого напитка грех отказываться, даже если перед этим успел выпить в кабинете чашечку-другую.

Марина тут же повернулась к буфету, что-то взяла и подошла к кофе-машине

— И что привело тебя в такую рань? Твою почту я вчера подписала, девочки должны были передать, — сказала она, передавая мне белоснежную кружку с золотой каемочкой и дымящимся в ней капучино.

Напиток оказался очень вкусным, с нежной тающей во рту пенкой и приятным терпким вкусом

— Отчет сделала, — ответила я, расслабившись в кресле и наслаждаясь кофе, вприкуску с предложенным девушкой песочным печеньем с джемом.

— Светлана Ивановна не достала? — спросила она, не отрываясь от зеркала.

— Нет, она... — не успела я договорить, как Марина задела локтем кружку с кофе, и оно залило все вокруг, включая бумаги на столе, а также платье и пиджак самой девушки, не успевшей отскочить. В первую очередь Марина принялась спасать свою одежду. Да, не повезло чьим-то документам. Надеюсь, там не было моих.

— Блин, новое платье. Наташ, побудь здесь, я быстро домой сбегаю. Я здесь рядом живу.

— Но за столом же не видно, — попыталась отказаться я.

— Да, а кофе начальнице я как отнесу? Еще и платье светлое. — Брюнетка смотрела на меня умоляющим взглядом из-под черных густо накрашенных ресниц.

И я согласилась, мысленно ругая себя за это. Никто же мою работу не отменял, но положение у девушки, и правда, безвыходное.

Марина, как будто чувствуя мои сомнения, сказала:

— Я тебе открою удаленный доступ к твоему компьютеру.

Уже одевшись, она бросила фразу через плечо:

— И помни: она любит капучино с двумя ложками сахара.

В общем, кофе начальнице придется сегодня нести мне.

Кое-как разобралась с кофемашиной я только к приходу Галины Викторовны.

— Доброе утро. Отчет, как вы и просили, будет в одиннадцать, — предпочла сразу отрапортовать я.

— Марина? — деловито поинтересовалась начальница, снимая пальто.

— Будет через пятнадцать минут, с ней случилось неприятность. Ваш кофе будет через пять.

Галина Викторовна лишь кивнула, скупно выразив надежду на то, что с Мариной ничего серьезного не случилось, и отправилась в себе в кабинет.

Через пять минут я поставила перед ней поднос с кофе, печеньем и конфетами, которые нашла у Марины в буфете. Кода я была уже у выхода, Галина Викторовна сказала:

— Взаимовыручка — это хорошо, Наташа. Я уже думала, что ты не приживешься в коллективе.

Я изумленно приподняла брови, но все же вымолвила:

— Спасибо.

Надо же, меня похвалили..

Секретарши не было полчаса. Я уже начала нервничать, ибо мне приходилось отвечать на звонки вместо того, чтобы заниматься своей работой, на которую у меня оставалось все меньше времени.

Но наконец-то в приемную ворвалась взъерошенная Марина.

— Все нормально? — тут же поинтересовалась она

Я кивнула. Собственно именно так мы и начали общаться с Мариной и вместе ходить на обед. в уютное кафе, находившееся рядом с офисом. Там подавали самый вкусный кофе, попивая который мы с ней могли проболтать почти весь обеденный перерыв. Говорили обо всем кроме моего прошлого. Мне не хотелось, чтоб ей было меня жаль жалость я не любила.

Особенно Марина любила поговорить о косметике. Как выяснилось, в свое время девушка отучилась на визажиста и даже успела побыть свадебным стилистом, но, к сожалению, не смогла наработать себе постоянную клиентуру и, в конце концов, предпочла более стабильную работу. Зато всегда была рада накрасить подругу бесплатно. Первый раз, когда я согласилась, я была крайне удивлена, размером ее косметички, точнее чемодана, и с некоторым страхом ждала, когда смогу увидеть результат. Но работать и создавать красоту Марина умела. Поэтому я всегда превосходно выглядела, благодаря ей, пожалуй, мечта каждой девушки иметь подругу визажиста.

Марина, как и я, работала на фирме недавно, но уже все обо всех знала и могла много интересного рассказать. Например, о Маше она знала больше, чем я, но это и неудивительно: расспрашивать соседку у меня времени не было, как и, должна признаться, интереса.

Слишком много было работы. Груды отчетов, документов, различных договоров и

соглашений, с которыми нужно было разобраться. Особенно сложно, когда в данной сфере опыта совсем нет. Я делала пометки, в тот момент, когда ко мне зашла Светлана Ивановна и швырнула на стол стопку листов.

— Переделывала за тебя. И как можно было столько ошибок допустить?! — Коллега покачала головой.

— Первый блин комом, — ответила я потянувшись к исправленному договору

— Как в первый? — вытаращила на меня глаза.

— Никогда раньше не работала в этой сфере.

Казалось, женщина изумляется все больше.

— И как тебя-то на эту работу-то взяли? Как ты собеседование прошла-то?

— Начальница сказала, что я идеально подхожу.

А вот на этой фразе Светлана Ивановна не удержалась и фыркнула:

— Идеально подходишь? Могла бы раньше сказать, что кто-то из начальства продвинул.

Теперь понятно, почему из Сочи приехала: там, наверно, работы мало. — В последней фразе была слышна издевка.

— Да с чего вы это взяли?!

Мне было дико обидно, что меня обвиняли в таком. Я всегда все делала сама, и на первую работу устраивалась сама, без всяких знакомых, сама закончила университет, с красным дипломом, к тому же...

Светлана Ивановна, в отличие от меня, оставалась совершенно спокойной и даже слегка улыбалась. Она явно была уверена в своей правоте.

— А с того, Наташ, Галина Викторовна с опытом только берет. Можешь спросить девушку, которую сейчас замещаешь. Начальница ей в свое время такой допрос устроила... — Она оборвала фразу и посмотрела на часы. — Ладно, звони, если что, все равно мне после тебя все приходится переделывать.

Светлана Ивановна вышла из кабинета, а я молча смотрела ей вслед. Было обидно и хотелось разрыдаться, особенно от фразы «все равно переделывать». Но я молча, уставилась на принесенный ею договор и стала изучать свои ошибки.

Олег Иванов, оперуполномоченный уголовного розыска:

22 августа

Я с грустью взглянул на часы, понимая, что мечта вернуться домой вовремя так и останется несбыточной, и жена как всегда устроит сцену, что все мужья как мужья, по вечерам дома сидят, а не неизвестно где шляются, и вообще-то ребенку тоже надо уделять внимание. А ведь предупреждал же Катьку, что так будет.

— Рассказываете, что случилось, — произнес я сидящему напротив молодому светловолсому человеку в деловом костюме, Он был бледен, и явно нервничал. Впрочем, чему удивляться. Полиция не то место, куда приходят по хорошим поводам и с хорошими новостями.

— Жена пропала, — сказал он, нервно теребя рукав пиджака.

— Как? Когда? Что произошло? — начал я опрос, приготовившись записывать.

— Сегодня, — мертвым голосом сказал парень, опустив глаза вниз. — Прислала сообщение на телефон, звонил ей, не отвечает, приезжаю домой, ни ее — ни вещей.

Я облегченно вздохнул и расправил плечи:

— Гражданин Сериков, если она от вас ушла, то это не значит, что пропала. При чем здесь мы? — Я не удержался от легкой улыбки. И так работы выше крыши, шеф рвет и мечет, и готов лично убить каждого за низкие показатели, а тут хотят чтоб мы еще и семейные дела решали.

— Не могла она уйти, — настаивал на своем мужчина.

Я вздохнул и приготовился к длительному спору. Все-таки я шел на эту работу преступников ловить, а не сбежавших жен возвращать. Ксожлению к нам приходило много людей, уверенных в обратном.

— И что же последнее вам она написала, Кирилл Игоревич?

— Не она это писала, — ответил Сериков, сжимая в руке телефон.

— Если хотите ее найти, вы должны предоставлять всю имеющуюся информацию. Или вы не хотите?

На лице мужчины застыло сомнение показывать или не показывать сообщение.

Мысленно я уже прикидывал сколько мог полезного сделать вместо спора с этим непонятным товарищем.

Парень все-таки передал мобильный.

На экране были написано «Я все знаю. Я от тебя уйду. Не ищи меня.»

Наверно мои эмоции были написаны у меня на лице, ибо до того как я успел, что-либо сказать, он тут же сказал:

— Не изменял я ей, — произнес он, угадав мои мысли. — Я уверен, не она писала.

— И с чего такие выводы? — поинтересовался я, поражаясь комичности ситуации, все указывало на то, что всерьез поиском заниматься не стоило. Можно было вздохнуть спокойно кроме спора лишнего времени у меня это не отнимет.

— А с чего бы ей уходить из собственной квартиры? — устало, с болью в голосе спросил он. — Мне в прощальный подарок ее оставлять? В качестве моральной компенсации?

Я не удержался и потянулся за кружкой с уже давно и безнадежно остывшим кофе и сделал глоток. Холодная жидкость горчила. Если квартира принадлежала пропавшей это все меняет.

— Может к родственникам отправилась? — предположил я, сам не особо в это веря, внимательно вглядываясь в лицо заявителя.

— Я единственный ее родственник, — покачал головой Сериков- Мать и та недавно умерла. Отца уже более десяти лет нет в живых. Наташа была единственным ребенком в семье.

Что означало, что в случае смерти жены Серикову доставалась ее квартира. А квартиры в Сочи всегда были в цене. И это навевало очень неприятные мысли.

— Подруги? — спросил я на автомате.

— Подруги, — хмыкнул Кирилл, — звонил одной, ничего не знает, вроде как разводиться со мною Наташа не собиралась.

— Да, дела, — задумался я, потянувшись за бланками.

— Мне нужно ее найти, — требовательно произнес мужчина, сверля меня взглядом. — Должен быть хоть какой-то способ. — Сериков сжал краешек стала, чтобы хоть как-то успокоиться. В его голосе было столько мольбы, что я сдался.

— Телефон и выключенный можно отследить, — попытался я его как-то успокоить, и в тоже время обдумывая не он ли причастен к исчезновению супруги. Слишком странным все это казалось. — Чем вообще занималась жена? — начал задавать я обычные вопросы.

Со слов заявителя, я выяснил, что женаты с Наташей они были почти два года, девушка не работала, а вот у него самого был небольшой, но доходный строительный бизнес, занялся им он сравнительно недавно, всего несколько лет назад. Сложно было удержаться от мысли, что в случае развода его жена могла бы затребовать половину от его успешного предприятия. Вот только зачем тогда настаивать на скором поиске жены и делать такой скорбный вид?

Кирилл также сразу смог предоставить фотографию пропавшей девушки, и даже этим он смог меня удивить. Так как это была фотография, сделанная еще с их свадьбы.

— Наташа не любила фотографироваться, — прокомментировал он.

Слова «не любила» резали слух. Сказано было в прошедшем времени, как будто об уже умершем человеке, я едва не сдержался, чтоб его не поправить.

Я еще раз бросил взгляд на фото. Счастливая стройная девушка в белом платье, традиционном наряде невесты, по детски наивное лицо, легкие светлые локоны, приятная улыбка, сама невинность, и наверно тонна макияжа.

— Другие фотографии есть?

— Дома.

— Тогда едем к вам, стоит осмотреть квартиру, вы говорили, вещи пропали какие-то

Я потянулся к телефону, с тоской думая про себя, что попасть домой в нормальное время мне не светит, и позвонил дежурному, чтобы готовил группу на выезд. Сегодня из следователей дежурила молодая еще не опытная Юленька, только недавно выпятившаяся из университета, и до сих пор уверенная, что все в жизни бывает только как в учебнике. Зато экспертом в нашей группе оказался Анатолий, достаточно опытный специалист, и очень внимательный, много повивдавший в жизни. Поэтому мы молча ехали с ним в машине, пока Юленька бодро выстраивала версии произошедшего, и обрисовывала круг задач, а также что-то порою писала у себя в блокноте. Всю дорогу меня не отпускало предчувствие чего-то нехорошего, будто я что-то упускал.

В квартире Серикова нас жало несколько неприятных сюрпризов. Разумеется никакого бездыханного тела посреди комнаты нас не было, да обилия луж крови мы тоже не заметили. Напротив, в квартире был идеальный порядок, начиная от аккуратно сложенных вещей на стеллажах, заканчивая отсутствием грязной посуды в раковине.

Юля сразу попросила Серикова предоставить нам коробку с телефона жены, поскольку на ней был номер, который мог помочь отследить местоположение. Именно на это я возлагал самые большие надежды. Однако к нашему всеобщему удивлению, телефон пропавшей оказался в коробке. Юля не смогла удержаться от вопроса:

— Вы уверены, что это телефон вашей супруги?

— Да, — ответил Сериков, обескураженно глядя на найденный аппарат. — Сзади даже царапина есть. Наташа его один раз уронила.

— И что же по-вашему он делает здесь?

— Не знаю, — пожал плечами парень. — Обычно она не выпускала телефон из рук.

Юля многозначительно посмотрела на нас.

— Какие-нибудь ценные вещи пропали? Драгоценности, например?

— Нет. Даже обручальное кольцо на месте- кивнул парень в сторону комода. — Деньги тоже.

Вторым неприятным сюрпризом оказались фотографии, точнее их полное отсутствие. Весь семейный фотоальбом Кирилл хранил на ноутбуке, вот только перепроверив компьютер два раза, он не смог их найти. Как и флешку на которой хранились копии.

— Я поищу, какие-нибудь со времен студенчества Наташи еще сохранились- пообещал Кирилл.

Я лишь покачал головой. С таким же успехом можно было фотографии со школ использовать, а лучше с яслей.

Юля выразительно посмотрела на меня с немым вопросом в глазах. Всем было понятно насколько важны фотографии для поиска. Я лишь покачал головой.

— Может хотя бы в соц сетях что-то есть? — с надеждой в голосе спросила девушка.

— Мы с женой на подобное время не тратили, — тут же с пылом заявил Кирилл. — Мало ли кто б использовал потом эту информацию.

Юля заметно приуныла после этой фразы, и посмотрела на меня в ожидании идей. Все-таки я был более опытный ее. Но идей кроме тщательного обыска у меня не было.

Я решил, что лучше пойти опросить соседей, может, кто видел девушку сегодня или было что-то подозрительное. Бабушки на лавочках достаточно внимательные, когда хотят о чем-то посплетничать.

К сожалению, сегодня Наташу никто не видел, как выяснилось ее муж сегодня уже успел обежать жильцов ближайших квартир. Оперативный малый.

Разговор с дворником тоже не принес никакой полезной информации. Пожилая женщина лишь поохала, и сказала что девушку сегодня не видела, и выразила надежду, что Наташу найдут, и отправилась по своим делам, матеря тех, кто не выкидывает мусор в специально предназначенные баки. Так, и не узнав ничего, я не удержался и закурил сигарету стоя возле подъезда.

Через две минуты ко мне Анатолий.

— Нашел чего-нибудь? — поинтересовался я.

Анатолий тяжело вздохнул и вытер пот со лба, провел рукой по седым усам.

— Следы пятен бурого цвета на ковре — ответил он сухим рабочим языком.

— Кровь значит.

— А у хозяина-то еще оружие дома есть. Ружье охотничье. Юля сейчас его поэтому поводу спрашивает.

Дворник продолжал чихвостить нерадивых жителей, бросивших мусор в пакетах у подъезда.

Анатолий попросил сигарету, и потянулся прикурить.

— А знаешь, что еще интересное, Олег, — произнес он сделав затяжку и выдыхая дым. — Детские вещи у мужика тоже пропали.

Я непонимающе посмотрел на коллегу.

— Ребенок ведь тоже пропал. Он от нервов забыл сообщить, что жена вместе с младенцем исчезла.

Дворник продолжала грузить объёмные мусорные пакеты в бак. Один огромный пакет треснул по швам, открывая всем свое содержимое, на асфальт упали несколько погремушек и детская бутылочка.

Мы с коллегой изумленно уставились друг на друга.

Наталья Серикова:

12 сентября

Я бежала, бежала, что было сил, прижимая к себе свою новорожденную дочь. Тяжело дыша, я бросилась в самую гущу леса. Только бы не споткнуться, только бы не упасть! Ветки деревьев больно били по лицу, но я не обращала на это внимания, нужно было бежать. Каблуки туфель предательски тормозили движения, норовя провалиться в землю. Я в который раз мысленно проклинала себя за такой выбор обуви, но времени снять их не было, как и возможности отдышаться. Меня догоняли.

Заслышав голоса своих преследователей, я с ужасом поняла, что меня окружили. В панике я рванула вперед, уже не смотря под ноги. Это и стало моей самой большой ошибкой: угодив в яму, я ушибла ногу и едва не уронила малышку. Выбравшись, я поняла, что в таком состоянии далеко не убегу. Это был конец.

Сердце бешено билось, в висках стучала одна мысль: спрятаться, иначе, темные тени, люди без лица, найдут нас и заберут мою малышку. Крепче сжать дочь, еще один рывок в сторону какого-то густого колючего куста, нужно где-то затаиться, нужно перестать так часто и громко дышать. Но меня продолжало колотить. Я знала, что они рядом. Я знала, что они пришли за ней, за моей дочерью.

Я сжала губы, боясь шелохнуться. Колючки больно впивались в тело и, что хуже всего, касались ребенка.

Пытаясь унять дрожь, я крепче прижала к себе малышку, коснулась носом ее пушистых волос, вдохнула такой родной и сладкий запах. Замерев, я пыталась ничем не выдать своего местонахождения, отлично зная, что преследователи уже возле нашего укрытия. Быть может, они не найдут нас? Быть может, нам повезет хотя бы в этот раз? И все закончится хорошо?

Увы, моим мечтам не суждено было сбыться. Малышка захныкала, и так не вовремя! Я пыталась успокоить дочь, но безуспешно. Голодный ребенок только продолжал громче и надрывнее рыдать, и я поняла, что это конец.

Холодный мужской голос произнес:

— Выходите.

Дочка расплакалась еще сильнее, я обняла ее и поцеловала в лобик, ощутив на своих губах нечто соленое. Из моих глаз капали слезы. Я еще раз взглянула в это родное лицо, на эти голубые глазки с бархатистыми ресничками, аккуратненький носик, пухленькие щечки. Я проиграла. Проиграла опять. Я уже знала, что будет. Что, как только я выберусь из укрытия, темная фигура вырвет из моих рук ребенка, и моя дочь исчезнет, будто ее никогда и не было. Бесполезно кричать, бесполезно молить, люди-тени не знают жалости, им чуждо сострадание. Меня швырнут на землю и оставят, как ненужную вещь, — вот и все, чего я добьюсь.

Чужие руки схватили меня за плечи и потащили. Мертвой хваткой я вцепилась в ребенка, плача от собственной беспомощности. Ее вновь вырвали из моих рук.

Я проснулась вся мокрая, в слезах, тяжело дыша. Я оглядела спальню сквозь слипшиеся ресницы, все еще пытаюсь осознать, что это был лишь ночной кошмар. Страшный сон, в разных вариациях преследовавший меня еще с роддома. Где бы я ни находилась, хоть дома,

хоть на прогулке в ботаническом саду, результат всегда был один: ребенка у меня забирали, и я ничего не могла с этим поделать.

Я села на кровать и поджала колени к груди. Меня до сих пор била дрожь. Слишком реальным было мое сновидение: бегство, преследователи, ребенок. Я тяжело вздохнула. С этой болью я должна была давно смириться, но не получалось. Сны упорно преследовали меня.

И даже мое понимание, что у меня теперь новая жизнь от них не спасало.

Престижная работа, перспективы карьерного роста, личная жизнь. Насчет последнего я невесело хмыкнула. Не знаю подходила ли эта невнятная история знакомства под понятие личной жизни хоть отдаленно.

На душе тогда было тоскливо и скребли кошки. Может быть, именно поэтому меня в субботу занесло в бар. Я цедила вторую кружку кофе, когда бармен принес коктейль и сказал, что это комплемент от второго столика справа. За ним сидел обаятельный мужчина крупного телосложения, лет сорока пяти-пятидесяти, с проседью в темных волосах, одетый в серый деловой костюм. Впрочем, седина в волосах несколько его не портила. Заметив, что я смотрю на него, он подмигнул.

— Извините, не знакомлюсь в барах, — ответила я, отказавшись от напитка. И зачем я только сюда пришла? Надоело сидеть в пустой квартире?

— И не пьете, — заметил мужчина, бросив взгляд на кружку с кофе. — И какое горе, девушка, заливаете столь экзотическим способом?

— Муж бросил, — прошипела я, уже думая попросить счет.

— Меня — жена, — уныло произнес он.

Я удивленно посмотрела на него.

— Видите, как много у нас общего? Может, все-таки составите компанию? Уважите старика.

— Какой вы старик... — Я все-таки пересела за его столик. Торопиться мне было некуда, а дома все равно никто не ждал.

Он лишь пожал плечами.

— Увы, она иначе считала. Это, правда, не помешало ей выйти за меня замуж, родить ребенка, а потом увезти его и потребовать алименты. Кстати, — он усмехнулся, — я Вадим, и обычно я не жалуясь на жизнь. Уж точно не в барах.

— Наташа.

— Вот и познакомились.

Я пропустила этот комментарий, лишь спросила:

— И вы считаете, что она только ради алиментов это сделала?

— Наташ, вас это удивляет? Увы, многие люди ради больших денег и не на такое способны.

В этот момент бармен принес заказанный мною слабый безалкогольный коктейль. Я задумчиво сделала глоток.

— И что вы планируете делать?

— Подключить хорошего юриста. За большие деньги, Наташ, все можно. Ты даже не представляешь, девочка, насколько все. И ребенка суд со мной может оставить. Одно суд все-таки не отменит: она мать, — с болью в голосе вздохнул Вадим, глотнув из своего бокала.

— Она мать... — повторила я. — Хорошо, что вы это понимаете.

— Понимаю.

— Вы ее любили.

Вадим кивнул и сказал:

— Любил, тем и больше. Я вел себя, как влюбленный мальчишка, был готов звезду с неба достать, исполнял любые капризы. Она казалась такой нежной, заботливой...

— Они порою такими кажутся, — не удержалась я. Вспомнился Кирилл, его голубые глаза, его губы, его слова, что он всегда будет рядом, всегда поддержит.

— Все вполне решаемо, Наташ, но все равно больно. — Вадим ненадолго замолк, задумавшись о своем. — У тебя-то, девочка, что стряслось?

Я опустила глаза.

— У меня нерешаемо, но больно.

— Что, совсем так плохо?

Я кивнула.

— Бывший угрожает? Может, я чем могу помочь? — Вадим был явно не из тех людей, которые привыкли легко отступать. — Или юрист нужен хороший?

— Я сама юрист, — вздохнула я.

Говорить о своих проблемах мне не хотелось, поэтому мы продолжили обсуждать дела Вадима и выходы из возможного положения, придя к выводу, что у него есть большие шансы выиграть дело, поскольку бывшая жена своей жилплощади не имела, а хотела требовать ее с бывшего супруга. К концу вечера настроение у моего собеседника заметно поднялось, и он спросил:

— Ну и как мне вызвать на твоём лице улыбку? Можно ли тебя поблагодарить за отлично проведенный вечер?

Я лишь пожала плечами. Ну а что? Вадим предложил хотя бы оплатить мне такси домой, ибо небезопасно ночью гулять красивым девушкам.

Когда следующим утром я выходила из подъезда, на улице меня ждал молодой человек, представившийся курьером. Он передал мне маленькую черную коробочку, в которой обнаружили золотая цепочка с кулоном в виде прозрачного камня и записка.

"Надеюсь, заставил тебя улыбнуться, Наташ. Ты очень светлый, замечательный человек. Буду рад увидеться еще".

И в конце письма — номер телефона.

Курьер, увидев, что я дочитала, тут же сказал:

— Позвоните. Он должен знать, что я доставил подарок.

Я послушно набрала номер.

Через несколько гудков Вадим наконец-то ответил. Не дослушав о намерении вернуть такой дорогой подарок, он заявил, что это меня ни к чему не обязывает, но раз уж я ему сама позвонила, то он не против встретиться снова. Я выразительно посмотрела на курьера. Парень лишь пожал плечами, мол, приказ был дан такой. И скрылся из виду, оставив недоумевающую меня в одиночестве. Любая девушка, от такого растает.

Вырвавшись из раздумий, я взглянула на часы. Что ж, можно было отправляться на работу. Метро в Новосибирске для меня стало приятным открытием, помогающим обойтись без простаивания в автомобильных пробках, а еще отличным местом, чтобы подумать.

Только у работы я вспомнила, что не оплатила еще арендную плату квартиры, и отправилась к банкомату. Мои собственные квартиранты в Сочи уже успели перевести мне деньги. Мне с ними повезло, ни разу не просрочили платежи, всегда день в день, да и

звонками тоже не мучали. В отличие от хозяина моего нынешнего жилья, который недавно приходил, чтобы внимательно изучить все комнаты и что-то проверить.

* * *

Новая подруга оказалась проникательнее, чем бы я хотела. Марина пришла ко мне в кабинет выпить чаю, и мы разговорились на тему мужчин.

Оказывается, она недавно рассталась с женихом. Причем по дурацкой причине из-за работы. Я тут же кинулась утешать подругу. Однако она тут же спросила:

— А что у тебя случилось? Просто так от мужа не уезжают, — справедливо заметила она. — Он тебе угрожал?

— Нет, помотала я головой.

— Бил? Унижал? — спрашивала она.

Марина пододвинула мне чашку с дымящимся ароматным травяным чаем и сама сделала глоток из своей.

Я опустила глаза вниз, уперлась взглядом в пол, разглядывая замысловатый рисунок на паркете.

— Он ушел. Ушел, когда был больше всего нужен. Когда мне было больно. — Собственный дрожащий голос казался чужим. — Потому что я...

И мне пришлось рассказать. Чувство вины вновь поглотило меня: я ведь могла что-то сделать тогда, могла предотвратить... Единственное, о чем я предпочла умолчать, это об измене

Марина аккуратно коснулась моего плеча:

— Он ушел, когда у вас появились проблемы. Знаешь, Наташ, он ушел бы, даже если б ребенок родился. Это такой тип мужчин...

Я промолчала.

— Тебе надо отпустить прошлое, надо начать жить дальше.

— Как?

Я пыталась сделать это все четыре месяца, заставляя себя каждое утро открывать глаза.

— Просто начать жить.

Я не удержалась от усмешки, но Марина не обратила на это внимания.

— У тебя будут другие дети, другой муж, как и другой парень — у меня.

Я только сейчас вспомнила, что Марина недавно рассталась с молодым человеком. Да, хорошая из меня подруга. Впрочем, не было заметно, что она сильно переживала, она всегда отлично выглядела, всегда была в хорошем настроении. Или это лишь видимость?

— Да, другие, но страдая, ты ничего не исправишь. Ты никому не сделаешь этим лучше — ни себе, ни бывшему мужу, ни нерожденному ребенку. Что врачи хоть говорят? В чем была причина?

Я опустила глаза, мне было стыдно признаться, что к гинекологу я после выписки с больницы так и не ходила. Просто не смогла, не хотелось слышать очередные сухие слова, что так бывает, что все к лучшему, что повезет в другой раз. А еще закрадывался страх: а вдруг этого другого раза не будет?

По затянувшейся паузе Марина тут же догадалась, что я никуда не обращалась, но высказывать свое мнение по этому поводу не стала, за что я ей была благодарна. Она лишь

предложила завтра же съездить в частную клинику, благо она знает одного хорошего специалиста.

Медицинское учреждение находилось на другом конце города. Поэтому я предпочла отправиться туда с самого утра на такси, но все равно мы угодили в самую пробку. Я нервно поглядывала на часы, таксист лишь говорил, что успеем, нервно куря сигарету, чем нервировал меня еще сильнее. Мы и так потеряли время из-за того, что ему пришлось заехать на заправку, а потом у машины еще и колесо спустило.

Когда мы прибыли на место, я уже опаздывала на пять минут. Таксист так долго искал место для парковки, что я, не выдержав, попросила его высадить меня уже где-нибудь.

Я ненавидела опаздывать, и еще больше ненавидела опаздывать из-за кого-то.

Настроение мне «приподняло» и администратор в клинике — русоволосая кареглазая девушка в очках, одетая в белый халат, — сообщившая, что мой врач уже занят и позже принять он меня не сможет. Мой звонок с предупреждением об опоздании был для них лишь знаком того, что другой клиентке уже можно заходить.

Когда я поинтересовалась, когда к нему можно попасть, администратор с вежливой улыбкой ответила, что следующая запись к нему только через две недели.

Мне было обидно, что я зря проделала весь этот путь. Я отлично понимала, что еще нескоро решусь отправиться к врачу снова: и так слишком долго собиралась с силами, чтобы решиться хотя бы на эту поездку. Поэтому спросила, можно ли попасть к какому-нибудь другому гинекологу.

В этот раз девушка просто показала на табличку, что прием ведется исключительно по предварительной записи.

Я никогда не была конфликтным человеком, и скандал устраивать мне не хотелось.

— А не трудно ли вам поинтересоваться у врачей, есть ли на сегодня у них свободное время? Может, они согласятся на двойную оплату?

Администраторша с апломбом заявила, что это уважаемая клиника, и время, к сожалению, все равно не появится.

Я не выдержала:

— Может, мне самой поинтересоваться?

На шум подошла женщина респектабельного вида — лет сорока, в теле, одетая в такой же, как и у девушки, белый халат.

Как позже выяснилось, женщина была заведующей клиники.

— Дарья, что такое?

— Женщина хочет пройти без записи.

Заведующая перевела взгляд на меня.

— Я предупредила об опоздании, и никто не говорил мне, что мой визит отменят...

Дарья не удержалась от комментария:

— Вы же знаете, Нелли Ивановна, какая очередь к Батниковой...

Нелли Ивановна вздохнула:

— Дарья, ты предложила клиентке пойти на прием к другому врачу?

— Но...

— Меня вполне устраивает, — сказала я, уже улыбаясь.

— Я сейчас поинтересуюсь у Елены Анатольевны. По-моему, у нее сейчас есть окно.

Минут пять мне пришлось подождать в приемной, под ядовитым взглядом администраторши, пока заведующая не вернулась и не сказала, в какой кабинет мне пройти.

Удаляясь, я услышала, как она выговаривала девушке, что клиенты — их хлеб, и зачем она ее вообще держит, если та не может решить простейшие проблемы.

Помещение напоминало обычный кабинет женской консультации: два стола для врача и медсестры, шкаф для медицинских документов, кушетка, весы и гинекологическое кресло. Врач, женщина лет тридцати на вид, сегодня была без медсестры и, судя по всему, все записи делала сама.

— По беременности или просто на осмотр?

Я ответила, что второе, и врач указала мне на гинекологическое кресло. Та еще конструкция, залезть на которую — тот еще подвиг.

После осмотра, когда уже я пыталась слезть с этого орудия пыток, врач сказала:

— Ну, все хорошо, матка сократилась до прежних размеров. Месяца два назад родили? Грудью кормите?

Я чуть не свалилась с кресла. Понадобилось сделать усилие, чтобы спуститься на пол, а еще больше сил ушло на то, чтобы произнести:

— Вообще-то, четыре месяца назад случилась замершая беременность на большом сроке. Вызывали искусственные роды.

Она тут же стушевалась и покраснела:

— Простите, это легко перепутать... — судя по голосу, ей действительно было стыдно и неприятно.

— Вам — возможно. А вот я слишком хорошо чувствую разницу.

Олег Иванов, оперуполномоченный уголовного розыска.

22 августа

Я подошел к мусорному баку, жестом попросил дворника отойти в сторонку и стал доставать оттуда пакеты, совсем позабыв о том, что могу испачкаться. Дворник что-то кричал о чистоте, Анатолий тоже что-то говорил, когда я потянулся, чтобы открыть один из пакетов, и обнаружил стопки аккуратно сложенных пеленок и крошечных, детских ползунков и распашонок. Я пораженно уставился на эту грудку одежды. Кажется, Катя покупала такие же вещи нашей дочери, приговаривая, какая та будет в них красивая.

В соседнем пакете обнаружилось несколько женских блузок и платьев, явно тщательно выглаженных совсем недавно, и так же аккуратно сложенных.

Я усмехнулся про себя: Сериков был аккуратистом до мозга и костей — аккуратный почерк, аккуратная одежда, — и даже здесь остался верен себе, аккуратно сложив вещи жены и дочери перед тем, как избавиться от них.

— Олег, прекрати, — услышал я наконец голос нашего эксперта. — Ты портишь улики. Анатолий схватил меня за руку и, несмотря на свое хрупкое телосложение, держал весьма крепко.

— Какие улики? — спросил я. — Ты, что не понимаешь? — Я не удержался от усмешки. Я не мог понять, как такие очевидные вещи не доходят до него.

— Это он. Сам все сделал, сволочь...

Назвать Серикова человеком я не мог, хотя людей повидал всяких. Я видел убийц, видел насильников, но выродка, не пожалевшего собственного ребенка, грудного младенца, мне довелось встретить впервые.

— Эта мразь...

В конце концов, у меня самого был ребенок, и я не понимал, как так можно, такое просто не укладывалось в голове.

Анатолий продолжал с серьезным видом глядеть на меня, чуть нахмутив лоб, но руку так и не отпустил.

— Нет, это ты не понимаешь, мальчик, — тихо сказал он. — Кто ты? Ты судья, который может вынести приговор? Или следователь?

— Но... — начал было я.

Анатолий покачал головой:

— Ты опер, и твое дело — искать людей. Так занимайся своим делом и не мешай другим. Или хотя бы перчатки надень! — чуть ли не прорычал эксперт, доставав из чемодана пакеты и принялся упаковывать улики, едва слышно бормоча, что в его время такого беспредела не было.

Мне стало стыдно.

Уже вечерело. Я бросил взгляд на детскую площадку, где бегали малыши под присмотром своих мам. Одна девочка с визгом скатилась с горки. Несколько детей весело возились в песочнице. О чем-то оживленно беседовали сидевшие на лавочках девушки. Красота — вот только на одну мамочку с ребенком стало меньше.

— Да было бы, кого искать.

Анатолий оторвался от работы и кисло посмотрел на меня:

— А доказательства искать не надо? И трупы, если ты так уверен?

Давно меня не попрекало старшее поколение. Впрочем, Анатолий — мужик опытный, может, и посоветует чего.

— А ты не так уверен?

— Работать здесь надо, Олежа, работать. Но дело мутное. — Эксперт провел рукой по седым усам. — Зато шеф с тебя три шкуры спустит, если не найдешь ничего: все-таки ребенок пропал. Так что иди, займись делом.

— Может быть, материал не мне отпишут, и сдирать шкуру шеф будет с другого.

Анатолий лишь усмехнулся на это.

— Серикова позови, вещи опознавать. Ибо даже если материал отпишут не тебе, сегодня все-таки отработать придется.

Я вернулся к Юле и Кириллу в квартиру пропавшей. Судя по неприятному взгляду, которым наш следователь окидывала Серикова, мои подозрения, она явно разделяла. По крайней мере, девушка очень расстроилась, когда выяснила от участковых, что с оружием Серикова все было в полном порядке: разрешение у него имелось, и вообще он являлся заправским охотником.

— Охотились на кого-то крупнее зайцев? — не удержался я от вопроса с намеком.

Сериков намека не увидел.

— Нет, — с сожалением произнес Кирилл. — Далеко было ехать.

К моему удивлению, вещи, найденные мной и Анатолием, он узнал. Мастерски сооротив гримасу удивления, достал из пакета одну из вещей и заявил, что это Наташино любимое платье, без которого она бы точно никуда не уехала.

То, что Наташа уехала не сама, понимали мы все. Уже сидя в машине, Юля громко причитала при нас с Анатолием, что она точно знает, что Сериков убил свою жену, и как вообще такие люди живут. В этот раз уже я осадил девушку, заявив, что у нас нет доказательств его вины, нет доказательств даже того, что было убийство. Юля со всей горячностью, свойственной юности, хотела с этим поспорить, но никаких аргументов, кроме своих подозрений, не нашла. Зато мы все дружно пожалели того человека, которому достанется этот материал.

23 августа

Утром я узнал, кому так не повезло. Этим человеком оказался я. Причем шеф сам вызвал меня к себе в кабинет и вручил материал, обрадовав новостью, что докладывать я буду каждый день.

Владимир Геннадьевич был несколько задумчив. Брови были нахмурены, руки сложены в замок. По его лицу можно было точно сказать: не нравилось ему это дело. Я уже думал, что он тоже уверен в виновности Серикова, но, как выяснилось, шефа беспокоило другое.

— Смотри, Олег, дело может выйти громкое, поэтому под мой личный контроль. — Владимир Геннадьевич вздохнул: — Будем надеяться, не убийство.

Мне тоже искренне хотелось верить, что девушка с малышкой живы. Очень хотелось, вот только обстоятельства исчезновения говорили против этого.

— Убийство в этом квартале нам всю статистику испортит.

Первым указанием шефа было узнать все данные о младенце. Документов ребенка в квартире не обнаружилось, поэтому Юля все записывала со слов отца. Серикова Алена Кирилловна, родилась четвертого августа этого года в нашем городе. Малышке было все

несколько недель отроду.

Запрос, отправленный в Загс, результата не дал, точнее работник Загса сообщил, что такое свидетельство о рождении не выдавалось, и это поставило меня в тупик. После нескольких звонков, я выяснил, что это не ошибка, а это действительно имя не существовало ни свидетельства о рождении, ни медицинского полиса.

И в детской поликлинике, находившейся неподалеку от дома Серикова, о ребенке ничего не знали. Регистраторша, женщина в возрасте, уже с седыми волосами на голове, глядя на меня круглыми глазами, заявила, что, данных о ребенке у них нет. После настоятельной просьбы, она уточнила эту информацию у участкового педиатра, который окинул меня равнодушным усталым взглядом, но и врач уверенно ответил, что не помнит, чтоб ее вызывали к Сериковым, да и мединской карты на Серикову Алену у них нет.

Неприятных вопросов к Серикову у меня после этого прибавилось. Был ли вообще ребенок? Или Сериков просто рассудил, что незачем стоять в очередях, делать дочери документы и возить к врачу, если через месяц планируешь избавиться от ребенка? Жуткая мысль. Но зачем он все-таки сказал о ребенке и пропавших детских вещах? Я решительно ничего не понимал. Верно, Анатолий сказал: мутное дело.

Зато мне удалось опросить одну из соседок пропавшей. Полноватая женщина в старом поношенном халате и косынке, типичном наряде наших бабушек, с охотой поведала, что накануне исчезновения Натальи слышала ссору своих соседей, правда, о чем конкретно они спорили, толком не поняла. На мой вопрос, видела ли она Наташу с ребенком, ответила, что встречала ее с коляской один раз, однако саму малышку не видела, так как коляску прикрывала шторка: Наталья сказала, что сплзнуть боится, и куда-то быстро ушла. Нервная была какая-то, как не в себе. Из дому почти не выходила. Больше старушка ничего интересного поведать не смогла, хотя предложила выпить чаю и рассказать о своих соседях сверху, но на это у меня не было времени.

Я задумался о последнем сообщении пропавшей — если, конечно, его действительно набирала Наталья. Быть может, она узнала что-то о муже? Что-то такое, что стоило ей жизни. Я решил вновь побеседовать с Сериковым, тем более вопросов к нему у меня накопилось достаточно.

На мой звонок тот отреагировал усталым вздохом — вопросов ему в последнее время задавали море, — однако согласился приехать на беседу со мной. Правда, в обед, раньше приехать с работы у него не получится. Я молча отметил, что мужчина продолжает жить своей жизнью, как будто ничего не случилось.

— Что-нибудь уже известно? — с порога спросил Кирилл.

Я оторвался от монитора. Хотелось сказать «да, труп нашли» и посмотреть на реакцию, но я сдержался.

— Присаживайтесь, Кирилл Игоревич, — сказал ему я, жестом указывая на стул. Я потянулся к стакану с водой и сделал глоток. Сериков в ожидании смотрел на меня. Он был, как всегда, в костюме поверх безупречно отглаженной рубашки, чисто выбрит; от него приятно пахло дорогим парфюмом. Я не заметил на лице ни следов бессонной ночи, ни каких либо переживаний.

— Меня интересует, как так вышло, что у вашего пропавшего ребенка нет документов? — спокойно спросил я, хотя в душе бушевало другое. Один Бог знает, каких мне только сил стоило сохранять спокойствие.

Кирилл поправил воротник рубашки.

— Наташа должна была их сделать. Она все равно дома сидела, у нее было полно для этого времени.

Я несколько удивился. Когда родилась моя дочь, такими делами занимался я, шеф меня даже с работы отпустил.

— И все-таки нам нужны документы.

— Хорошо. Я думаю, получится взять в роддоме копию справки о рождении.

Роддом, хотелось хлопнуть себя по лбу, я совсем об этом забыл.

— Я сам запрошу, — ответил я, делая пометку в ежедневнике.

— Также сведений о ребенке нет в детской поликлинике. За это время вы должны были после выписки из роддома хоть раз показать дочь врачу.

— Мы показывали. Частный педиатр приезжал к нам на дом, — выкрутился Кирилл. — Я сам привозил врача.

— У вас есть выписка о состоянии ребенка? — устало спросил я.

— Я поищу дома, — ответил Кирилл. Но я уже знал, что вряд ли он что-либо принесет. Я просто кивнул.

— Что с фотографиями?

— Фото дочери есть.

Сериков протянул снимок, где он сам держит на руках младенца, одетого в белоснежный комбинезон и шапочку такого же цвета. Собственно говоря, вряд ли это фото сильно поможет: младенцы в таком возрасте все выглядят на одно лицо.

— Родители прислали, — прокомментировал он. — Постараюсь завтра предоставить в лучшем качестве. Над ноутбуком Наташи поработает мой друг, может, получится извлечь фотографии.

— Может быть, вам посоветовать хорошего программиста? — спросил я.

— Не стоит. — Сериков заерзал в кресле. — Это все? Я могу идти? Я тороплюсь.

— И последнее. — Я внимательно посмотрел на Серикова. — Вы забыли сказать, что в день исчезновения вашей жены вы поссорились. Об этом сообщила ваша соседка сверху.

Судя по лицу, Кирилл явно не ожидал это услышать.

— Причина ссоры?

Сериков тяжело вздохнул и скрестил руки на груди.

— Я же говорил, что Наташа затягивала с документами. А если не сделать за месяц, то оштрафуют. Но мы не поссорились, я просто немного повысил голос на жену.

Я кивнул, ни грамма не веря в эту историю.

— Вы подозреваете меня? — Сериков встал и возмущенно уставился на меня. Я промолчал: ответ был слишком очевиден, чтобы его проговаривать.

— Будьте готовы, вас будут вызывать на опознание, — холодно произнес я.

Сериков отлично понял, что я имел в виду опознание трупа.

— Вы будете ее искать?

— Будем, будем, — кивнул я.

Юля обещала, что вызывать на опознание его будут часто, она поспособствует. К сожалению, пока у нас не хватало оснований для возбуждения уголовного дела, хотя в отношении произошедшего наши взгляды с Юлей были одинаковы. Но, увы, наши подозрения ничего не значили. Оставалось только, как сказал Анатолий, работать.

Поскольку, шеф требовал ежедневный отчет, я все-таки поехал в роддом сам, чтобы забрать копию справки о рождении. Работником архива оказалась молоденькая девушка с

короткой стрижкой и такой же короткой юбкой. Она тут же оторвалась от чая, увидев меня по форме, и вытянулась в струнку:

— Чем могу помочь? — лучезарно улыбнулась она во все зубы. Почему-то форма действует на некоторых девушек весьма специфически.

Я протянул ей лист с запросом. Девушка кивнула и отошла к компьютеру, потом отправилась к полкам, достала какую-то коробку и принялась в ней рыться. Через некоторое время с видом победительницы достала тоненькую картонную папочку и, подойдя с ней к стойке, наконец, открыла. Пролистав, она остановилась на последнем листке и картинно ойкнула. Я развернул к себе папку. Как выяснилось, ойкнуть было от чего: нужной справки здесь не оказалось. На последнем листке оказалась выписка, из которой следовало что на тридцатой неделе у Сериковой Натальи Александровны, девяносто третьего года рождения, случились преждевременные роды, ребенок не выжил.

Я молча взирал на документ, пытаюсь понять, как такое возможно. Я же видел фото Серикова с ребенком на руках, детские вещи, найденные у подъезда. Я вновь и вновь перечитывал строки больничной выписки с ее сухими скупыми медицинскими терминами. Девушка молчала и уже не улыбалась.

— Такое бывает, — наконец нарушила она звенящую тишину этого пыльного архива.

Я лишь помотал головой. Хотелось позвонить Серикову и спросить, что это за шутки, а еще лучше — пообщаться при личной встрече, прижать его к стенке и наконец, узнать, что происходит.

Я посмотрел на свой запрос, лежащий рядом, и потянулся за ним. Холодно велел девушке сделать копию. Я пришел за справкой о рождении, а буду забирать выписку о смерти. Я еще раз пробежал глазами запрос и неожиданно заметил:

— Подождите, она же девяносто второго года рождения.

— Ой! — вновь ойкнула девушка, картинно хлопнув ресницами. — Извините, архив большой. Сейчас поищу.

Девушка опять вернулась к коробке.

— Я тут просто замещаю.

Она принесла мне новую папку, в которой нужная справка все-таки обнаружилась.

— Свидетельства о рождении нет, вечно родители забывают привозить копии.

Я лишь кивнул. Имени ребенка на справке не было — лишь дата и время рождения, пол, а также фамилия и имя матери, но мне этого было достаточно.

Через пару часов мне удалось узнать, куда же так торопился Сериков. Об этом мне сообщили гаишники. Оказывается, этот герой-отец и скорбящий муж торопился оформить новенькую Ауди.

Наталья Серикова:

13 сентября

Мы сидели с Мариной в кафе, как всегда после работы. За окном уже сгущались тучи, но домой мы не торопились. Я вяло ковыряла вилкой свой салат и вдыхала аромат ванили и корицы,

распространяющейся по всему заведению. Марина же с аппетитом поглощала свой бифштекс.

— Она еще и выписку из больницы попросила.

— Вот наглость же! — возмутилась Марина. — Надеюсь, ты тут же пожаловалась заведующей и поменяла врача?

Я промолчала. Как объяснил врач, выписка была нужна ей для лучшего понимания картины. Вот только ее у меня не оказалось, это была последняя вещь, о которой я думала при переезде. Я

даже не была уверена, что забрала ее из роддома.

— Нет, я лишь взяла список анализов и ушла.

Слишком много сил мне понадобилось на подобный поход. Встреча с Машей, общение с Мариной научили меня тому, что я не сбегу от прошлого, я должна научиться с ним жить, ради того, чтобы у меня было будущее.

— Зря, — продолжала возмущаться подруга, совсем позабыв про остывающий ужин. — Все-таки это не очень правильно, ставить с бухты-барахты диагнозы...

Я лишь вздохнула и пожала плечами, меня тревожило не это.

— Знаешь, что самое неприятное, Марин? — сказала я, чуть ли не истерически смеясь. — Она

угадала: моей дочери действительно было бы примерно два месяца, если бы...

Остальные слова не сорвались с языка и остались произнесенными. Замолчав, я уставилась в окно, за которым уже во всю лил дождь. Интересно, в этом городе хотя бы иногда бывает нормальная погода?!

Марина коснулась моей руки.

— Наташ, просто все родившие через два месяца должны обратиться к врачу, вот она и приняла

тебя за такую. Я, конечно, понимаю, что конец рабочего дня, но работать тоже надо нормально

— Я все думаю, почему же я не попросила все-таки показать ребенка... если...

Марина окинула меня предупреждающим взглядом.

— Наташ, не накручивай себя. Хватит мучиться.

— Лучше ответь: у тебя шорты и майка есть?

Я вопросительно кивнула на окно, за которым уже шел крупными хлопьями снег, и поежилась от

холода. Вот что мне в теплом Краснодарском крае не сиделось?! Нормальные люди с севера на юг

едут, а не наоборот.

— По такой погоде?!

— Понятно, — хмыкнула Марина. — Просто предлагаю тебе на тренировку сходить сегодня...

— А может, не шорты, а спортивные штаны?

— Шорты! — категорически заявила Марина. — Ладно, сама по пути где-нибудь куплю, зато сегодня развеешься, обещаю.

Непонятно, какое отношение «развеешься» имело к тренажёрам: лично я всегда считала поход в

фитнес-клуб скучным, но необходимым занятием. Однако спорить с Мариной было бесполезно.

* * *

Небольшое полуподвальное помещение пятиэтажного строящегося дома никак не ассоциировалось у меня с фитнес-клубом. Как, впрочем, и его местонахождение у черта на

куличиках. Меня в первую очередь смутило даже не отсутствие вывески или ее какого-либо

подобия, хоть чего-нибудь, указывающего на занятие спортом. Больше всего меня испугала фраза

Марины: «Расскажешь кому-нибудь — прибью».

Я уже искала пути к отступлению, но подруга крепко держала меня за запястье. Свободной рукой

она нажала на звонок.

— Свои.

Пока в замке поворачивался ключ, я оглядывалась по сторонам в поисках спасения, но освободиться от хватки Марины не получалось.

Дверь, вопреки моим ожиданиям, открыла худенькая девушка среднего роста с длинными

светлыми кучерявыми волосами, одетая в обычные джинсы и футболку.

— А, вы на тренировку? Проходите.

Я выдохнула и мысленно усмехнулась: вот, навывдумывала себе страхов! Мы с Мариной отправились в раздевалку, где уже переодевалась другая девушка. Облачившись в довольно-

таки короткие розовые шорты и топ, мало что прикрывающие, девушка перекинулась с Мариной

парой фраз и поспешила покинуть зал. Каково же было мое удивление, когда Марина протянула

мне похожий комплект, только черного цвета.

Я тут же возмутилась:

— Марин, я это в жизни не надену.

— Комплексы? — поинтересовалась Марина, мягко улыбаясь.

Честно говоря, надевать подобное не хотелось, ведь живот после неудачной беременности не

ушел.

— За одно и с ними сегодня разберемся, — сказала подруга, настойчиво протягивая форму.

— А про обувь мы забыли.

— Обувь не понадобится. Давай побыстрее, ладно?

Когда мы добрались до зала, там уже всюду шла разминка. Три девушки активно занимались на

ковриках и отжимались, впереди в пестрых веселых шортах с совами и такой же майке была, как

я догадалась, тренер. Она бодро вела счет и отдавала команды.

Обычное групповое занятие, но удивило меня другое. Вместо тренажеров в зале были...

— Шесты!!!

— Пилоны, — поправила меня Марина.

И тут я наконец все поняла.

— Марин, да ты издеваешься.

Тренер — худенькая светловолосая девушка с волосами, затянутыми в хвост, — обратила на нас внимание.

— У нас новенькая.

Марина тут же подключилась:

— Это Наташа, — представила она меня. — Тань, для новеньких первое занятие же бесплатно?

С молчаливого кивка девушки Марина потащила меня брать коврик.

— Я не буду, — тихо прошептала я.

— Я тут долго искала такого тренера, поэтому не выделяйся, — Марина вручила мне коврик и указала на угол.

Впрочем, в конце занятия я выяснила к своему удивлению, что мне понравилось. Оказалось, я на что-то способна. Правда в раздевалке я узнала о неприятных для новичков последствиях, огромных синяках, однако я все-таки решила ходить вместе с Мариной. Ведь это хороший способ отвлечься от проблем. но больше всего меня подогрела то, что Кирилл бы отнесся к этому негативно. Еще бы я должна страдать, что он меня покинул, а не заниматься не потребством.

Поскольку после тренировки распогодилось, мы с Мариной решили прогуляться.

Мы шли по улице и собирались прошвырнуться по магазинам.

— Тебе обязательно нужно с кем-то начать встречаться.

— Кто бы говорил! А Мишу со второго отдела кто отшил?

— Мне нужно время, — совсем другим, тихим голосом сказала подруга. Ей явно была неприятна эта тема.

И тут я поймала себя на мысли, что не у одной меня, вообще-то, в прошлом были проблемы. И то,

что Марина не плакала, в отличие от меня, никому в жилетку, не говорило о том, что ей легко.

Мне стало стыдно. Впрочем, Марина быстро оправилась:

— А ты зря нашего Виталика игнорируешь, он хороший парень.

Но мысли мои были не о Виталике, рыжеволосом специалисте компьютерного отдела, часто

забегающем на чай под разными предложениями.

Впереди нас шла девушка, катившая синюю коляску с плачущим ребенком. Судя по виду и голосу,

она уже совсем отчаялась успокоить малыша.

— Что же ты плачешь? Сытый, подгузник чистый...

Но ребенок не унимался, продолжая еще громче кричать.

Марина поджала губы. Ей, как и мне, хотелось уйти от источника неприятного звука.

Она уже

повернула в сторону ближайшего магазина.

Я хотела последовать за ней, но девушка выглядела уж очень отчаявшейся и уставшей.

— Ну что ты капризничаешь? — спросила она у младенца, отлично зная, что ответить он не смог.

— Девушка, может, он спать хочет, попробуйте покатавать вперед-назад...

— Уже катала, — вздохнула молодая мать, а ребенок разрывался все сильнее.

— Можно? — спросила я, подойдя поближе. Девушка, видно, настолько отчаялась, что без

возражений допустила к своему ребенку чужого человека.

Я взяла за ручку коляски и стала ее катать. С разрешения матери я убрала лишнее одеяло —

малышу, по всей видимости, было жарко, он стал пищать заметно тише, — и продолжила качать.

На секунду мне померещилось, что коляска бежевого цвета, и вместо синего одеяльца

розовое... Я отпрянула от нее, но стоило моргнуть, и все стало на свои места.

Девушка удивленно посмотрела на меня.

— Что-то не так?

— Уснул, — не стала я вдаваться в подробности. Девушка поблагодарила меня, и мы пошли каждая

своей дорогой.

Марина стояла в углу и сверлила меня взглядом.

— Зачем? — коротко спросила она меня.

— Подруга так укачивала ребенка, — солгала я, глядя вслед удаляющейся девушке.

Я не могла отделаться от мысли, что в моих снах коляска всегда была бежевой.

16 сентября

Вечером я как всегда сидела на работе, уткнувшись в монитор. Работать в пятницу не хотелось, впрочем, никто моего желания не спрашивал, а работы накопилось море, и ее надо было делать. То ли из-за переизбытка кофеина, то ли из-за предчувствия выходных усталый мозг не хотел работать. Я потянулась за конфетой. Последние недели этого добра у меня стало навалом, поскольку очень часто Виталик, паренек из компьютерного отдела, приходил попить чай, прихватывая что-нибудь вкусненькое.

Я в который раз уже листала договор с указанием цифр и ссылок на различные законы и дополнительные соглашения. Когда зазвонил телефон, я была только рада отвлечься от

работы.

— Наталья, — в трубке прозвучал знакомый женский голос. — Добрый вечер, это Елена Анатольевна, гинеколог из «Сити клиник».

— Да, слушаю. — Я вся напряглась, отлично понимая, что просто так врач бы мне не позвонил.

— Я получила результаты ваших анализов, они идеальные. Возможно, какие-то проблемы возникали именно в процессе вынашивания, поэтому мне все же нужна выписка из роддома,

— Все-таки нужна, — огорченно произнесла я.

— К сожалению, иначе не смогу вам ничем помочь.

Положив трубку, я молча смотрела на телефон в раздумьях, кого бы попросить помочь. К сожалению, на ум приходил лишь муж: даже если он и выкинул этот документ, то копию в роддоме может взять только он, у него даже доверенность для этого была, никому из моих подруг ее просто не дадут. Мне придется наплевать на гордость и все же позвонить Кириллу. Я должна поскорееполучить ответ на вопрос, почему это со мной произошло, и это важнее какой-то мелкой мести.

Его номер я помнила наизусть: когда-то очень давно, когда мы были счастливы, он заставил его выучить, на всякий случай. Я начала набирать номер, попутно обдумывая, как с ним разговаривать. А если он откажет? У нас ведь было неприятное расставание. Но, впрочем, он вполне может оказать мне эту последнюю услугу в память обо всем, что у нас было. Я, наконец, закончила набирать номер, и в трубке послышались гудки. С замиранием сердца я ждала ответа, беспокоясь, не сменил ли номер, или вдруг не берет незнакомые номера, но наконец-то услышала такой близкий и родной когда-то голос.

— Алло.

— Кирилл, — с придыханием произнесла я, готовая уже простить все на свете.

— Наташа, где ты?... — его голос дрожал от волнения.

Я была уже готова ответить, но тут как гром среди ясного неба раздался вопрос:

— Где наш ребенок? Где моя дочь?! — крикнул в трубку человек, которого я когда-то любила.

Я, ошарашенная, мгновенно отключила связь и швырнула телефон подальше, но Кирилл не унимался, продолжая трезвонить. Неужели после всех этих месяцев он до сих пор винит меня?!

В этот момент вошла Марина, вся такая сияющая и улыбающаяся. Заметив остолбеневшую меня и разрывающийся телефон, тут же изменилась в лице.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила она.

— Муж спрашивал, где его дочь, — произнесла я на удивление ровным голосом, пытаюсь осознать эти слова. Как он вообще может спрашивать подобное?! Впрочем, мое кажущееся спокойствие отдавало начинающейся истерикой.

В этот момент вошла Марина, вся такая сияющая и улыбающаяся. Заметив остолбеневшую меня и разрывающийся телефон, тут же изменилась в лице.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила она.

— Кирилл спрашивал, где его дочь, — произнесла я на удивление ровным голосом, пытаюсь осознать эти слова. Как он вообще может спрашивать подобное?! Впрочем, мое кажущееся спокойствие отдавало начинающейся истерикой.

Но Марина как оказалось, не собиралась мне сочувствовать или успокаивать.

— Зачем ты ему позвонила?! — чуть ли не шипя, набросилась она на меня.

— Мне нужна была выписка, — ответила я. Да, про эту вещь можно было забыть.

Марина лишь устало вздохнула и покачала головой.

— Могла бы меня попросить помочь. Теперь номер придется менять, — кивнула она в сторону телефона, который все никак не унимался.

Наталья Серикова:

Я слабо помнила, как мы пришли в салон связи за новой сим-картой. Не помнила я и слова из тех, что Марина говорила продавцу, который тут же протянул ей несколько пакетов с номерами на выбор. Подруга махнула мне рукой: мол, иди выбирать. Я лишь помотала головой, мне было не до этого. Мне было абсолютно все равно, какой номер она мне выберет. Как послушная марионетка, я просто протянула паспорт продавцу.

Марина заполнила за меня документы, я лишь поставила свою закорючку на договоре. Молча и отрешенно я наблюдала, как она выкидывают мою старую сим-карту в мусорное ведро, как устанавливает новую.

Мне было все равно. В голове бушевал только один вопрос: как Кирилл мог так со мной поступить?! Ведь он все знал, все знал о случившемся. Он один знал, как сделать мне по-настоящему больно, и сделал это.

«Где моя дочь?» — спросил Кирилл

Слова обвинения. Слова, пробуждающие не самые хорошие воспоминания, и это еще мягко сказано. Те, что я надеялась забыть. Была уверена, что забыла.

Роддом — место, где рождается счастье... по крайней мере, если верить вывеске. Но у меня, к сожалению, был другой случай.

«А где твой малыш?» — спросила молоденькая девочка в нежно-розовом хлопковом халате поверх казенной типовой ночнушки, когда я наконец заставила себя выйти из роддомовской палаты. От голода кружилась голова, и я поняла, что нужно что-то поесть.

— «Мой в детском отделении, — радостно щебетала она, протягивая посуду раздатчице, и пытаясь поправить растрепавшиеся волосы. — После обеда отправлюсь к нему. — Она улыбнулась, перемещая тарелки на столик. — Твой тоже в детском? Можем вместе сходить.

— Моего там нет, — тихо прошептала я. Руки задрожали, я опустила глаза в пол.

— А где? — спросила она-Неужели в реанимации? — сказала она с испугом в голосе. Будто это самое страшное предположение, которое она смогла придумать.

— Нет, — помотала я головой, и произнесла едва слышно-Его вообще нет. Он...

Слова потонули в воздухе под взглядами других девушек, вышедших в коридор, и сюда по виду заинтересовавшихся нашим разговором.

Однако моя собеседница не унималась:

— Как нет? Что произошло?

Мое самообладание дрогнуло, слезы предательски покатались по лицу, и я предпочла скрыться в палате. Мне никого не хотелось видеть.

Если девушка из соседней палаты, явно узнавшая о том, что у меня произошло у дежурной акушерки, через несколько часов хотя бы попыталась извиниться, шепча свои слова сочувствия сквозь закрытую дверь, то сами медицинские работники не были столь деликатными. По крайней мере, они явно не заглядывали в историю болезни, перед тем, как заглянуть в палату с расспросами.

— Так мамочка, а где ребенок? Малышей пора взвешивать, — спрашивали то и дело акушерки.

— Пора на УЗИ, — звали санитарки и медсестры. — Мамочка, готовьте ребенка.

Временами мне приходили мысли наклеить на свою дверь табличку с объяснением или

уговорить мужа забрать меня домой раньше срока. Вот только мое душевное состояние никого не волновало: все говорили о каком-то потенциальном вреде здоровью и каких-то возможных осложнениях, как будто что-то могло быть хуже и сложнее моего пребывания в этом месте.

Вынырнув из воспоминаний, я запоздало поняла, что мы направляемся в квартиру Марины.

— Марин, спасибо за помощь. Я, наверное, домой. — Мне было неудобно доставлять Марине столько проблем.

Подруга удивленно посмотрела на меня, слегка приподняв бровь.

— Ага, сейчас отпущу, — с сарказмом произнесла она. — А потом всю жизнь себя корить буду. Ты бы себя со стороны видела: бледная как смерть с косой, краше только в гроб кладут. Так что лучше у меня под присмотром посидишь, оклемаешься.

По прибытии домой Марина, тут же заварила какой-то травяной сбор, приятный аромат которого быстро растекся по всей квартире. Из ящиков тут же были вытащены все запасы сладкого: за шоколадом, конфетами и зефиром, предложенными мне в качестве утешения, последовала тяжелая артиллерия: коробочка с любимыми пирожными, которые я обещала не есть, хотя бы до нового года.

Я молча взяла кусочек зефира и прожевала, совсем не чувствуя вкуса. Марина пыталась поддерживать беседу, как могла. Видимо, стараясь немного облегчить мое состояние, она принялась высказывать много чего нелестного о моем муже. Я молчала, лишь изредка вставляя слово-другое: разговаривать сейчас совершенно не хотелось.

Напоив меня чаем, Марина достала из шкафа раскладушку, забытую кем-то из предыдущих жильцов ее квартиры, и посетовала по поводу маленькой жилплощади и того, как непривычно ей жить в таких условиях.

Я не удержалась от вопроса:

— Почему не вернешься домой?

Подруга села на кровать, поправила прядь, выбившуюся из прически, и мечтательно улыбнулась, изучая маникюр на руке.

— Я вернусь, — уверенно произнесла она. — Позже вернусь, когда любимый поймет, сколько я для него сделала.

Я удивлено уставилась на подругу:

— Любимый? Вы помирились?

— Есть вещи, которые можно простить, а есть те, которые нельзя. — Марина кивнула в мою сторону. — Но все-таки ему надо закончить работу, и тогда мы будем вместе. Скорее всего, поженимся и полетим в свадебное путешествие.

— Кстати, Марин, а кем он работает, что для него работа так важна?

Подруга на секунду задумалась.

— Ученый он, Наташ. Работник науки. — Судя по выражению лица, Марина им гордилась. — Кто-то ж должен делать мир лучше, пока мы в бумажках ковыряемся.

— Но ты же делаешь мир лучше благодаря косметике.

— Не сравнивай, — сказала она, шутливо бросив в меня подушку. — Он талантливый, он многого добьется. Я уверена, что когда-нибудь его позовут работать в США, и я уеду с ним.

Марина продолжала, расписывать свои планы на будущее, обустройство жилья, свадьбу и поездки: обо всем этом она говорила так уверенно, будто точно знала, что так и будет. Я

же задумалась о своем: ведь у нас с Кириллом тоже так было. Была красивая пышная свадьба, совместно сделанный ремонт, и поездки... вот только наш брак это не спасло. Но подруга так воодушевленно описывала свои планы, что я промолчала.

Краем уха слушая ее рассказы, я не заметила, как уснула. Последнее, что я помню, как рассылала всем сообщения о том, что сменила телефонный номер. Хотя, всем, это было слишком громко связано, в этой новой жизни в моей телефоне было записано от силы десятков номеров.

Разбудил меня звонок телефона. Едва продрал глаза, я мысленно обругала нехорошими словами того человека, которому не спалось в такую рань, ну и себя заодно — за то, что не поставила телефон на беззвучный режим. Потянулась к телефону, нажала кнопку ответа, надеясь, что звонок не разбудил и Марину. Но та лишь поворочалась, перевернулась на бок и продолжила спать.

— Алло, — сонно пробормотала я, попутно думая, что могло приспичить субботним утром хозяину квартиры, которую я снимала. Раньше он меня звонками не очень баловал, за что я ему была благодарна.

— Добрый день, Наталья. Я звоню сообщить, что к утру понедельника вы должны освободить мою жилплощадь, а лучше к вечеру воскресенья.

— Но как?! У нас договор! — тут же возмутилась я. Всю сонливость как рукой сняло. — У меня оплачено почти на месяц вперед.

— Ах да, — опомнился мужчина. — По договору я должен предупредить вас за три дня, сегодня отправлю еще письменное уведомление... -Деньги за не отжитое время я вам, конечно, верну, — продолжил он, пока я думала лишь об одном. Чем я думала когда подписывала подобный договор? Почему не прихватила тогда свой вариант договора? Засмотрелась на заманчивую цену, что даже не дочитала документ, который подписываю. И это я юрист. Моим преподавателям было бы за меня стыдно.

— Но ведь найти жилье за такое время... — возмутилась я.

— Извините, — прервал он меня, — но это не мои проблемы. Я и так сообщаю вам это рано утром. Больше ничем помочь не могу, мне нужна моя квартира. Ах да, будьте внимательны при переезде: все, что вы не заберете вовремя, я просто выкину. Всего вам доброго.

— И вам, — произнесла огорошенная я на автомате. Вот что за срочность такая?! Несколько месяцев квартира ему нужна не была, и тут внезапно понадобилась, да еще так срочно.

Нужно было что-то делать, и чем раньше, тем лучше. Перспектива остаться без крыши над головой меня не устраивала, поэтому я, выйдя в интернет сразу с телефона, начала искать жилье, попутно рассматривая свою правую руку, на которой откуда-то взялось несколько фиолетовых синяков. И где же я так умудрилась? Хотя ответ очевиден: на тренировке несколько дней назад. Вот только знание этого не облегчало боль от свежих, судя по ощущениям, ушибов.

Пролистав несколько вариантов, я почувствовала невыносимую головную боль и решила, что нужно выпить кофе. Марина до сих пор спала, поэтому на кухню я отправилась в одиночестве.

Пока кипел чайник, я открыла холодильник, чтобы достать сливки для кофе, и заметила на одной из полок прозрачный контейнер с различными флакончиками и коробочками — судя по всему, с лекарствами. Это натолкнуло меня на мысль, что стоило бы поискать что-

нибудь от головы. На мое счастье, аптечка, представлявшая собой классический белый чемоданчик с красным крестом, лежала на видном месте. В ней я обнаружила прямо-таки арсенал, подходящий какому-нибудь медработнику: жгуты, шприцы, вата, бинты, куча таблеток и мазей, аккуратно разложенных по разным карманам и отсекам, в порядке, понятном, наверное, только хозяйке. Марина, похоже, предпочитала быть готовой ко всему. Например, после знакомства со мной, ей наверняка пришлось пополнить запас успокоительного. Невесело улыбнувшись этой мысли, я проглотила таблетку аспирина, запив горячим кофе.

Пролистывая различные объявления об аренде квартир, я поняла, что вчерашний разговор с мужем был мелочью. Подумаешь, задал неприятный вопрос, непонятно с какой стати пришедший ему в голову. Понятное дело, Кирилл злился на меня и, если подумать, даже имел на это право. Мало кому приятно получить сообщение о том, что жена выгоняет его из квартиры без права даже забрать вещи самому, зато со словами, что теперь здесь будут жить чужие люди. Нет, вещи Кирилл свои забрал, но уже от моей подруги, но внезапное возвращение в отчий дом вряд ли могло его обрадовать. Но все-таки так мелко мстить... совсем на него не похоже.

Я сделала еще один глоток кофе. Кирилл мог подождать до того момента, когда я попрошу официальный развод, а вот жилищный вопрос ждать не может. К сожалению,

Первым, что я выяснила для себя, изучив объявления, это то, что я даже не подозревала, как мне повезло с первой квартирой: и ремонт свежий, и мебель новая, и вся необходимая бытовая техника в наличии, даже кондиционер — правда, зачем он нужен в Новосибирске, до сих пор оставалось для меня загадкой. И ведь снимала я жилье по очень низкой цене, оказывается! То ли аренда внезапно подорожала, то ли мне тогда очень сильно повезло, но на сей раз квартира — даже более удаленная от центра и хуже обставленная, — обойдется мне гораздо дороже.

За этим занятием меня и застала Марина, уже успевшая привести себя в порядок. Даже в простецких джинсах и белой майке она выглядела шикарно.

— Чем занимаешься? — спросила она, включая кофеварку.

— Дивлюсь, какая у вас недвижимость дорогая, — невесело ответила я, уставившись в телефон. Недопитый кофе уже давно и безнадежно остыл.

— Это ты еще в Москве не была. И с чем связан подобный интерес? Понравился климат, и ты решила остаться здесь навсегда?

Я оторвалась от экрана и грустно вздохнула:

— Хозяин квартиры сказал срочно выселяться. Причем "срочно" означает два дня.

— Ничего себе! — Марина поставила кружку на стол и села, закинув ногу на ногу. — И как перспективы?

— Не очень. Либо другой конец города, либо мне придется звонить своим квартирантам, чтобы они оплатили следующий месяц раньше.

Подруга тут же помотала головой.

— Плохая идея. Что будешь делать, если они решат съехать? Надо исходить из тех средств, что есть.

Я протянула Марине телефон с намеченными вариантами. Как я и ожидала, она в восторг от них не пришла.

— Выбирать особого не из чего, поэтому допью кофе и выдвигаюсь смотреть.

Подруга фыркнула.

— Выбор есть всегда. Необязательно снимать первую попавшуюся. — Марина задумалась на секунду. — А что если посмотреть двухкомнатную?

— Она будет дороже, — на автомате ответила я и зевнула. Недосып давал о себе знать.

— Нет, если снимать вдвоем, — улыбнулась подруга.

— А если ты уедешь? — спросила я, вспомнив, о чем мы говорили вчера вечером.

— Я тебе умоляю: к тому моменту ты, наверно, уже замуж выйдешь. — Марина сделала глоток кофе и взяла дольку шоколада. — Так что, ищем?

Я кивнула. Уже с помощью Маринного ноутбука мы начали искать квартиру и нашли несколько подходящих вариантов. По крайней мере, на фото они казались подходящими. Правда, не все хозяева квартир были в городе. Допив кофе, мы отправились одеваться, чтобы скорее отправиться смотреть будущее жилье.

Позвонив по одному объявлению, мы договорились об осмотре квартиры. По пути я все пыталась вспомнить, какие вопросы в свое время задавали мне мои квартиросъемщики, но это как-то утекло из памяти. Вроде их все устраивало. Я даже лиц их не помнила, как и имен, хотя я вроде бы забрала договор с собой. Да и когда я сама в первый раз снимала квартиру, я вроде никаких вопросов не задавала, не до того как-то было: крыша над головой есть, и хорошо.

Как истинные евреи в душе, мы решили начать с варианта подешевле. Пришлось немного времени потратить на дорогу и поплутать в поисках дома.

Дверь в квартиру нам открыла женщина средних лет с короткими рыжими кудрявыми волосами и слишком яркими перламутровыми тенями, неаккуратно нанесенными на глаза. В глаза бросился алый лак, облупившийся на кое-как подстриженных ногтях. Она тут же проводила нас в квартиру и ни на минуту не замолкала, расхваливая ее: мол, мебель старая, но прочная, тогда умели делать на века, планировка удачная и так далее. Мы молча следовали за ней. Марина внимательно, разве что не под лупой, изучала все, задавала хозяйке вопросы о стоимости коммунальных услуг, о соседях, а так же о бытовой технике...

Меня в целом все устраивало: главное, что была кровать и ванная, остальным я нечасто пользуюсь. Усмехнувшись своей неприхотливости, я уже была готова спросить, когда можно въезжать, но под взглядом Марины поняла, что это плохая идея. Ей определенно что-то не нравилось.

Распрощавшись с хозяйкой и клятвенно обещав позвонить, мы вышли в подъезд, где Марина тут же произнесла:

— Не подходит, слишком далеко от работы. И ремонт мне не нравится. Придется повозиться, чтобы сделать из нее что-нибудь приличное..

Я едва удержалась от вопроса, зачем мы вообще сюда поехали. Я была неконфликтным человеком. Портить отношения с подругой не хотелось, да и ни к чему хорошему это бы не привело: все равно время уже потеряно.

В следующей квартире ситуация повторилась, только теперь Марине не понравилась мебель, да и хозяин — мужчина кавказкой национальности, — вызвал у нее какие-то подозрения. В еще одной квартире подругу не устроил размер коммунальной оплаты. В четвертой, по мнению подруги оказалась слишком маленькая ванная комната.

Из последней квартиры я уходила заметно расстроенная. Подруга попыталась утешить, говоря, что у нас еще осталось время выбрать подходящее жилье. Про себя я отметила, что у кого-то, может быть, и осталось: Марину-то никто со съемной квартиры не выгонял, а вот у меня в запасе было чуть больше суток. Я уже жалела, что согласилась на предложение

подруги, даже не предполагая, насколько она придирчива.

Мне все же удалось сдержать раздражение и распрощаться с подругой, натянув одну из дежурных улыбок, которыми я обычно одаривала надоедливых клиентов. Нужно было торопиться домой, хотя бы собрать вещи.

Увы, сегодня точно был не мой день: по пути я попала под дождь. Уже хорошо, что хотя бы не под снег: новосибирская погода оказалась непредсказуемой и богатой на сюрпризы. Я промокла насквозь и замерзла. Но как же было приятно оказаться дома, избавиться от влажных вещей, запутаться в теплом махровом халате и налить себе чашечку чая!

К сожалению, времени прохлаждаться особо не было. Нужно было поскорее собрать вещи, да и на всякий случай посмотреть однокомнатную квартиру для себя: интуиция подсказывала, что с такой подругой новоселье будет не скоро, и это заставляло меня нервничать.

Сбор и упаковка вещей, несколько затрудняло то, что с Сочи, я прихватила много ненужных вещей, в том числе одежды, которую никогда не носила, но была жаль выкинуть. Чем я думала, когда собирала вещи, оставалось для меня загадкой: столько всего любимого оставила там, в том числе и любимый приталенный черный пиджачок, а вот старую сумку, с которой когда-то ходила на предыдущую работу, зачем-то взяла. Правда, по приезду тут же запихнула в шкаф, уж слишком неприятные воспоминания она вызывала.

Я достала ее с антресоли, покрытую толстым слоем пыли. Выкинуть ее, что ли? Жалко, сумка была куплена на первую зарплату. На всякий случай я решила проверить ее содержимое и, расстегнув молнию, обнаружила свой рабочий ежедневник. На первой странице календаря была отмечена дата ухода в декретный отпуск.

Я вздохнула. Человек предполагает, а Бог располагает. Хотя времени было в обрез, я решила быстренько пролистать ежедневник — так сказать, пробежать по страницам воспоминаний. Попадались записи и о рабочих моментах, и о визитах к врачу, графике сдачи анализов, походах на УЗИ.

В середине я обнаружила визитку фотографа, занимающегося новорожденными. На визитке имелась конкретная дата и даже время, когда я должна была забрать фотографии. Я несколько удивилась своей тогдашней уверенности в лучшем и попыталась вспомнить, хватило ли мне смелости позвонить фотографу и сообщить об отмене фотосессии, но так и не вспомнила. Тяжело вздохнув, я отложила ежедневник со всеми его записями и планами на несостоявшееся будущее.

Наконец, когда все вещи были сложены в коробки, сумки и пакеты, я позволила себе отдохнуть и лечь спать.

Рано утром мой сладкий и заслуженный сон прервал звонок. До идеи поставить телефон на беззвучный режим я почему-то так и не снизошла. Жизнь меня явно ничему не научила.

Мысленно проклиная того, кому не спалось в такую рань, сонная я потянулась к телефону, совершенно не ожидая услышать счастливый голос Марины:

— Я нашла подходящее жилье, — радостно возвестила подруга, забыв поздороваться.

Я едва сдержала ехидное "да неужели!". После вчерашнего я уже сомневалась, что слова "Марина", "нашла" и "быстро" можно совместить в одном предложении.

— Куда ехать?

— Ко мне. Представляешь, сдают в этом же доме, на несколько этажей выше.

— Удобно.

— Да, до работы близко.

Лично я подумала о другом: кому-то удобно будет вещи перевозить.

На всякий случай я все-таки накидала себе несколько вариантов съемных однокомнатных квартир: что-то не верилось мне в такое счастье. Наскоро позавтракав и переодевшись, я отправилась к подруге на осмотр новой жилплощади — небольшой двухкомнатной квартиры площадью шестьдесят метров, с просторной уютной кухней, новой мебелью и свежим ремонтом. Честно говоря, осмотр меня не интересовал: просто нужно было убедиться, что мы с Мариной наконец нашли подходящее жилье.

— Ой, посмотри, какие шторы! — восторженно трещала она. — И как удачно, что тут две двуспальные кровати. На диване тебе бы спалось не очень, — сказала подруга с искренней заботой в голосе.

Помогать с переездом Марина привлекла нашего коллегу Виталика. По тому, что айтишник был одет в деловой костюм, чисто выбрит и немного переборщил с одеколоном, складывалось впечатление, что он не просто перевезти нам вещи приехал. Он старательно намекал на то, что новоселье бы не помешало отметить, но я честно призналась, что очень устала, и Виталик решил ограничиться походом в кино, чтобы развеяться.

Вечером мы с Мариной уже раскладывали все по местам. Уставшая, но довольная, я легла спать в своей новой комнате, однако лечь спать из заснуть оказались понятиями, друг от друга далекими. Я смотрела на белый ковер у кровати. Когда-то я хотела купить подобный в нашу с Кириллом спальню, но мужу он показался слишком марким.

Кирилл... Все-таки из головы у меня не уходил разговор с мужем. Каким-то дурацким и непонятым он вышел. Я все же набралась смелости еще раз позвонить ему. Часы показывали почти полночь, но это не умаляло моей решимости: по крайней мере, завтра перезвонит сам. Уже набирая последние цифры его номера, я задумалась: что там, в конце, сорок девять или сорок семь? И чем больше думала, тем сильнее сомневалась в правильности всего номера. Я с удивлением осознала, что не помню номер мужа. Пожав плечами, я подумала, что оно, может и к лучшему — зачем трепать себе нервы на ночь? — и наконец, уснула.

Наталья Серикова

19 сентября

Новая квартира была прекрасна, но, как и у всего прекрасного, недостаток у нее все же нашелся. Точнее, не у нее, а в самом доме: не работал мусоропровод. Но это было еще полбеды. Обнаружить, что не работает лифт, было совсем уж неприятным открытием, особенно для человека, живущего на десятом этаже. Марина хоть и пошутила, что такими темпами у нас будут идеальные фигуры, скисла уже на шестом этаже. Впрочем, расстраиваться впору было мне: пришла моя очередь выносить мусор, а значит, этот путь придется проделывать несколько раз. Да и температура на улице меня не радовала, холод я не любила никогда. Немного отдышавшись, дома я все-таки решила заняться делами, и начать с самого неприятного. Накинув на себя куртку и взяв сразу нескольких пакетов мусора сразу, я вновь отправилась в путешествие вниз по ступенькам, мысленно проклиная местный «жэк» за неспособность создать людям нормальные жилищные условия.

По пути я услышала звонок телефона. Достав мобильник из кармана, я выяснила, что звонил Вадим. С нашей последней встречи он звонил только один раз: сказал, что помнит обо мне, но страшно занят.

— Здравствуй, Наташ! Как ты? — раздался в трубке бархатистый приятный голос. Кажется, ему действительно было интересно.

— Да вот переехала совсем недавно.

— Из-за чего?

Я пыхла, спускаясь по ступенькам, крепко держа мешки с мусором в обеих руках, а плечом прижимая телефон к уху. Почему-то я не догадалась зайти на лестничную площадку, когда выбирала жилье. Меня только лифт интересовал. А лестницы здесь оказались достаточно крутыми.

— Хозяину внезапно квартира потребовалась, — Серdito произнесла, но тут же добавила более мягким голосом: — Но ничего страшного, нашла жилье лучше.

Вопрос, лучше ли?! Вот сейчас я, действительно скучала по старой квартире.

— А что сейчас делаешь?

Да, замечательный вопрос! И, главное, заданный в самый подходящий момент.

— Мусор выношу, — честно ответила я. — Простые смертные иногда выносят мусор, Вадим.

Тот лишь усмехнулся в трубку.

К тому моменту я вышла из подъезда и устремилась к мусорному баку. На улице уже совсем стемнело.

— А что еще делают простые смертные? — поинтересовался Вадим.

Я наконец-то отправила пакеты в бак и облегченно вздохнула. Было темно, дул ледяной ветер, и мне не терпелось поскорее оказаться в теплой квартире.

— Едят, спят, ходят на работу.

Я все пыталась понять, к чему Вадиму эти пустые разговоры. Как я поняла, у него свободного времени немного. Впрочем, он не стал заставлять меня томиться в догадках.

— А простые смертные любят кататься по ночному городу?

Вадим спрашивал о встрече, но я сегодня устала и хотела отдохнуть.

— Только не сегодня, — ответила я, догадываясь, что он возразит. Вадим был из тех мужчин, привыкших получать все, что пожелают.

Зябко ежась от холода, я поправила капюшон на голове и уже собиралась выдвигаться в сторону подъезда.

— Поздно, Наташ. Я уже здесь.

Неподалеку засигналил черный внедорожник, который только что припарковался в паре метров от меня.

— Как ты меня нашел? — удивленно спросила я, таращась на машину.

— Могу рассказать. Правда, для этого тебе все-таки придется сесть в машину.

И мне просигналили еще раз.

Я вздохнула. Что за невыносимый человек?! Неудивительно, что у Вадима были проблемы с женой. Все-таки иногда надо и к желаниям окружающих прислушиваться.

— А аргументы — такие как «я устала», — принимаются? — без особой надежды спросила я. — Может быть, я хотя бы домой зайду переоденусь?

Вместо ответа Вадим вышел из машины и, открыв заднюю дверь, застыл в ожидании меня.

— Наташ!

Пришлось садиться. Вадим довольно улыбался. Как и в прошлый раз, он был в деловом костюме, только темно-синего, почти черного цвета. От него приятно пахло дорогим парфюмом. Краем глаза я отметила, что переднее сиденье возле водителя занято достаточно крупным мужчиной в черном костюме.

— Охранник, — пояснил Вадим, заметив мой интерес. — Мода сейчас на них, без охраны никуда.

Как же! Так я и поверила. Впрочем, наличие «секьюрити» меня волновало гораздо меньше вопроса, как Вадим узнал, где я живу. Следил, что ли? Я в который раз задумалась, что не знаю, что Вадим за человек. Но, тем не менее, я почему-то села к нему в машину.

— Как ты меня нашел? — спросила я. А в это время водитель вывел машину на трассу, и мы понеслись по улицам вечернего Новосибирска.

Вадим продолжал улыбаться улыбкой победителя.

— Не поверишь, что можно сделать, имея всего лишь телефонный номер. Особенно если у тебя есть хорошие знакомые.

Спрашивать, кем работают его хорошие знакомые, я не стала. Все равно не расскажет. Но вот этот факт меня пугал. Да уж, говорила мне мама, никогда не знакомься в барах, ничего хорошего из этого не выйдет

— А что ты еще можешь? — не удержалась от вопроса я.

Взгляд Вадима был мягким, он не удержался от усмешки:

— А что тебя интересует?

Я молчала.

— Давай в ресторан «Монпасье»? — предложил Вадим.

Название ресторана было мне незнакомо, но я отлично понимала, что по таким местам не ходят в старых джинсах и в обычной рубашке в шотландскую клетку.

— Вадим, тебе не кажется, что в ресторан не ходят в той же одежде, в которой выкидывают мусор?

Он кивнул и тут же предложил:

— Хорошо, давай заедем в какой-нибудь бутик?

Я тяжело вздохнула.

— А может, все-таки домой? Или, если так хочешь, в какое-нибудь место попроще?

Выходя из дома, денег я с собой не взяла. Да и покупка нового платья в моих планах на вечер отсутствовала. Вот только как объяснить это Вадиму?

Объяснять ничего не пришлось — он и сам обо всем догадался.

— Выберешь себе что-нибудь, а я заплачу. В конце концов, это я тебя вытащил. — Вадим виновато улыбнулся.

Я лишь помотала головой. Мне не хотелось быть обязанной Вадиму. В конце концов, я его не практически не знала.

А тем временем я уже видела светящуюся вывеску ресторана. И судя по тому, как выглядело здание, дресс-код какой-то здесь все-таки существовал.

— Боюсь, в джинсах сюда не пускают, — пожалала плечами я. — Может быть, посидим в каком-нибудь кафе за чашкой кофе?

— Со мной пускают везде, — заметил он. — Если ли есть желание.

Вадим взял меня под руку, и мы с ним вошли в ресторан. На входе нас ждал администратор. Вадим даже не успел рта открыть, как тот сказал:

— Ваш столик ждет вас. Белый зал.

От меня не укрылось то, каким взглядом он окинул меня. Взглядом, полным удивления. Видно, Вадим привык водить сюда совсем других женщин.

Зал оказался небольшим, всего лишь на десять столиков. Весь декор был выполнен в светлых пастельных тонах, посреди зала журчал миниатюрный фонтан в форме ангела. Играла живая музыка. Я с удивлением обнаружила в зале пианино, за которым играл музыкант. От печальной мелодии щемило сердце. Людей было немного: всего лишь несколько занятых столиков были заняты мужчинами в костюмах и девушками в вечерних нарядах, блиставших дорогими украшениями. Я в своей яркой красной рубашке в эту атмосферу совсем не вписывалась. Впрочем, уверена, что и в джинсах сюда никто до этого не являлся. Поэтому для меня не стало сюрпризом, что всю дорогу до столика я чувствовала на себе взгляды женской половины зала и слышала перешептывания за спиной. К моему большому сожалению, наш столик находился у окна и был отлично виден всем.

Отодвигая мне стул, Вадим спросил:

— Может, все-таки стоило согласиться на бутик?

Я хмыкнула:

— Это не самое страшное в моей жизни.

И это было правдой. Как говорится в одной старой поговорке, «все познается в сравнении»: после пережитого мне многое казалось мелочью. В том числе и официант в белоснежной рубашке с бабочкой и в брюках, окинувший меня удивленным взглядом, перед тем как принять заказ.

— Но все-таки стоило предупредить заранее.

Я злилась. Если бы не Вадим, я бы не попала в такую ситуацию. Но его моя злость похоже, забавляла.

— Ты могла согласиться на бутик, — упрямо заявил он. — К тому же не получилось бы сюрприза, а я не люблю, когда мне кто-то что-то портит.

Нам принесли вино, и Вадим сам наполнил мой бокал. По его словам, побывать здесь и не попробовать вино, было бы преступлений. Впрочем, в этот список же можно было внести целый перечень блюд. Еду принесли достаточно быстро. От запаха и одного вида у меня

потекли слюнки.

— Эх, а я обещала с подружкой вместе на диете посидеть.

Вадим, уже приступивший к жаркому, ответил:

— Ешь, я честно ничего ей не скажу, — усмехнулся он.

Вечер понемногу становился все более приятным и непринужденным. Официант подливал вино, мы с Вадимом смеялись и шутили, разговаривали обо всем на свете, в том числе и о путешествиях. Как выяснилось, он побывал и в Сочи, в моем родном городе, и мы естественно начали спорить о том, который город лучше.

— Объясни, почему все-таки здесь лучше? — в который раз за вечер спросила я. — Здесь же так холодно.

— Мы оба здесь. Ты почему-то уехала из Сочи.

Пришлось сдаться, хотя я отчаянно не любила проигрывать.

С Вадимом было удивительно легко, несмотря на разницу в возрасте и образе жизни. Если что и портило вечер, так это две девушки, сидевшие за соседним столиком и громко хихикавшие о чем-то, потягивая коктейли. В перерывах между этими занятиями они буравили меня сердитыми взглядами.

Вадиму позвонили, и он решил выйти, чтобы поговорить без лишних помех. Он отсутствовал каких-то пять минут. Когда он вернулся, на нем лица не было.

— Что случилось?

— Она сбежала, — сказал Вадим мертвым голосом, глядя в никуда.

Мне не потребовалось спрашивать, о ком он говорил: я сразу поняла, что о своей супруге.

— Сбежала с моим ребенком, — сердито добавил он, подтвердив мои догадки.

— Что ты будешь делать?

— Ее найдут, Наташ, — уверенно произнес он. — Ее все равно найдут. Ей не спрятаться от меня. И она это отлично знает. Глупая девчонка! Чего она добивается этими выходками?!

Он не выдержал и стукнул кулаком по столу.

Сейчас Вадим меня пугал. В его глазах я видела ярость, а то, с какой уверенностью он говорил, показывало: этот человек способен на все. Его жене можно было лишь посочувствовать.

— Ее можно понять, Вадим. Ты хочешь отнять у нее ребенка. В ее ситуации я бы поступила точно так же.

Вадим пораженно посмотрел на меня, как будто увидел впервые. Мне стало не по себе.

— Ты? У тебя разве есть дети, Наташ? — тихо спросил он, смотря прямо в глаза.

Я лишь помотала головой.

— Это не мешает мне понять.

— Просто все это... — Вадим закрыл лицо руками. — Все это слишком. Слишком мерзко.

Хотелось его хоть как-то утешить, похлопать по плечу, но расстояние не давало мне это сделать.

— У тебя хотя бы есть ребенок. Поверь, бывает хуже, — произнесла я, опустив глаза.

И я рассказала ему свою историю. Вадим внимательно слушал и мочал.

— Кирилл был идеальным, таким заботливым. Я и подумать не могла, что он может так измениться...

— Идеальным?

— Лучшим из мужчин. Оригинальным, умеющим слушать, поддержать. По крайней мере, я так считала.

Что-то непонятное блеснуло в глазах у моего собеседника. Он положил свою руку поверх моей и спросил:

— Могу ли я чем-нибудь помочь? Может быть, нужен хороший врач?

Как всегда, рыцарь без страха и упрека, готовый броситься на помощь даме.

Я лишь ответила, что ничего не нужно.

— Прости. Ты, наверное, хотела обо всем этом забыть?

Я грустно улыбнулась и отвела взгляд. Взяла в руки бокал вина и взболтнула, любясь оттенками напитка. Если бы все было так легко. Забыть хотелось, но не получалось. На прошлой неделе одна из сотрудниц, находящаяся в декретном отпуске, пришла к нам в гости, да еще не одна, а с двухмесячным младенцем. Разумеется, в приемную тут же набилась толпа желающих посмотреть на малыша, а я, только что вышедшая из кабинета начальницы, попросту не успела сбежать. Молодой маме понадобилось срочно достать что-то из сумки, и она попросила меня подержать малыша. Не дождавшись ответа, она вручила ребенка мне в руки, еще и похвалила, что держу правильно. Это было странное чувство, держать чей-то теплый, но хрупкий комочек счастья. Лишь Марина, взиравшая на меня с ребенком, покачала головой, а наедине предположила, что у меня нездоровая любовь к самоистязанию.

Вадим вздохнул и посмотрел на меня:

— Эх, слишком хороший ты человек, Наташ. Светлый.

* * *

Марина зашла ко мне в кабинет и молча положила папку с утренней почтой, и вышла, не произнеся не единого слова. Она все еще злилась на меня, потому что я не предупредила ее, что уйду на свидание. Эх, если бы я сама об этом знала-то? Но я все-таки написала подруге сообщение, что задержусь, пока мы с Вадимом ехали в ресторан.

Однако в квартире меня все-таки ждала разъярённая подруга, которую, по всей видимости, сообщение не очень-то успокоило. Да мало ли кто его писал, могла бы, и позвонить, заявила мне Марина. Я надеялась, что подруга не будет дуться долго из-за таких пустяков.

Но когда открыла папку с документами, тут же перестала об этом думать, когда увидела первый лист. Я ведь совсем позабыла, что Марина обещала достать его. Но она даже не предупредила меня, не произнесла ни слова.

Руки предательски дрожали, а я продолжала смотреть в одну точку. Один лист, всего один лист стандартного размера с черным стандартным шрифтом. Один лист, который когда-то ознаменовал перемену всей моей жизни.

Я почему-то представляла это иначе. Интересно, чего я хотела? Чтоб мне прислали целую книгу? Со всеми моими чувствами и мыслями, и с ответами на главный вопрос «почему со мной такое произошло»?

Все оказалось куда прозаичнее. Выписка из истории болезни за таким-то номером. Моя фамилия, имя и отчество. Год рождения — с ошибкой, но с кем не бывает? А дальше — сухие медицинские термины, от которых слезы на глаза наворачивались: замершая беременность, отсутствие сердцебиения и прочее. Какие-то анализы и цифры. «Выписана в

удовлетворительном состоянии».

Сквозь слезы я ухмыльнулась: да, интересное у кого-то представление об «удовлетворительном состоянии»...

Впрочем, это случилось, и мне оставалось только смириться.

Дрожащими руками я наконец-то набрала номер врача: сказать, что выписка уже у меня. Но никто не отвечал.

Не выдержав, я решила набрать номер клиники.

— Здравствуйте, можно записаться к Елене Анатольевне?

— Здравствуйте, к сожалению, Елена Анатольевна у нас больше не работает. Но могу записать вас к Боярышкиной. Она отличный специалист...

Не став дослушивать, я положила трубку. Врач даже не предупредила меня о смене работы.

Это было чертовски странно.

Анна Коротова

22 августа

Так бывает, что один звонок рушит всю существовавшую до этого упорядоченную жизнь. Когда ты расслабленно едешь в машине, слушая музыку, а впереди у тебя любимая работа и вечер у моря с красивым парнем. Жизнь прекрасна, и ничто не может это испортить, по крайней мере, сейчас кажется именно так.

Наверно, мне стоило заподозрить неладное, когда я только услышала звонок, и на экране телефона высветилось имя Кирилла, мужа Наташи. До этого супруг лучшей подруги мне никогда не звонил.

— Наташа у тебя? — спросил Кирилл. Обычно всегда вежливый, он почему-то даже не удосужился поздороваться. — Не могу ее найти.

— Нет, я вообще не в городе. Может, у Наташи телефон сел? — ответила я. За моей подругой числился такой недостаток: она постоянно забывала вовремя ставить мобильник на подзарядку и спокойно могла проходить целый день с выключенным телефоном. Для меня же подобные умения были в диковинку, да и работа организатора праздников не позволяла оставаться без связи.

— Приедешь домой, напомни, чтобы на зарядку поставила, — беззаботно добавила я, потянувшись к стаканчику с кофе. За окном светило солнце, а трасса была практически пустой. Никаких тебе городских пробок, и такой соблазн проверить на деле, с какой скоростью способна ездить машина, если никто не мешается на пути...

— Я уже дома. Ее нет.

— Ушли гулять, — спокойно ответила я, не понимая, почему Кирилл беспокоится. В конце концов, чем еще Наташе заниматься в декретном отпуске?

— Ни ее, ни вещей, ни малышки, — сказал он совершенном пустым голосом.

Я поперхнулась кофе. Несколько светло-коричневых капель попали на белоснежную блузку, но меня это не волновало.

— Как?

Кирилл будто не слышал моего вопроса.

— Только обручальное кольцо на комод. Маленькое золотое колечко с гравировкой внутри — «навсегда». Наташе почему-то понравилась идея. "Это навсегда"... Ань, она собиралась от меня уйти?

Было странно слышать этот вопрос от «идеального мужчины». По крайней мере, подруга считала Кирилла именно таким. Я никогда не слышала, чтобы они ссорились, да и Наташа ни на что не жаловалась — наоборот, даже шутила, что такой любящий и заботливый муж ей достался в качестве компенсации за все перенесенные невзгоды.

— Что вообще происходит?!

Мне самой хотелось это спросить, но Кирилл меня опередил.

— Я не знаю, Кирилл. Я еду к вам.

25 августа

К Кириллу попасть я не успела. Мне позвонили из полиции и велели явиться к ним, ведь как подруга Наташи я могла знать что-то важное.

Я нервничала: за все свои двадцать шесть лет мне никогда не приходилось бывать в полиции. Я протянула паспорт дежурящему на входе сотруднику. Он мельком посмотрел паспорт и кивнул после моих слов о том, что меня ждут. Никто ни о чем меня не спрашивал и никто не вызвался проводить. В коридоре везде сновали люди — некоторые в полицейской форме, некоторые — в обычной одежде. Двое сотрудников вели бородатого мужчину в наручниках, несколько человек в деловых костюмах ждали возле кабинета с чемоданами в руках и о чем-то спорили. Мне бросилась в глаза пожилая женщина в темно-бордовом платье, всхлипывающая у какого-то стенда. На нее никто не обращал внимания и не подходил. Приблизившись, я разглядела на стенде фотографии пропавших людей. Это показалось мне дурным знаком.

Я медленно подошла к лестнице и начала подниматься на третий этаж, держась за перила. Руки у меня дрожали.

Я пыталась успокоиться. Наташу найдут. Может быть, она всего-навсего впервые поссорилась с мужем и слишком сильно отреагировала? Наверно, сидит себе сейчас в какой-нибудь гостинице и ждет, когда Кирилл приползет молить о прощении. А потом мы с ней дружно посмеемся. А может быть, ее уже нашли, но с мужем она общаться не хочет? Занятая этими мыслями, я не заметила, как поднялась на шестой этаж.

Я быстро нашла нужную мне дверь и постучалась. Ответа не было. Немного подождав, я решила войти и с удивлением обнаружила самый обычный кабинет, который мог вполне принадлежать простому офисному работнику или врачу: шкаф, компьютерный стол и несколько стульев, ничего выделяющегося. Только стены серые. Почему в этом здании везде серые стены?

Хозяин кабинета на меня никак не реагировал, продолжил смотреть на монитор компьютера и что-то быстро набирать на клавиатуре. Это меня нервировало и раздражало. В конце концов, я приехала узнать, что случилось с моей подругой, а не стоять столбом в дверном проеме.

Не выдержав напряжения, я кашлянула, и полицейский, наконец, соизволил оторвать взгляд от компьютера и удостоить меня своим вниманием.

— Анна Коротова? Я ждал вас, присаживайтесь.

Я едва удержалась от соблазна хмыкнуть. Ждал он, видите ли. Но от этого человека зависела жизнь моей подруги и ее ребенка, и я покорно села и протянула документы.

— Когда вы в последний раз видели Наташу? — спросил полицейский, как только закончил переписывать мои данные.

— Еще до родов.

Почему-то я считала, что главное для Наташи — пережить роды, а уж потом с ней точно ничего не случится.

На лице опера застыло удивление.

— Ее муж сказал, что вы ее лучшая подруга, — с сомнением произнес он. По его лицу было видно, что он не уверен, стоит ли вообще продолжать допрос.

Что на это сказать? Я плохая лучшая подруга. Когда подвернулась возможность поработать на побережье Крыма, я тут же за нее уцепилась. Еще бы, до этого ведь я там не была. Приближались Наташины роды, и я обещала подруге вернуться к выписке. А когда

познакомилась со своим соведущим Андреем, то стала оттягивать командировку, как могла. В конце концов, у подруги был человек, который мог о ней позаботиться, я же хотела такого себе найти. Да и Наташа после рождения ребенка на меня не обижалась, говорила, что вполне сама справляется. А Андрей мне нравился. Мне тоже хотелось немножечко личного счастья. Казалось, только что родившая подруга, ведущая размеренную семейную жизнь, никуда не денется, и я еще миллион раз успею съездить к ней в гости и полюбоваться на будущую крестницу. Казалось... а вот все-таки делась.

— Я уезжала в Ялту на месяц, по работе.

— Вы были близки?

Я кивнула. Я все еще обдумывала, почему все так получилось. Мы были знакомы с раннего детства и всегда были вместе. Один детский сад, одна школа, даже университет один, только факультеты разные. Две девочки, две подруги, родившиеся с разницей всего лишь в несколько дней. Моя мама говорила, что и в роддоме мы лежали в одной палате. Я не знаю, шутила она или говорила правду. В школе некоторые даже считали нас сестрами, особенно когда Наташе пришлось в голову стать блондинкой, и я решила последовать примеру подруги. Мы были ближе, чем сестры, знали все тайны друг друга, пока... Пока не появился Кирилл, и у окрыленной подруги попросту стало не хватать на меня времени. Впрочем, я не жаловалась. Когда Кирилл сделал Наташе предложение, я искренне обрадовалась за нее и предложила помочь в организации свадьбы. Еще бы, ведь это было моей работой, я была в этом профессионалом. Только в этот раз мне предстояло совместить это с почетной ролью свидетельницы, с чем я блестяще справилась. Именно со мной Наташа искала то самое свадебное платье. Я всячески ее поддерживала, ведь кроме меня у нее почти никого не было.

Даже новость о беременности я узнала раньше, чем Кирилл, будущий отец. Правда, по достаточно банальной причине: в два часа ночи, когда Наташе приспичило сделать тест, Кирилл попросту спал.

— Ваша подруга как-то себя странно вела в последнее время? Была чем-то напугана?

Я удивленно посмотрела на опера.

— Нет, все было хорошо.

— Вы уверены?

Уверена ли я? Вот это вопрос. Наташа всегда старалась улыбаться, даже если на душе скребли кошки, такая вот черта характера. Даже когда мы были на похоронах ее родителей, она отвечала, что все нормально, что она справится. И только я знала, как ночами она ревела в подушку, только я видела, как она побелела, когда узнала.

«Ничего, я со всем справлюсь», — говорила мне Наташа по телефону в ответ на мои слова о том, что приехать пока не получается.

Я вздрогнула. Эти самые слова... «Я справлюсь». С чем ты собиралась справиться, Наташа? Могла ли ты иметь в виду что-то большее, чем просто домашние хлопоты и уход за ребенком? То, о чем не захотела сказать даже лучшей подруге?

— Ребенок был желанный?

— Да.

— С чего вы так решили? — опер бросил на меня пытливый взгляд

— Наташе пришлось почти всю беременность провести в больнице, чтобы сохранить ребенка.

— А Кирилл?

— Что Кирилл?

— Он хотел ребенка?

Вот здесь я запнулась. Мысли Кирилла для меня всегда были «террой инкогнитой». Собственно говоря, он меня никогда не интересовал, он был лишь приложением к подруге. При встрече мы с ним перекидывались стандартными фразами, и все. Все мои знания о нем исчерпывались рассказами Наташи, в которых он был идеальным мужчиной, заботливым и любящим.

— Наверно, хотел, — ответила я, но в голосе отчетливо слышалось сомнение.

Опер хмыкнул, но продолжил допрос.

— По словам соседей, в последнее время Наташа с Кириллом ссорились. Вы не знаете причину ссор?

— Нет, — помотала головой я.

Я и о самих ссорах не знала. Наташа о них не говорила. В голове назревал вопрос, а хорошо ли знала ли я подругу? И что еще она мне не рассказывала?

— У них были финансовые сложности?

Я вновь замотала головой.

— Наташа бы мне сказала. — По крайней мере, мне искренне хотелось в это верить.

— И последнее. Перед исчезновением Наташа отправила мужу сообщение: «Я все знаю. Я от тебя уйду». Вы знаете, что она имела в виду?

Я поражено уставилась на полицейского.

— Нет. Кирилл не говорил об этом, когда звонил мне.

Мне стало тяжело дышать. Впрочем, неудивительно: в кабинете царил жуткая духота.

Но опер не унимался:

— Может быть, Кирилл изменял жене? Или что-нибудь похуже.

Я помотала головой. Кажется, я наконец поняла, к чему были все эти вопросы.

— Вы подозреваете Кирилла?

— Пока уголовное дело не возбуждено, мы не подозреваем никого, — дипломатично сказал полицейский.

— И когда его возбудят?

— Когда найдут тело, — ответил он и отвел взгляд.

Через некоторое время я наконец-то вышла из кабинета и наткнулась в коридоре на Кирилла, опершегося в ожидании на стенку. В этот раз он поздоровался ко мне, но я промолчала.

Я смотрела на него, как будто видела впервые. Приятное лицо с отсутствием даже намеков щетины, уверенную осанку, костюм без единой складочки, отлично на нем сидящий, начищенные до блеска туфли. Мужчина мечты, по словам Наташи. А ведь именно я когда-то познакомила Наташу с ним, вот только я не знала, что в тот день я познакомила подругу со своим убийцей.

Олег Иванов, оперуполномоченный уголовного розыска.

31 августа

Я сидел и раскладывал бумаги в различные папки. Да, не так я представлял оперскую работу, совсем не так. Я думал, будут погони, засады и громкие дела. А вот то, что вместо этого восемьдесят процентов рабочего времени будет состоять из заполнения различной документации, нам в университете почему-то не рассказывали, хотя учили, как пишутся всевозможные процессуальные акты, осмотры места происшествия, протоколы допросов. Пожалуй, мне стоило самому догадаться, что это и есть основа работы. Правда, если

вспомнить, что из-за оставшихся двадцати процентов мне как-то пришлось месяц ходить на работу со сломанным ребром, стоило радоваться, что сейчас я был занят именно бумажной волокитой.

Я машинально провел рукой по шее, где еще не зажил след от удавки. Мы тогда отлавливали наркоманов, но один из них нашел меня первым. У меня успела вся жизнь перед глазами пронестись, пока один из сослуживцев не спас меня.

Я вздохнул. Все-таки в этой части работы хоть понятно, что нужно делать: все было просто и понятно, были мы и были люди, которых нужно найти и поймать.

Настроение было на нуле, разговор с подругой Сериковой ничего не дал: единственное, что я понял, так это то, что подруга из нее была та еще. Впрочем, об этом мне еще Сериков говорил. Оказывается, в этой части ему можно было и поверить, сэкономил бы кучу времени. Коротова, конечно, обещала приложить все возможные усилия, чтобы найти свою подругу с малышкой, но вряд ли от этого будет хоть какая-то польза. Ей просто хотелось верить, что подруга жива. Как, впрочем, и мне.

По крайней мере, ответы на запросы в морги и больницы ничего не дали, и кинологи с собаками ничего не нашли. Ничем не помогло мне и отслеживание банковского счета Сериковой: карточкой после исчезновения она не пользовалась.

Да и с самим Сериковым возникли сложности. Когда я поинтересовался, на какие деньги он приобрел машину, он тут же заявил, что я не имею права за ним следить, и более того, на мои вопросы он отвечать не обязан, по крайней мере, пока не будет возбуждено уголовное дело. И только тогда я понял, что переборщил, и от Серикова больше информации не будет. Хотя пользы от того, что он говорил, было и так немного.

У меня заканчивались идеи. Я не знал, что делать. Я виновато посмотрел на фотографию, где была изображена девушка, прижимающая к себе ребенка. Светлые волнистые волосы слегка спутаны, под глазами — синяки от недосыпания, но, несмотря на это, она улыбалась. Она не смотрела в камеру — лишь на ребенка, будто ничего другое ее не интересовало. Сериков пояснил, что забрал фото у девушки, у которой Наташа заказывала фотосессию. Мол, она не удержалась.

Я сделал плоток из чашки с уже остывшим кофе. Нужно было собраться. Версия событий у меня все-таки была. Совсем безрадостная версия, зато объясняющая многое: и откуда у Серикова деньги, и почему подруга Натальи запнулась, когда я спрашивал, хотел ли Сериков ребенка. Молодой отец попросту продал младенца, а потом избавился от жены, не согласившейся с его поступком. Такое уже бывало в нашем городе. Вот только как это доказать?

Дико хотелось выкурить сигарету, но курить в кабинете я остерегался из-за запаха, а курить в окно — тоже не выход. Последний такой заядлый курильщик отделался строгим выговором с занесением в личное дело. Ему банально не повезло: ему вздумалось паокурить как раз в тот момент, когда к зданию подъехал шеф. Бедняга с перепугу и выкинул сигарету, а та упала прямо рядом с начальником. Шеф не растерялся, аккуратно положил окурочек в файл и отвез на экспертизу, и уже вечером на планерке чихвостил курильщика. Владимир Геннадьевич это умеет. Аргумент, что сотрудник курил вне здания, на шефа никакого влияния не произвел.

Пришлось идти на улицу, за гараж, где с недавних пор и была у нас «курилка». Кто-то из высокого начальства решил, что курение в туалетах отвлекает сотрудников от работы. Вот

теперь приходилось тратить время на то, чтобы спуститься и выйти на улицу.

Ярко светило солнце. Август даже для нашего города выдался жарким. Я тоскливо подумал, что не помешало бы все-таки съездить с семьей в выходной на пляж. Все-таки живем в курортном городе. Вот только бы знать когда будет этот выходной?

В тени деревьев за гаражами я обнаружил Санька, который уже затягивался сигаретой. Он тоже был опером. Честно говоря, внешне Санек куда больше походил на людей, которых мы ловим, чем на доблестного сотрудника полиции. Бритоголовый, крепкий, широкоплечий, с татуировками на руках, он был вылитый амбал, которого очень не хотелось бы встретить в темном переулке. Может быть, поэтому у него неизменно были отличные показатели и шеф всегда хвалил его на планерках. Сегодня Санек был в штатском: потертые кроссовки, слегка выцветшие джинсы и серая футболка с коротким рукавом. Есть у оперов такая привилегия: только мы можем прийти на работу в штатском, в таком штатском. Так легче смешаться с гражданскими. Мне же сегодня предстояло целый день париться в полном форменном обмундировании по приказу шефа.

— Что такой хмурый? — сразу начал он, протянув сигарету и зажигалку.

На работе междуоперами существовал негласный этикет: почему-то мы никогда не здоровались и не прощались. То ли время экономили, то ли примета какая-то была, это мне никто не пояснял.

— Материал висит. А шеф требует результат.

Я сделал затяжку и выдохнул дым. Стало легче.

— Шеф всегда чего-то требует, — пожал плечами Санек. — Рассказывай.

Чем дальше я рассказывал, тем больше в свою очередь хмурился мой собеседник, забывший о сигарете, которую держал в руках.

— Это все, что я смог выяснить. Ну что, твой вердикт? — закончил я свое повествование и замолк в предвкушении. Я был на сто процентов уверен, что Санек согласится с моей версией событий, а может быть, и идею дельную подкинет.

— Фигней ты занимался, Олежа. Твое дело какое? Девушку с ребенком найти, ну, или, в крайнем случае, основания для возбуждения уголовного дела. А ты чем занимался, сыщик хренов?! Версии строил, в следователя играл.

— А ты что б делал? — оторопел от такого поведения я. — Нет там никаких улик и зацепок. Нет их. — Я едва сдержался, чтобы не закричать.

Санек только покачал головой:

— Что-то ты, Олежа, упустил.

Я ненавидел, когда кто-то так коверкал мое имя, но в который раз смолчал, было не до таких мелочей.

— Ты попробуй поискать с самого начала, внимательно материал изучи. Знаешь, говорят, помогает. Может, даже поймешь, что произошло, — с сарказмом закончил он.

Выкинув сигарету, я поспешил уйти, так ничего не сказав в ответ. Как и все, я не любил критики. Ладно, пролистаю вновь материал, вдруг хотя бы найду что-нибудь, о чем можно отчитаться шефу.

Я вернулся к себе в кабинет, сделал кофе, сел, достал папку с материалом Сериковой. Ух и толстой она получилась! Что, по мнению Санька, я мог упустить? Да я опросил всех кого мог. Даже Наташиных коллег на работе, которые все как один заявляли, что они с мужем были идеальной парой, что он всегда забирал ее по вечерам с работы и порою

встречал с букетами роз. Про себя я отметил, что все-таки этому верить не стоит. Я надеялся на более важную информацию, ведь не зря же Сериков солгал про работу жены. Как объяснил сам Кирилл, он попросту счел, что раз жена ушла в декретный отпуск, то она уже не работала.

Я продолжал листать. Заявление Серикова, его объяснение, фотография Наташи, осмотр места происшествия с прикрепленными к нему фотографиями. Я помнил, как Юля удивлялась, зачем Анатолий столько их сделал. Для нее, как и для меня, все было достаточно очевидно. Поэтому мы кучу времени потратили на осмотр квартиры, искали следы крови, какие-то прямые улики, которые супруг Наташи забыл спрятать. Уже в самом конце осмотра Анатолий делал фотографии, мы просто сидели на диване и переглядывались. Юля даже не смотрела, что и как делал эксперт — он ведь опытный сам справится, — только просила поторопиться.

А фотографий Анатолий сделал на удивление много. Как он сказал, для перестраховки.

Целая стопка фотографий. Я пролистнул фотографию с алым пятном на ковре в гостиной, обнаруженным Анатолием. Под ней оказался снимок ванной комнаты. Я тяжело вздохнул: вот чем нам может помочь конкретно это фото? Иногда Анатолий ужасно скрупулезен. Я потянулся к кружке с кофе, сделал глоток и локтем задел стопку. Несколько фотографий упали паркетный пол. Я опустился на корточки, чтобы их поднять.

Первые две оказались снимками входной двери.

На третьей из упавших фотографий я увидел замочную скважину. Несколько раз нервно моргнув, встал и поднес фото поближе к настольной лампе.

На замке было несколько дуговых царапин. Маленьких, совсем неприметных, но как же они меняли дело. У меня похолодели руки. Хотелось стукнуть себя по лбу. Насколько же мы оплошали! И ладно неопытная Юля, которой мы, как старшие коллеги, должны были помогать, но мы с Анатолием как?!

Все было очевидно с самого начала. И, быть может, кто-то из нас и заметил бы это раньше, если бы я поменьше убеждал всех в причастности Серикова и твердил, что искать здесь нечего.

Дверь в квартиру взломали, а значит, все это время я действительно занимался ерундой вместо того, чтобы передать материал тому, кому следовало им заниматься. Я в неверии продолжал смотреть на фотографию, но злополучные царапины не желали исчезать.

Я покачал головой. Нужно было решать, что делать. Подставить коллегу, проморгавшую — пусть и с моей же помощью — важный факт, или наконец-то добиться прогресса в этом деле? Какими бы опытными работниками ни были мы с Анатолием, ответственность ляжет именно на Юлю. Она все-таки была следователем, выезжавшим на осмотр, неопытность от наказания ее не спасет.

Да, не ожидал я, что на работе может возникнуть такой вопрос. Я бросил взгляд на фотографию Сериковой, лежавшую на моем столе возле клавиатуры — фотографию девушки, которую я никогда не встречал, и которой, возможно, уже нет в живых. Перед глазами предстала Юля, с задорным блеском в глазах рассказывающая о первом раскрытом деле. Юля, которую я утешал после планерок и порою угощал кофе. Юля, которая мечтала об этой работе еще с самой школы, и которая так предвкушает, что ей будут давать что-то более сложное, чем карманные кражи. А ведь если я сейчас пойду докладывать, ей это светит не скоро. Я уж молчу, как отреагирует на это ее шеф, да меня Владимир Геннадьевич по голове не погладит за то, что мы проворонили улику.

Легче всего было положить фотографии на место и сделать вид, будто ничего и не было, и я ничего не находил. Собрать все документы, положить в папку, завязать красивым бантом и убрать подальше в шкаф. Что может быть легче? Вопрос только в том, насколько это правильно.

Да уж, нашел зацепку. Хотелось смачно выматериться. Но все же я потянулся к телефону и набрал номер Серикова. В кои-то веки я решил не торопиться с выводами и проверить догадку. Наверное, хоть чему-то учусь

Садясь в машину, я вспомнил о Саньке. Да уж, этот сукин сын оказался прав. Я ошибся в самом начале. Глупо, как мальчишка. Впрочем, по сравнению с Саньком я мальчишкой и был.

По приезду мне пришлось подождать добрых десять минут перед тем, как Сериков соизволил открыть мне дверь. И, судя по сердитому выражению его лица, желанием общаться муж Наташи тоже не горел. Но мне было все равно. Лишь бы дал ключ от квартиры, чтобы я смог проверить свою теорию. Да мало ли от чего могли появиться царапины на замке?! Вдруг мне просто хотелось найти хоть какую-то зацепку, вот я и ее нашел? Я вполне мог ошибиться, и, скорее всего, ошибся.

Я вставил ключ в замочную скважину. К моему удивлению, ключ едва поворачивался.

Серикова это не удивило: он уже собирался менять замок. Что ж, это было неплохой идеей — надо же как-то закрывать дверь, пока старый будет находиться на экспертизе. Потому что дверь квартиры однозначно взламывали, и сейчас я даже заметил поехавший короб замка. Интересно, слышала ли Наташа работу взломщика? И если да, то почему не успела ничего сделать? Хотя бы в полицию позвонить, нам бы тогда было гораздо проще.

О том, что дело все-таки возбудят, и им займется следователь из Следственного комитета, как и о предстоящей экспертизе замка, я предпочел сообщить Серикову тут же, в квартире: ни к чему были лишние слухи. Не знаю, обрадовался ли он, что больше ему не придется со мной встречаться, или еще больше испугался за жену: по его задумчиво-спокойному выражению лица никаких выводов я сделать не смог. Он лишь кивнул и попросил меня уйти.

Уходя, я бросил взгляд на свадебную фотографию Наташи и Кирилла, стоявшую на стеллаже в прихожей. Жених держал невесту в белом свадебном платье на руках. Такие счастливые, такие радостные и такие влюбленные. Мне стало горько на душе. И почему я подозревал именно Серикова?

Впрочем, при всех странных обстоятельствах этого дела сложно было его не подозревать. Слишком много всего здесь было странного и запутанного. Совсем скоро, возможно, даже через несколько часов, это перестанет быть моей проблемой. Я искреннее жалел того несчастного следователя, которому достанется дело. А я уж лучше по куширам наркоманов ловить буду, и то спокойнее.

По пути на работу я заехал на заправку, заодно решив захватить там кофе. Иногда приятно выпить кружечку не в кабинете. Кофе, правда, был невкусный, зато неожиданно бодрил. Я бросил недопитый пластиковый стакан и вышел. В это время позвонил Санек.

— Олег, тут нужно одну старушку опросить на Монтажников. Ты все равно рядышком.

Понятно, зараза, по телефону отследил. Не думал я, когда мобильники появились, что это такое зло. Шеф даже знает, что мы делаем в отпуске. Никакой тебе свободы передвижения. Впрочем, если я хотел свободы, я выбрал не то место работы, от слова

"совсем".

— Я по форме, — предупредил я.

— Тем лучше, сговорчивее старушка будет, — оптимистично заявил коллега.

— Сам-то почему не можешь? — Это было действительно необычно: Санек никогда не просил о помощи.

— Я тут в гости иду, — многозначительно ответил он. Я отлично понимал, к каким гостям он собирался. Значит, нашел своих сбежавших уголовников. — Сейчас пришло смс с адресом. Кстати, буду благодарен, если перезвонишь минут через двадцать. А то нужен повод от этих гостей уйти. Только не забудь, иначе уходить будет некому, — буднично произнес он, словно действительно собирался просто сходить на прогулку, подышать воздухом.

Я глянул на часы в машине. Семнадцать двадцать три минуты.

— Удачи.

Я положил трубку. У кого-то опасные, но интересные дела, а кому-то безобидных старушек опрашивать. Я сел в машину. Как всегда у меня возникла мысль, что пора бы заехать на автомойку, помыть машину, особенно салон, но я откинул ее на потом — не время, — и поехал. Солнце еще не село. Может быть, еще успею домой попасть дотемна, если старушка окажется сговорчивой.

Санек был прав: нужный мне дом оказался всего лишь на расстоянии одного проулка. Я потратил больше времени на то, чтобы найти место для парковки, чем на саму поездку, зато припарковал машину в тени под деревом, а не на солнцепёке. Накинул на себя китель: раз уж идти по форме, так по полной. Хотя в рубашке с коротким рукавом было гораздо комфортнее, учитывая, что термометр показывал плюс тридцать пять.

Не успел я закрыть машину, как мне опять позвонили, на этот раз жена. Вечно Катя звонит не вовремя. Сто раз ей говорил не звонить без особой необходимости.

Я взял трубку.

— Катя, я сейчас занят, — ответил я почти машинально.

Я уже собирался захлопнуть дверцу и положить трубку, но рука так и осталась лежать на ручке, потому что ответила мне вовсе не жена.

— Олег Геннадевич? — раздался из трубки хриплый мужской голос.

— Где Катя? — спросил я.

Секундное молчание показалось мне вечностью.

— Где моя жена? — спросил я уже громче.

— Успокойтесь, — ласково сказали мне. — Ваша жена неподалеку. Кстати, у вас очаровательная дочь, красавица. Вся в маму.

Несмотря на комплименты, начало этого разговора мне совсем не нравилось.

— Дайте трубку моей жене, — потребовал я.

Терзаемый мрачными предчувствиями, я включил диктофон.

— Ваша жена несколько занята.

Я чувствовал, что он ухмыляется там, на другой стороне связи. А сам судорожно думал, что делать.

— Она играет с ребенком. Пока.

Это «пока» мне совсем не нравилось. Я сел обратно в машину. На часах было семнадцать тридцать пять.

— Кто вы?

— Всего лишь посредник, которого попросили кое-что передать.

Он был совершенно спокоен, но именно его спокойствие выбивало меня из колеи. Он знал, кем я работал, и нисколечко не боялся.

— И для этого так обязательно использовать телефон моей жены?

— Он выпал из сумки, а я лишь поднял и собираюсь передать его хозяйке.

Карманник, очередной карманник. Быть может, один из тех, кого я когда-то поймал

— Ничего такого, что требует аудиозаписи, Олег.

Все-таки не карманник.

Нужно было тянуть время, нужно было побыстрее добраться к семье. Среди детских криков я узнал голос дочери: «Мама! Быстрее, быстрее!» Они точно были на детской площадке.

— И что же вас такое просили передать?

— Перестаньте копаться в этом деле, Олег. Вы же не хотите, чтобы пропали ваши собственные жена и дочь.

— Вы мне угрожаете?! — я думал лишь об одном: лишь бы успеть. На какую площадку Катя могла после садика повести нашу малышку? Либо рядом с домом, либо с садом, одно из двух. Вот только между ними было приличное расстояние. На какую же?!

— Какие угрозы? — притворно возмутился он. — Я лишь даю совет.

Надо было ехать быстрее, свернуть в проулок, я вполне мог успеть. Только бы не ошибиться в выборе.

— Не говорите о взломе. Не говорите никому о взломе, иначе с вами свяжутся уже совсем другие люди. И, поверьте, разговор будет не таким приятным. Вам, думаю, будет неприятно разговаривать под крики своей жены?

— Я найду вас, — прорычал я. Оставалось совсем немного, несколько поворотов. Я успею.

— Глупо, Олег. — Я чувствовал, как мой собеседник качает головой, хоть и не видел его. — Очень глупо. Тебе, наверно, на работе не объясняли, что есть дела в которые лучше не вмешиваться, если не хочешь найти кого-нибудь из близких с перерезанным горлом?

Наконец я добрался до площадки. Я бросил машину возле дороги, даже не задумываясь о парковке и каких-то правилах. До площадки я бежал. Там было полно детей: малышей, лепящих в песочнице куличики, ребят постарше, с визгом спускающихся с горки или качающихся на качелях, мам, что-то обсуждающих с друг с другом. Вот только моей семьи среди них не было. Я ошибся. Я приехал не на ту площадку.

В трубке я отчетливо слышал заливистый смех дочери и голос жены, приговаривающей «догоню, догоню, поймаю». Так близко. Очевидно, мой собеседник стоял от них неподалеку.

— Итак, ваше решение, Олег? Больше звонков не будет. По крайней мере, таких.

Я смотрел, как один из малышей в забавном веселом песочнике со слоником тянул папу за руку к качелям. Он явно только-только научился ходить, ноги заплетались, но уже крепко держал взрослого за руку.

Когда-то давно, на стажировке, нам рассказывали что делать, если нам угрожают, учили приемам самообороны, стрельбе. И тогда мы были полностью уверены, будто знаем, что делать, ведь на каждый случай была инструкция. По крайней мере, мы в это верили.

Малыш перевел взгляд с качелей на меня, на странного, с его точки зрения, дяденьку в черной форме, неизвестно чего забывшего здесь. У него были карие глаза, такие же, как у

моей дочери.

— Я согласен.

Чего не сделаешь ради родного ребенка.

— Так будет лучше для всех.

Связь оборвалась. Я провел рукой по лицу, стряхивая пот со лба. Сердце бешено стучало в груди, будто я пробежал несколько километров, я никак не мог отдышаться. Нужно было успокоиться, а еще лучше — увидеть жену и дочь. Я побрел обратно к машине, как вновь зазвонил телефон.

Я поднес трубку к уху.

— Привет, милый! Представляешь, я телефон чуть не потеряла на детской площадке.

Хорошо, что мужчина заметил, отдал. Мир не без добрых людей.

— Хорошо, — ответил я машинально и через несколько мгновений спросил:

— Ты не запомнила, как он выглядел?

— Нет, — удивилась она. — А зачем? Такой неприметный.

Я вздохнул. Они почему-то всегда неприметные.

Часы в машине показывали без пяти шесть.

— Я попозже перезвоню, милая.

Я набрал номер Санька, но тот уже не отвечал.

Глава 10

Наталья Серикова

20 сентября

Голова раскалывалась, в горле пересохло, жутко хотелось пить. Нужно было встать, сходить на кухню за водой, но я не могла даже пошевелиться. Я открыла глаза и тут же зажмурилась. Свет был слишком ярким, потребовалось несколько мгновений, чтобы привыкнуть к освещению и наконец-то оглянуться. Я очутилась в крошечной комнатке с голыми белыми стенами и с одной единственной дверью из черного дерева. По коже пробежали мурашки. Я уже была здесь раньше и знала это место — как знала и то, кто должен войти в эту комнату в скором времени. Мой убийца, мой палач. Спасения не было. Я была прикована к узкой больничной койке, связана по рукам и ногам. Можно было кричать, но никто не услышит, никто не поможет, это только разозлит человека, который вскоре должен сюда войти. Я могла лишь беспомощно смотреть на правую руку и мечтать вытащить иголку, воткнутую в вену. Иголку, которая была присоединена катетером к капельнице.

Оставалось только лежать, дышать воздухом, насквозь пропитанным лекарствами, и чувствовать, как обжигающая жидкость проносится по венам. Как с каждой каплей мне становится хуже. Сердце бешено колотится, и дышать становится все сложнее.

Кап, кап, кап. Вместе с жидкостью из пластикового контейнера утекала и моя жизнь. Медленная и совершенно безликая смерть. Впрочем, человек, скрывающийся за дверью, вряд ли захочет так долго ждать. Он ведь намерен сделать все сам. Но перед этим...

Кап, кап, кап. Меня начало трясти, тело охватила судорога. Задышавшись, я жадно хватала ртом воздух. Рядом пищала аппаратура.

Судорога прекратилась так же внезапно, как и началась.

В этот раз я пропустила момент, когда дверь открылась. Он даже кашлянул, чтобы я наконец обратила внимание на него. Ему было важно, чтобы я смотрела на него. Ему всегда это важно.

Белый врачебный халат — а я-то всегда считала, что врачи спасают, а не убивают. На голове медицинская шапочка, прикрывавшая волосы, но я точно знала, что под ней они русого цвета. На руках — перчатки. Он всегда был педантом и соблюдал правила, даже здесь и сейчас. Половину его лица закрывала повязка. Видны были лишь глаза. Когда-то такие родные и горячо любимые голубые глаза, которыми я всегда искренне восхищалась. Кирилл, некогда мой любимый, мой идеальный муж, а сегодня — мой палач и убийца.

В руках он держал наполненный какой-то светло-розовой полупрозрачной жидкостью шприц. Кончик иголки поблескивал на свету. Откуда-то я знала, что это яд.

Губы пересохли, язык не слушался, но я нашла в себе силы произнести одно единственное слово:

— Почему?

По моим глазам текли слезы.

Он сел на край больничной койки, погладил мой лоб, поправил несколько прядей волос.

— Мне жаль, — ровно, без эмоций произнес он.

Он повернулся к моей руке, протер запястье проспиртованной ватой. Педантично, как всегда.

— Ты ведь любил меня? — спросила я. Как будто это могло отсрочить остановить его.

— Любил? — Он повернулся ко мне. Я чувствовала, как он ухмыляется под маской.

— Любовь, Наташ, ты выдумала сама. Как и все остальное.

Иголка наконец проткнула вену. Кирилл все смотрел на меня, не отрываясь. И нажал на шприц.

Я проснулась в холодном поту. Сердце продолжало бешено стучать. Я несколько раз моргнула, прежде чем поняла, что жива, и это был всего лишь сон. До жути реалистичный сон.

— Это только сон, — прошептала я вслух.

Но сказать было гораздо легче, чем поверить. Все казалось до того реальным, что я, не удержавшись, проверила руки. Никаких следов от уколов или связывания. Хотя чего я ожидала? Просто очередные игры подсознания. К тому же мой муж никогда не носил белый халат и не делал уколов. И уж точно никогда не пытался меня убить.

Я посмотрела в окно. На улице — крошечная тьма. Даже звезд не было видно, взгляду не за что зацепиться. Нужно было заставить себя не думать о сне и Кирилле, но не получалось. В памяти все вертелся наш последний разговор — самый неприятный и мерзкий и всех что были. И самый честный.

— Давай попробуем еще раз. Ты ведь меня любишь, — умоляла я тогда. И этим совершила свою самую главную ошибку. Не следовало переступить через себя. Никогда никого не умоляй. Не проси — и тогда не надо будет бояться, что тебе могут отказать.

— Любовь ты выдумала сама, Наташ, — ответил он. — Мне было тебя жаль.

Кирилл не мог ударить сильнее, ведь он отлично знал, как я ненавидела жалость по отношению к себе. Девочку, потерявшую родителей, все будут жалеть, называть ее бедняжкой, вздыхать при ее появлении. Вот только никто не спрашивал, а нужна ли ей эта жалость? Вернет ли она родителей? Поможет забыть звонок матери, ее слова, что отца сбила машина, и его больше нет? Сможет ли стереть из памяти то, как медленно и мучительно умирала мама, пытающаяся бороться с болезнью, от которой нет лекарства?

Помню, Аня восхищалась этим моим нежеланием вызывать у всех сочувствие, даже пост в интернете у себя на странице накатала, что гордится такой подругой, которая смогла найти свое счастье даже после таких жизненных невзгод. А мне просто не хотелось быть жалкой. Вот только тогда мы вместе с подругой явно ошиблись по поводу счастья.

Первой проблемы Кириллу хватило для того, чтобы снять маску и открыть истинное лицо. Если после смерти матери я еще как-то пыталась держаться, то потеря ребенка выбила меня из колеи полностью. Когда одно несчастье случается за другим, очень сложно найти в себе силы, особенно когда у тебя нет никакой поддержки. Все привыкли к тому, что я была сильной, все привыкли к тому, что я все стоически переносила. И даже лучшая подруга не поддержала меня в тот момент.

Кирилл же поступил гораздо хуже. Он обвинил меня во всем, бросил в тот момент, когда я в ней нуждалась. И, что самое неприятное, он изменил мне.

Иногда я вспоминаю момент, когда узнала об измене. Кирилл задерживался на работе. Я ждала его дома, готовила ужин, когда позвонила подруга. Настя увидела его в ресторане с другой и быстро определила, что это явно не деловой ужин. Деловых партнеров обычно не целуют. И букеты им не дарят. Я помню, как с гулким звуком упал на пол нож, а с ним — несколько капель крови. Я даже не почувствовала, что порезалась. Боли не было, шок ее полностью вытеснил. Я не хотела в это верить. Это должно было быть ошибкой. Такое не могло произойти со мной. Но, когда все же дождалась мужа с работы, я осознала, что

никакой ошибки не было. От Кирилла пахло чужими женскими духами, и он отправился спать, не произнеся ни слова в ответ на мои расспросы.

Я слишком хорошо понимала, что будет дальше, и решила сделать то, чего Кирилл не ожидал: уйти первой.

«Я все знаю. Я от тебя уйду. Не ищи меня», — отправила я перед полетом, отлично зная, что он будет искать, хотя бы для того, чтобы оформить развод. Без моего согласия это сделать гораздо труднее. Иногда мне даже любопытно, что он чувствовал, когда получил мое сообщение, что он ощутил, когда его ключ не подошел к замку, и о чем он подумал, когда ему позвонила Настя с просьбой забрать свои вещи? Интересно, мог ли он за подобное желать мне смерти? Сложный вопрос, но тогда мне было слишком плевать на свою жизнь, чтобы задаваться им.

* * *

Уснуть у меня все-таки получилось и даже удалось сделать почти невозможное — выспаться.

Это было хорошо, учитывая, что начальство с утра неожиданно решило обо мне вспомнить. Я была слишком редким гостем в кабинете Галины Викторовны, чтобы позволить себе зевать во все горло. Иногда мне казалось, что она и вовсе забыла о моем существовании. Нет, я, конечно, получала огромное количество письменных поручений от нее, но все они были в основном связаны с архивом, ничего интересного и важного мне не доверяли. Особых надежд начальница на меня не возлагала. По совету Виталика я уже подыскивала себе другую работу, поскольку предполагала, что на этой долго не задержусь. Марина меня не понимала и отговаривала. С ее точки зрения, было бы глупо увольняться с места, где хорошо платят — хотя я подозревала, что ей попросту будет без меня скучно.

Услышав просьбу подняться к начальнице в кабинет, я грустно вздохнула. Это было ожидаемо. От работников, которые не приносят пользы, быстро избавляются. Обидно только было, что шанса проявить себя мне так и не дали.

Постучавшись, я вошла в кабинет. Сделала несколько шагов вперед и встала возле ковра. Никогда не понимала, зачем ей ковер в кабинете? Дань уважения старине? Или чтобы в прямом смысле вызывать сотрудников на ковер?

Галина Викторовна молчала, лишь окинула меня оценивающим взглядом с ног до головы. Так обычно смотрят на кусок мяса в магазине, прикидывая, стоит ли его брать.

Я уставилась в пол, словно провинившийся ребенок. Увольняли меня впервые, и мне хотелось, чтобы это побыстрее произошло. Чтобы она уже сказала положенные слова, и я покинула кабинет. Одно дело, когда ты увольняешься сама, а другое — когда тебя «выгоняют». Даже если ты уже давно собирался, это вряд ли изменит гадкое ощущение того, что тебя просто вышвырнули.

— Наташа, завтра ты должна встретиться с важным клиентом для заключения договора, — произнесла она, пока я изучала замысловатый рисунок ковра.

Я удивленно вскинула брови.

— Разве это не работа Маши?

Галина Викторовна недовольно скрестила руки.

— Маша не может. — Она протянула мне толстую красную папку: — Вот, возьми и

внимательно изучи. И учти, клиент важный. Завалишь контракт, произведешь плохое впечатление — можешь считать, что ты здесь больше не работаешь.

Интересно, это мне дали шанс перейти из бесполезных работников в перспективные или нашли красивый способ уволить?

— Нам очень нужен этот договор. Твоя задача — уговорить клиента. Любой ценой, — отчетливо выделила она.

Я схватила папку и умчалась к себе в кабинет. Теплыми волнами по телу растекалась радость от того, что мне наконец поручили что-то важное. Но, листая папку и пытаясь разобраться во всех тонкостях, я начинала нервничать. Работа юриста, конечно, связана с общением с людьми, но у меня был опыт только консультирования граждан по бытовым семейным вопросам, а не заключения сделок на крупные суммы.

Я грустно глянула на пустующий стол своей соседки. Маша как всегда отсутствовала на рабочем месте. Ее совет бы мне не помешал. Конечно, можно было позвонить и расспросить по телефону, но я все-таки не решилась просить не знакомого практически человека о помощи.

Пришлось взять себя в руки и продолжить штудировать документы. В конце концов, это же обычный договор на оказание услуг, пусть и с различными дополнениями, пусть и на большую сумму. В университете же я их как орешки щелкала. Главное внимательно читать. А уж с тем как лучше себя вести Галина Викторовна подскажет. Но все равно, несмотря на это я продолжала нервничать.

Зато Марину новость воодушевила.

— Наташ, ты же понимаешь, это твой шанс... — на секунду подруга замолкла, а потом добавила: — ...проявить себя.

Но я отлично понимала, что она знала о моем шатком положении на работе — просто предпочитала об этом не говорить. И сказать она явно хотела совсем другое: "Это твой шанс не вылететь с работы".

И первым делом придя с работы, подруга потащила меня к шкафу на ревизию гардероба. Ей это казалось гораздо важнее, чем изучение каких-то бумаг и моей нервозности она не понимала. Поэтому заставила перемерить половину вещей, наконец остановившись на брючном костюме песочного цвета, идеально сидящем по фигуре, а также выбрала обувь с самым высоким каблуком. На мое замечание, что это не самая удобная обувь, она ответила:

— Наташ, ты же завтра будешь общаться с важным богатым клиентом. — Подруга поправила прядь моих волос, уже мысленно прикидывая, что с ними завтра делать. — Ты не думала, что кроме рабочего вопроса можно и личный решить?

Я вздохнула. Марина была в своем репертуаре. На работе она мне постоянно советовала приглядеться к тому или другому сотруднику.

— Иногда мне кажется, что у тебя устойчивое желание поскорее выдать меня замуж и тем самым избавиться.

— У меня устойчивое желание, чтоб ты была счастлива, дуреха! — возразила Марина и швырнула в меня диванной подушкой. — А балетки этому не способствуют.

— А что этому способствует?

— И как ты вообще замуж вышла? — покачала головой подруга.

В этом была вся она. Я решила сдаться и сесть на диван, все равно спорить с ней по поводу вещей — занятие крайне неблагодарное и бесполезное. У Марины вся одежда и обувь делилась на две категории: "идеально" и "нужно выкинуть в урну". Понятие «удобно» ей

было незнакомо. Однажды она даже порывалась выкинуть свитер, купленный мне мамой. Аргументы ее были просты: "он тебе не идет" и "занимает слишком много места в шкафу". Тогда я смогла отбить несчастное изделие из грубой шерсти, только раскрыв Марине, что это все-таки памятная вещь.

Несмотря на это, были другие плюсы в совместном проживании на одной территории с Мариной. Например, можно было сэкономить на парикмахере и визажисте, при этом подруга ради безупречного результата могла встать в несусветную рань и промучить меня несколько часов. Но результат того действительно стоил. Вот и в этот раз Марина предложила помощь. И после нескольких часов труда даже она заявила, что я выгляжу безупречно.

К приходу на работу я уже могла наизусть рассказать весь договор по пунктам, но все равно чувствовала мандраж. Быть может, стоило выпить успокоительное? Дома даже был какой-то сбор, который мне как-то заваривала подруга. Правда, в этот раз она отказалась дать мне выпить его, заявив, что меня может потянуть в сон.

Я смотрела на настенные часы, как медленно двигалась минутная стрелка. Штудировать документы уже хотелось, оставалось только ждать, когда меня вызовут. Наконец мне позвонила Марина с просьбой подняться к Галине Викторовне. Что ж, была не была!

Коленки предательски дрожали, пока я поднималась по лестнице. Руки покрылись липким потом, а по всему телу бежали мурашки. Марина встретила меня в приемной:

— Нервничаешь?

Я молча кивнула. В горле пересохло.

— А он красивый, — подмигнула мне подруга. И подошла ближе.

— Дай, поправлю. — Марина расстегнула пуговицу на блузке. — Так-то лучше

Я хотела возмутиться, но заботливая подруга подтолкнула меня в сторону двери со словами:

— Они уже ждут.

Когда я открыла дверь, начальница оживленно беседовала с темноволосым мужчиной, сидевшим ко мне спиной. Заметив меня, она мягко улыбнулась.

— А вот и наш специалист, Наталья Александровна.

Надо же, начальница впервые за столько времени назвала меня по отчеству. Нужно было что-то сказать в ответ, но в горле застрял тяжелый ком, мешавший спокойно вздохнуть. Я закашлялась, и в этот момент ее собеседник повернулся ко мне. Я с открытым ртом уставилась на него.

Да, он был красив, правильные черты лица, черные волосы с легкой проседью, которая ничуть его не портили, обаятельная улыбка. Вот только я не думала, что в качестве нашего делового партнера увижу своего недавнего знакомого, Вадима. Точнее, Белецкого Вадима Дмитриевича, директора ООО "Софит».

Подмигнув растерянной мне, Вадим вновь повернулся к Галине Викторовне.

— Наталья Александровна — молодой перспективный специалист. Окончила университет с красным дипломом, — зачем-то добавила она. Видимо, других достоинств во мне за все недолгое пребывание на работе так и не обнаружилось.

— Она вас устраивает?

Вадим окинул меня оценивающим взглядом с ног до головы и остановился в зоне декольте. Спасибо Марине. Закончатся переговоры, выскажу ей все, что думаю по этому поводу.

— Вполне.

Я все ждала, когда же мне позволять сесть.

— Она ответит на все ваши вопросы и расскажет о преимуществах работы с нашей фирмой.

— Что ж, пусть собирается, — сказал Вадим и направился из кабинета. Я озадаченно хлопала ресницами. Похоже, чего-то я в ситуации не понимала, а начальница не торопилась мне что-либо объяснять.

— Машина будет готова через десять минут. Иди, собирайся, — сказала она.

Но я осталась стоять.

— А вы?

— Я не еду, — равнодушно произнесла она. Но я видела, как дрожат ее руки, лежащие на столе.

— Почему?

Вместо ответа начальница встала и подошла ко мне:

— Ты должна уговорить его любой ценой, Наташ.

Только сейчас я заметила, насколько бледна была Галина Викторовна, увидела мешки под ее глазами. Те сверкали каким-то непонятным огоньком.

Она больно сжала мою руку.

— Договор не должен перепасть конкурентам. Если контракт сорвется, можешь не возвращаться на работу, — прошипела Галина Викторовна. — И не думай, что сможешь устроиться в этой сфере когда-нибудь. А теперь иди.

Я пулей вылетела из кабинета. Начальница меня пугала. Если это такой важный контракт, почему она не едет? Я привыкла, что Галина Викторовна всегда была сильной волевой женщиной, а сейчас она предстала совсем другой — нервной, я бы даже сказала, отчаявшейся. Что вообще происходит?

Успокаивало только то, что нашего делового партнера я знала. Повезло, можно сказать. Еще бы я знала, чего от него можно ожидать во время переговоров. Вадим мне нравился, но предсказуемостью он не отличался от слова "совсем".

Я заскочила в кабинет за вещами и зависла у зеркала, поправила слегка растрепавшуюся прическу. Машинально коснулась кулона на шее, который был подарком Вадима после первой встречи. Забавно, что я решила надеть его именно сегодня. Сердце бешено билось в странном ожидании, предвкушении встречи. Пришлось напомнить себе, что это все-таки деловые переговоры, от которых зависит, буду ли я работать в этой фирме или нет.

Встреча должна была быть в ресторане «Небо». От Марины я знала, что это весьма дорогое пафосное место, примечательное тем, что из его окон открывался шикарный вид на город.

К зданию отеля, где располагался ресторан, я добралась удивительно быстро, ни разу не угодив в пробку.

Но наконец двери открылись, и я оказалась в самом ресторане. Да, не так я представляла дорогое и пафосное место. Ни позолоты, ни лепнины, ничего, что в моем представлении походило на дорогое пафосное место. Ресторан больше напоминал кафе, в которое я любила забегать на чашечку кофе после университета, кроме панорамных окон во всю стену.

Подошедший ко мне администратор, тут же поинтересовался, заказан ли у меня столик, и после моего ответа, проводил меня. Вадим прибыл первым и уже потягивал кофе.

— Тебе идет деловой костюм.

— Спасибо, — кивнула я, присаживаясь. Да уж, после того, как в предыдущий раз я заявила в ресторан в кроссовках и джинсах, любая одежда будет смотреться более выигрышной или хотя бы более уместной. И это еще повезло, что я не вышла выкидывать мусор в спортивных штанах.

Вадиму уже принесли заказ. Вооружившись вилкой и ножом, он разрезал мясо на мелкие кусочки и обмакнул его в соус. Ел медленно, смакуя каждый кусочек.

Я же только открыла меню, и чуть не поперхнулась. Действительно дорогое пафосное место. Да как к ним с такими ценами кто-то ходит? Впрочем, кроме нас с Вадимом и обслуживающего персонала людей в ресторане не было. Пролистав несколько раз меню, я все-таки остановилась на капучино и тирамису.

Я посмотрела в окно. Все-таки отсюда открывался завораживающий вид, перед моим взором предстал практически весь город. Здания отсюда казались такими крошечными. А еще вдалеке видно водохранилище. Бескрайнее, темное, но одновременно манящее, оно напоминало море и тем заставляло вспомнить совсем другое место, совсем другой город и совсем другую жизнь. Но сейчас у меня не было времени на эти воспоминания.

Я ждала, когда Вадим наконец заговорит о работе. Но он, как всегда, не стремился соответствовать моим ожиданиям.

— Ты так и не рассказала, что же такого было оригинального в твоём Кирилле? — буднично спросил он, будто мы не закончили недавний разговор.

— С чего вдруг этот вопрос? — Я удивленно приподняла брови.

— Твоя начальница сказала, что ты ответишь на все мои вопросы, — сказал он, вытирая губы салфеткой.

— Но не на личные же, — возмутилась я.

— Об этом она не говорила. — Вадим улыбнулся.

— Научил, меня стрелять, например, — ответила я первое, что пришло в голову. Да не самый романтичный пример, но тогда, для нас с Кириллом походы в тир были своего рода романтикой. И предложение он сделал именно там.

— Любишь охоту? — тут же поинтересовался Вадим.

Охоту любил Кирилл, я лишь притворялась, что мне это интересно ради мужа. Правда, меня быстро раскололи.

— Нет, — помотала я головой. — Но когда-то считала, что навык мне пригодится.

— Опасная ты девушка.

— Теперь мой черед задавать вопросы.

— С какой стати? — спокойно поинтересовался Вадим, а в его глазах плясали чертики.

— Договор ведь двухсторонняя сделка. Значит, и я имею право на вопросы. Наша встреча ведь не случайна?

— Что ж поделать, когда цветы для тебя слишком банальны, — наигранно-грустно вздохнул он.

Мне захотелось стукнуть себя по лбу: я действительно забыла поблагодарить Вадима за огромный букет роз, доставленный курьером прямо мне в кабинет. Просто именно в тот день Марина передала мне злополучную выписку, а вчера мне уже было не до того — я готовилась к переговорам.

— Ты всегда в бизнесе руководишься личными интересами?

— Сделку я решил заключить из-за выгоды. Но, признаюсь, ты права: ты мне действительно интересна.

— Интересна?

— Ты загадка, Наташ. И мне кажется, ты не просто так приехала в этот город.

По коже пробежал холодок.

— А ты любишь загадки?

— Поверь, твою я разгадаю, — уверенно сказал он. — И ты что-то не торопишься вешаться мне на шею.

— Непривычно? — поинтересовалась я.

— Не то слово.

— Договор уже проверен моими юристами, можешь не волноваться насчет его составляющих. Вопрос лишь в моем согласии его подписать.

А вот это очень интересный поворот событий.

— Значит, я должна тебя убеждать? — Почему-то мне казалось, что Вадим предпочтет способ убеждения, явно не связанный с моей профессиональной деятельностью. И интересуют его отнюдь не преимущества работы с нашей фирмой.

— Или хотя бы слушаться. А то мои знакомые интересовались наличием у меня финансовых проблем после нашего с тобой прошлого похода в ресторан.

— Ну прости, — пожала я плечами. — Хотя ты все-таки сам виноват. Предупреждать было нужно.

Вадим, как я и предполагала, свою вину признавать не стал.

— У меня есть к тебе серьезный вопрос, — сказал он совсем другим голосом, в котором уже не было и намека на игривый тон. Я напряглась. Обычно так спрашивают не самые приятные вещи.

— Наташ, тебе очень дорога эта работа? — спросил он, положив свою руку поверх моей. От его прикосновения сердце забилось быстрее.

— Что ты имеешь в виду?

Вадим подвинулся ближе.

— Наташа, девочка моя, ты же отлично понимаешь, что может значить "любой ценой"? — Он был слишком близко, я ощущала его дыхание. — На твоем месте я бы искал бы другую работу. Работников, которых отправляют на такие переговоры, не слишком ценят.

Больше ему уточнять не пришлось. Я, наконец, поняла, почему именно меня, а не Машу начальница отправила на подобное задание. Она просто выбрала красивую дуру, которой легко в случае чего пожертвовать. А я еще радовалась, что мне шанс дали. С самого начала Светлана Ивановна говорила, что я не подхожу для компании, и была права.

— Не расстраивайся. — Вадим ласково провел рукой по щеке. — Может быть, я могу помочь?

— Чем? — тихо произнесла я, опустив глаза. Все-таки я не была готова к такому удару. Тем более не готова была узнать правду от Вадима. Мысленно я уже была в кабинете у начальницы и высказывала ей все, что думаю о ее подходе к бизнесу.

— Ты можешь устроиться на работу ко мне.

Я подняла глаза.

— А с чего ты решил, что я хороший юрист? Плохие юристы дорого обходятся фирме.

— Ты закончила университет с красным дипломом. — Вадим вновь обаятельно

улыбнулся, стараясь меня приободрить.

— Уголовное направление. Не гражданское, — возразила я.

— Собиралась ловить бандитов? Форма бы тебе пошла.

— Вадим!

Он продолжал улыбаться. Я приблизительно догадывалась, что рисует его бурная фантазия, и чувствовала, как краснеют щеки.

— И почему передумала работать по непосредственной специальности? — продолжал сыпать вопросами, явно пытаясь отвлечь меня от печальных мыслей.

— После того, как добрый дедушка преподаватель в морг сводил. Да и выяснилось, что я крови боюсь.

Подробности, что в морге меня тут же вырвало прямо через порог только от одного запаха, а увидев труп, я грохнулась в обморок, я решила опустить. В конце концов, не к обеду будет сказано. Тогда это оказалось для меня страшным ударом и позором. Еще бы: столько времени мечтать о работе в Следственном комитете, отлично защитить практику... и после этого услышать от преподавателя, что мне — "милой девушке" — лучше бы заняться чем-то мирным, например, земельные споры разрешать и договоры кредитные составлять, а то еще грохнусь рядом с покойником, и кто дело будет расследовать?

— Поверь, уж я не буду заставлять тебя ездить по таким местам.

Вадим отпустил мою руку и потянулся к кожаному портфелю. Что-то проверив, он вновь повернулся ко мне.

— Правда, домой ко мне съездить придется: я печать забыл, — пожал плечами он. — Без нее договор заключить не удастся.

Я могла бы дать руку на отсечение, что он врал. Врал и не краснел.

Приглашение домой я истолковала достаточно однозначно и была уверена, что к этому не готова.

— Мне не настолько дорога эта работа. Да и плевать мне на этот договор.

— Дело твое. — Вадим сделал паузу. — Вот только, Наташ, не зря твоя начальница так за контракт беспокоится: не будет его, и фирма обанкротится. Ты говорила, что с работаешь с подругой. Подумай о ней.

Здесь Вадим меня поймал. Мне было плевать на Галину Викторовну, после подобного унижения, мне хотелось завалить контракт, но Марину я так подвести не могла. Слишком много она для меня сделала, чтобы так ее подставить.

— Хочешь, могу даже пообещать, что ничего не будет, — добавил Вадим с усмешкой. Он знал, что победил.

Вадим встал и протянул мне руку. Мне ничего не оставалось, кроме как подать свою. Он даже помог мне надеть пальто. В лифт мы вошли уже втроем, с невесть откуда взявшимся телохранителем, который, оказывается, все время присутствовал в ресторане.

Уже в машине Вадим сказал, что мы направляемся в его загородный домик. Однако по приезду я с удивлением уставилась на огромный многоэтажный особняк. Вадима моя реакция позабавила. Он даже предложил экскурсию провести. Правда, я предпочла от этого предложения отказаться, под предлогом того, что мне нужно все-таки вернуться на работу.

Любая девушка на моем месте вела бы себя иначе. Красивый состоятельный мужчина, дарящий подарки, готовый на романтические поступки — не это ли мечта любой? И сколько таких девушек у этого мужчины было? Мне не хотелось становиться еще одним увлечением. Даже если мне этот мужчина нравится, даже если меня к нему тянет. Черт, а ведь меня к

нему действительно тянуло.

Погода в этом городе была до ужаса непредсказуемой, еще утром безоблачное небо заволочили тучи, и к моменту прибытия на стекло машины начали капать крупные капли дождя. Вскоре дождь превратился в ливень, поэтому к дому пришлось идти под зонтами.

Когда мы поднялись на третий этаж, Вадим предложил мне оглядеться, пока он сходит в кабинет за печатью. А я все-таки решила воспользоваться приглашением осмотреть дом.

Из всех многочисленных комнат меня занесло именно в детскую. Комната напоминала картинку из журнала интерьеров, настолько гармонично все выглядело. Мебель, стены, декор, все в белых и голубых тонах. Большую часть пространства занимали игрушки: машинки разных размеров и моделей, палатки, велосипеды, мячи. Даже железная дорога была. Словом, игрушек здесь могло хватить на целый магазин. Наверное, было бы правильнее закрыть дверь и отправиться смотреть какую-нибудь другую комнату, Вадим что-то говорил о картинах, на которые непременно стоит взглянуть. Это было и правильнее, и логичнее.

Но, тем не менее, мои ноги продолжали ступать по мягкому пушистому белоснежному ковру, вглубь комнаты. Мне хотелось все здесь рассмотреть, подойти к детской кроватке из белого дерева, украшенной балдахином. Сложись все иначе, у меня была бы такая же. Кирилл бы возмущался по поводу балдахина, называя его ненужным пылесборником, а я бы заявляла, что он ничего не понимает в красоте. Но все это лишь глупые мечты.

Любуясь детской, я не сразу заметила подошедшего ко мне Вадима.

— Извини, случайно сюда забрела.

Вадим лишь пожал плечами.

— Ничего, я почему-то ожидал тебя здесь найти. Вот, держи. — Вадим протянул мне папку с договором. Теперь можно было возвращаться на работу, но я почему-то не торопилась прощаться и продолжала стоять на месте.

— Красиво. — Я обвела комнату взглядом. — И игрушек на детский магазин. Наверно, лет на десять хватит.

— У моего сына должно быть все самое лучшее, — ответил Вадим. — Хочешь, покажу фотографию?

Сердце бешено забило в каком-то непонятном предчувствии.

Вадим открыл на телефоне фотографию и протянул мне. Я дрожащими пальцами взяла его в руки. На экране был изображен очаровательный кареглазый пухлощекий карапуз в ярком синем комбинезоне.

Я испытала странное разочарование. Малыш совсем не походил на мою дочь, на мою Аленку. Впрочем, на что я надеялась? Ребенок Вадима был старше, и к тому же мальчик, а моей дочери никогда не было. Всего лишь выдумка израненного подсознания. Что я, теперь во всех младенцах буду искать схожесть с ней?

К глазам предательски подступили слезы, и я отвернулась, чтобы незаметно смахнуть их с ресниц.

— Хорошенький, — тихо проронила я. — Похож на папу.

Вадим довольно улыбнулся.

— Он скоро будет здесь. Если хочешь, можешь приезжать понынчиться.

— Спасибо. Значит, ты нашел жену?

— От меня не так-то легко спрятаться, Наташа.

— И вы не помирились. — Мой взгляд упал на рамку с фотографией, на которой был изображен Вадим с какой-то блондинкой в свадебном платье.

— Нет, — сказал Вадим и швырнул фотографию прямо в урну. Послышался звон разбитого стекла. — А ты своего Кирилла простила?

Я горько усмехнулась.

— Нет. Ему и не нужно мое прощение. Я думаю, он вполне счастлив без меня.

Я вспомнила свой опрометчивый бесполезный звонок. Пытался ли он вообще меня искать?

Вадим подошел ко мне.

— А ты, Наташ? Ты счастлива? — Он ласково коснулся щеки. — Ты даже сюда приехала ради подруги, а не ради себя.

Вадим стоял слишком близко. Сердце бешено билось в груди. Дышать становилось все труднее.

— Вадим... — Я что-то хотела сказать, но во рту пересохло.

Так и не дождавшись ответа, он жадно впился губами в мои, выбивая последнее дыхание, заставляя забыть обо всем.

* * *

Начальница разрешила мне не возвращаться на работу, что было явно к лучшему: работать я действительно сегодня не смогла бы. Слишком много было мыслей, слишком много всего произошло. Поэтому я отправилась домой сразу же, как покинула особняк Вадима,

Вечером пришла Марина и чуть ли не с порога принялась заваливать меня вопросами. За целый день я даже не догадалась, что стоило все-таки позвонить подруге. Сама же Марина не стала этого делать, боясь побеспокоить в самый неподходящий момент.

— Как все прошло? — спросила она, даже не успев снять обувь.

— Хорошо, — сказала я, чувствуя, как пылают щеки. Все-таки "хорошо" — слабая оценка для того, что произошло.

— Рассказывай подробности, я вижу, у тебя глаза горят, — произнесла Марина, вешая в шкаф пальто.

— Да, собственно, повезло, — пожала я плечами. — Мы оказались знакомы.

Брови подруги удивленно приподнялись вверх:

— Как — знакомы?! — От удивления она чуть не выронила вешалку.

— Помнишь, я тебе рассказывала о недавнем свидании? Мы с ним у мусорного бака тогда пересеклись. А до этого познакомились в баре.

От полученной информации у Марины глаза округлились и отвисла челюсть. Придя в себя, она приоткрыла рот, чтобы что-то сказать, но тут в нашу дверь позвонили. И я мигом сорвалась с места и поспешила к дверному глазку, чтобы узнать, кто там. В дверном проеме стоял курьер, парнишка с черным пакетом в руках. Он уточнил мое имя, попросил расписаться в получении, отдал посылку и поспешил уйти.

— Что там? — торопливо сказала Марина, поглядывая с интересом на пакет. — Открывай скорее.

Наконец-то я разорвала упаковочную ленту и достала маленькую квадратную коробочку

из бордового бархата, в которой оказались серьги с крупными прозрачными камнями. На пол к моим ногам упала записка.

«Подумай о моем предложении. Вадим». — Написано было его почерком. На сердце тут же потеплело.

А вот подруга моих эмоций не разделяла.

— Наташа, ты не хочешь мне что-то рассказать? — Марина встала в позу "руки в боки" и нависла коршуном надо мной. — Я так понимаю, вы с ним спали?

Вот если сказать Марине правду, она же все равно не поверит. На ее месте я бы тоже не поверила. А кто мог бы поверить, что у нас с Вадимом ничего не было? Что он сдержит обещание? Особенно после таких-то подарков.

— Ничего не было, — все-таки произнесла я. Ничего не было, но это значит, что мне не хотелось, чтобы было иначе. Я на секунду прикрыла глаза, вспоминая поцелуй Вадима. Такой манящий, зовущий. Его руки, обнимающие меня, и звонок, который заставил нас оторваться друг от друга. Так не вовремя. Вадиму нужно было ехать по делам.

Как я и предполагала, Марина мне не поверила, а если она что-то решила, то спорить с ней было бесполезно. Поэтому мне ожидаемо пришлось слушать нравоучения.

— Эх, Наташа, Наташа!

— Что Наташа? Ты сама говорила, чтобы я о личной жизни задумалась! — возмутилась я.

— Но не так же! Знаешь, я была о тебе лучшего мнения, — продолжала отчитывать меня подруга, направившись на кухню. Я пошла с ней. Все равно Марина не успокоится, пока не выскажет мне все, что думает.

Сделав себе чай, я удобно расположилась за столом в обнимку с кружкой, пока Марина разогревала ужин.

— И вообще, лучше бы ты на нашего Виталика наконец обратила внимание, — завела она старую песню. Присмотреться к Виталику, часто заглядывавшему в кабинет ко мне на чай, Марина советовала почти все время, сколько я ее знала.

— Ты же потом ко мне прибежишь за утешением, когда он тебя бросит.

— Почему сразу бросит? — удивилась я такой «доброжелательности». Нет бы порадоваться за меня, а она продолжала нагнетать обстановку.

— Сама подумай, сколько у него было таких девушек? Уверена, что не станешь очередным мимолетным увлечением?

Марина прямо озвучила мои мысли. Я это отлично понимала, вот только сердце томительно сжалось, меня тянуло к Вадиму. Его запах, ощущение его губ, прикосновение рук... Быть может, мне просто захотелось немного человеческого счастья? В конце концов, я его заслужила.

— У меня уже был идеальный муж, и знаешь, мне это не сильно помогло, — холодно проронила я, сделав глоток из чашки. — Будь что будет.

В конце концов, никогда нельзя предсказать, что будет дальше — несколько встреч или нечто более серьезное. Жизнь непредсказуема, и я выучила этот горький урок лучше многих.

Марина, выразительно посмотрела на меня. Наверно, она наконец поняла мое эмоциональное состояние.

— Прости, я просто за тебя волнуюсь. Вечно ты куда-то влипаешь, Наташ.

Я пожала плечами. Обдумать мне предстояло не только отношения с Вадимом, но и карьеру. Он предложил мне должность личного помощника. На старом месте я оставаться не могла, но и принять предложение Вадима мне не позволяла треклятая гордость. Кто мог сказать, как повернутся мои отношения с будущим работодателем? Потерять работу и вернуться обратно в Сочи мне совсем не хотелось.

Марина моих переживаний не понимала. С ее точки зрения, все было просто: правильнее, остаться на прошлой работе. Тем более Галина Викторовна после заключенного договора точно станет относиться ко мне лучше.

Я с трудом промолчала про подоплёку переговоров.

— Только, Наташ, будь с Вадимом поосторожнее. Начальница после вашего ухода была какая-то нервная.

Да уж, когда фирма висит на волоске, сложно оставаться спокойной.

— Мутный он какой-то. — Марина на секунду о чем-то задумалась. — Ах, да совсем забыла. Женя приедет ко мне на следующей неделе, надеюсь, ты не против?

Только через несколько мгновений я вспомнила, что Женя это жених Марины, ученый, который когда-то ее бросил, но они вроде бы помирились. И этот человек дает мне советы насчет личной жизни!

— Конечно, не против. Как его проект?

— В процессе, но нужно же иногда и отдыхать.

Анна Коротова

25 августа

Забавная штука — жизнь. Совсем недавно у меня не было времени на Наташу, а теперь я все время о ней думаю. Заброшены все дела, поездка в Крым, Андрей и прочее. Никакие мастер-классы и мероприятия меня не интересовали. Все чего я хотела — лишь получить ответ на вопрос, где моя подруга, и что вообще произошло.

Впрочем, не только я. Моя мама тоже была напугана произошедшим. Еще бы, это случилось в нашем дом, да и Наташу она знала с младенчества. Поэтому первым вопросом, заданным мне по приезду домой, было:

— Ты уже знаешь?

— Поэтому и так быстро вернулась, — кивнула я.

Мама покачала головой и начала нервно расхаживать по прихожей, бесконечно теребя свои короткие каштановые волосы, чуть тронутые сединой.

— Это ужасно. Как вообще это могло произойти? — она в неверии помотала головой. — Пропала вместе с ребенком. Нас всех опрашивали, знаем ли что-нибудь. Такой тихий район, и такое происшествие!

Казалось, словесный поток матери было не остановить. Она будто забыла обо мне и высказывала все мысли, накопившиеся за последние несколько дней.

— А этот Кирилл, он мне никогда не нравился. И взгляд у него какой-то странный, живет в квартире жены. Говорила я Наташе, подумай, прежде, чем замуж выходить, не торопись.

На самом деле, перед свадьбой подруги мама больше ратовала за то, что и мне пора задуматься о замужестве и детях, негоже столько в девках сидеть, да и нужно брать пример с Наташи. Про то, что Кирилл ей чем-то не нравился, я слышала впервые.

— Я ее на днях видела, — продолжала причитать мама. — Такая счастливая. От коляски глаз не отрывала. Я и подумать не могла, что может что-то случиться.

В это время я уже направилась на кухню, откуда доносился ароматный запах жаркого. Рот наполнился слюной. Наконец мама вспомнил, что пора накормить дочь, вернувшуюся из дальней поездки.

— Держись от Кирилла подальше. Мало ли. И вообще, Ань, будь осторожнее.

Я молча кивнула, накладывая себе еду. Мама устало опустилась на стул рядом со мной, закрыв лицо руками. Она явно вся извелась за последние дни. Вот поэтому я и решила промолчать о том, что после обеда собралась отправиться к человеку, от которого она так настоятельно советовала держаться подальше. Зачем ей попусту нервничать? Не убьет же меня Кирилл.

Он был единственным человеком, способным хоть что-то прояснить. И именно его подозревала полиция. Что, впрочем, неудивительно: после разговоров с опером я тоже начала что-то подозревать. По крайней мере, тогда, сразу по выходу из кабинета. Позднее я почувствовала какие-то сомнения. Кирилл же почему-то позвонил мне в день исчезновения Наташи. Что это было — притворство или реальное беспокойство? И где вообще ребенок? Где моя будущая крестница? Кирилл ведь не мог... или мог? Даже в мыслях было страшно заканчивать вопрос. Однозначно было одно: нужно с ним поговорить.

Кирилл неохотно согласился на встречу и даже разрешил зайти к себе домой, проронив: — Все равно здесь уже полиция все осмотрела, — произнес он, явно угадав мои намерения.

Вместо того, чтобы хоть как-то проявить ко мне интерес, угостить чаем, муж моей подруги занялся глажкой, предоставив мне возможность самостоятельно изучить дом. Впрочем, именно это мне и нужно было.

Квартира сверкала чистотой: ни одной пылинки, в раковине на кухне не было грязной посуды. Кирилл был тем еще педантом и чистюлей, это я знала от Наташи. Однако в жилище человека, с чьим близким случилась беда, ожидаешь увидеть беспорядок, пивные бутылки, разбросанные вещи — хоть что-то, по чему можно определить, что хозяину не до наведения абсолютной чистоты. Здесь все было иначе.

Чем дальше я расхаживала по комнатам, тем сильнее чувствовала пугающую пустоту. Никаких Наташиных вещей здесь не было, не было никакого следа, что моя подруга вообще существовала, не считая одной свадебной фотографии в рамке. В ванной я отметила только наличие мужского шампуня и единственной зубной щетки, одиноко стоящей в подставке. Даже полка с Наташиными любимыми книгами пустовала. Но все-таки я обнаружила листочек, исписанный Наташиным почерком, который она когда-то прятала под микроволновкой при мне, и торопливо сунула его в карман, пока этого не увидел хозяин квартиры. Именно ради этого клочка бумаги я сюда и пришла.

В спальне я сразу заметила отсутствие детской кроватки и даже заглянула в комод, куда Наташа при мне складывала одежду для малышки. Это было совсем недавно, сияющая подруга с огромным животом хвасталась своими покупками, прикладывая то бодик, то ползунки к животу. Казалось, она никак не могла дождаться, когда же встретится со своей дочерью. Полки комода были пусты.

А я поймала на себе взгляд Кирилла. Он стоял в прихожей и наблюдал за мной, в руках была вешалка с костюмом.

Я вопросительно окинула взглядом шкаф:

— Наташиной одежды там тоже нет, — пояснил он. — Но мы нашли часть вещей в мусорном баке.

— Часть, не все?

— Не все, — признал он, и его ответ внушал мне надежду.

— Что-нибудь из ее вещей осталось?

— Кольцо, телефон, украшения, которые я ей дарил.

— А золотая цепочка и серьги, которые ей подарили родители?

— Их нет, — Кирилл покачал головой.

— А автокресло вы находили? — спросила я, вспомнив, как Наташа беспокоилась о безопасности ребенка. Малышка уже в первую поездку ехала домой в автокресле.

— Нет, — сказал он.

Был еще один вопрос — самый важный, на самом деле.

— Кирилл, в полиции мне говорили о последнем сообщении Наташи. «Я все знаю. Я от тебя ухожу». Ты знаешь, что она имела в виду?

Кирилл задержался и напрягся. Вопрос ему определенно не нравился.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Не имею ни малейшего понятия, — сердито произнес он, сжимая руки в кулаки. И я поняла, что он отлично знал, вот только говорить об этом явно не хотел. — Я уверен, что это

писала не она, — сказал он, скрестив руки на груди. И снова ложь.

— Ты все? — Кирилл рассерженно смотрел на меня, явно готовый выпроводить силой, если сама не уйду.

Я решила не злоупотреблять его гостеприимством и, оказавшись на улице, поймала себя на мысли, что почувствовала облегчение. Мало ли, что могло возможному убийце моей подруги взбрести в голову. Хотя после разговора с ним я поняла, что он вряд ли ее убил. Но Кирилл точно что-то сделал, что-то, из-за чего Наташа предпочла быстро скрыться, даже не выставив его из квартиры. Она явно боялась супруга. Подруга понимала, что он будет ее искать, и оставила телефон в квартире явно не случайно, это самый легкий способ ее отследить.

Правда, в моей теории были некоторые пробелы. Например, кто же все-таки избавился от Наташиных вещей и зачем? И почему Кирилл рассказал полиции о последнем сообщении подруги? Ведь это выставило его главным подозреваемым. Впрочем, было бы гораздо хуже, если бы полиция узнала об этом самостоятельно.

Почему я считала, что Наташа жива? Наверно, мне просто хотелось в это верить. Слишком тяжело признать, что бросила в подругу в трудный момент жизни. Она-то всегда меня поддерживала, даже когда у меня была депрессия из-за несчастной любви, и я часами готова была лежать на кровати, глядя в потолок. Разговоры с матерью не помогали. И тогда в мою комнату ворвалась Наташа со словами, что я куда-то должна собираться и ехать с ней и друзьями ее мужа. На мои слова, что я никого не хочу видеть, подруга решительно не реагировала. Когда я заявила, что она не понимает, как мне больно и плохо, Наташа словно погасла, как будто с лица сорвали радостную маску. Она тихо, почти шепотом спросила, что я знаю о боли, и тогда я вспомнила, наконец, что ей совсем не легко улыбаться, но, тем не менее, она продолжала радоваться жизни.

Она всегда справлялась. Я знала, в чем ее секрет. Наташа вела дневник. Причем она вела дневник только тогда, когда ей было плохо, а потом с удивлением его пролистывала, когда была счастлива. В школе это была самая обычная тетрадка. В университете — электронный живой журнал. Она быстро забросила это дело, встретив Кирилла, и дело было не только в большой любви: Кирилл с подозрением относился ко всяким социальным сетям, а моей подруге слишком хотелось соответствовать ожиданиям любимого человека, поэтому страницы были заблокированы, пароли стерты и забыты, а фотографии удалены.

В моем кармане сейчас находился листик с написанным Наташей логином и паролем от ее живого журнала. К сожалению выяснилось, что пароль Наташа успела сменить, но по логину я смогла найти ее страницу. Последняя запись была сделана довольно давно, пару лет назад: о похоронах ее матери, так и не дождавшейся рождения внучки. Самый черный день в жизни моей подруги, день, который мне сложно было забыть. Был жуткий ливень, был сильный ветер. Я просила Наташу перенести похороны, но она не стала меня слушать. Промокла до нитки, но все равно продолжала стоять, пока шла похоронная служба, с мертвенно бледным лицом, крепко вцепившись в руку Кирилла. И только там, на страницах своего дневника, Наташа смогла излить свою боль.

Какова вероятность, что Наташа продолжить писать? Какая вообще вероятность, что она действительно жива? Но мне нужно было хоть что-то, хоть какая-то надежда.

К сожалению, единственное, что я действительно могла сделать полезного — это разместить информацию о Наташе в социальных сетях да раскидать по знакомым, которых было много. Не может такого быть, чтобы никто ничего не заметил.

С грустью глянула свой недавний пост о том, как рада за Наташу, обретшую счастье после стольких жизненных невзгод, на ее фотографию, где она сияла улыбкой, и море комментариев под записью с различными пожеланиями благополучия. Кто бы мог подумать, что все так обернется, и вскоре я буду выкладывать объявление об исчезновении подруги. Мне всегда казалось, что Кирилл любил ее. Наташа рассказывала, что ради того, чтобы быть с ней, Кирилл даже поссорился с родителями. Будущая невестка их чем-то крайне не устраивала. Поскольку он не стал соглашаться с их мнением, его отец и мать заявили, что не будут помогать молодой семье. Тогда мне казалось это героическим поступком: родители Кирилла были достаточно состоятельными людьми, ему было сложно лишиться их привычной финансовой поддержки.

Неужели это послужило причиной случившегося? Я нервно сглотнула. На что мог пойти, привыкший к достатку «золотой мальчик»? И что, собственно, могла узнать о нем такая жена, после чего ей пришлось бежать вместе новорождённым младенцем?

Я откинулась в кресле и сделала глубокий вдох в попытке успокоиться. Самое главное, найти Наташу. Как бы она ни пряталась, она должна была оставить следы. Тем более уехала она не одна, а с ребенком. Значит, вопрос не только в том, куда она уехала, но и каким образом. Именно это я и хотела выяснить. Быть может, полиция уже успела что-то разузнать.

27 августа

Сегодня у меня состоялся не самый приятный разговор в полиции. Как выяснилось, сотрудник не считал необходимым что-либо рассказывать о том, как продвигается расследование. Дескать, не я заявила об исчезновении подруги, поэтому даже о ее нахождении он мне говорить не должен. Расстроенная, я тут же выскочила из кабинета. Мне казалось, полиция просто бездействует. Поэтому пришлось действовать самой.

С помощью хорошего знакомого Димки и длительных уговоров у меня получилось узнать, что Наташи не было в списках пассажиров самолетов в день ее исчезновения.

"С другой стороны, она могла найти другой способ уехать, на поезде, например", — рассуждала я, выходя из здания аэропорта. Повсюду таксисты назойливо предлагали свои услуги. Для них здесь самое прибыльное место.

"Или Наташа уехала на машине", — с грустью подумала я. Если так, отследить ее передвижения будет очень непросто.

4 сентября

Вечером я едва доползла до кровати. Мне все-таки нужно было еще и зарабатывать на жизнь. В отличие от многих, свою работу я любила. Обычно любила, но сегодня она вымотала меня до предела. До чего же суматошная нервная невеста попалась! Никак не могла определиться со своими желаниями, чуть не поцапалась с женихом по поводу очередного изменения. После двадцатого звонка мое терпение лопнуло, и я попросила ее составить список и обсудить его на следующей встрече. А сама уже подумывала, что стоит от подобного клиента отказаться, нервы дороже, а ей до свадьбы еще год, найдет себя другую жертву — в смысле, свадебного организатора. Детские дни рождения организовывать определенно легче. По крайней мере, родители именинников так скрупулёзно не выбирают декоратора и не рассказывают фотографу обо всех своих невыгодных ракурсах на снимках.

Я легла на постель и с грустью посмотрела на компьютер. Каждым утром и вечером я проверяла дневник подруги в надежде увидеть хоть какое-то подтверждение, что она жива.

Но новых записей все не было и, похоже, вряд ли они будут. Кажется, я сдаюсь. Собственно, на что было надеяться? Этот старый дневник Наташа забросила давным-давно. Прошло уже две недели, а от полиции никаких известий, как и от Кириллы. Он только выражал свое недовольство правоохранительными органами, и более ничего. Может быть, все уже сдались? Даже я? И никто уже не надеется найти мою подругу живой?

Взяв в себя в руки, я все-таки заставила себя встать и сесть за компьютер. Кто-то должен продолжать делать хоть что-то. Даже если это кажется бесполезным.

Я открыла страницу, уже готовая, как всегда, ее закрыть. Но тут же застыла в изумлении. Моргнула несколько раз, не смея поверить. На экране была новая запись от сегодняшнего числа. Моя подруга была жива.

«Я все еще не понимаю, как Кирилл мог так со мной поступить», — прочла первую строчку я и только сейчас поняла, что вся дрожу.

Все-таки это был Кирилл. Кирилл, говоривший мне, что не имеет ни малейшего понятия о том, что случилось, лгавший мне прямо в лицо. Впрочем, не только мне. Он всем соседям казался таким любящим идеальным мужем, а в итоге его жене пришлось бежать вместе с ребенком.

Я крепко сжала мышку и приготовилась читать дальше.

«Я не ожидала от него подобного. Как он мог?»

К, сожалению, Наташа не написала, что именно он сделал. Но это явно было что-то ужасное.

«Я не знаю, что он сделает со мной, если найдет». Подруга точно боялась своего супруга. Знать бы еще причину! И почему она не заявила о ней в полицию? Вопросов с каждой строчкой становилось все больше. Следующая поставила меня в тупик.

«Я пытаюсь начать жить заново. Сегодня мой первый рабочий день».

Какой еще первый рабочий день? Наташа вроде же в декретном отпуске. Какая еще работа? А кто с ребенком сидеть будет?

Я читала дальше. Наташа рассказывала что-то о своих коллегах, но меня больше интересовало другое. Почему за весь пост Наташа ни разу не упомянула дочь? Кому она смогла доверить сидеть с ребенком?

Но самое удручающее было то, что задать эти вопросы я ей не могла. Я только сейчас обнаружила, что комментарии и личные сообщения были закрыты. От злости хотелось стукнуть по клавиатуре, но я заставила себя успокоиться. Самое главное, Наташа была жива. Уже одно это было подарком судьбы, а способ связаться с ней я как-нибудь найду.

Можно же как-то отследить ее по «IP-адресу». Наверняка можно. Андрей вот даже говорил, что у него есть знакомый программист, мастер своего дела. Конечно, не дело названивать среди ночи, но дожидаться утра я не могла. Мне казалось, если помедлить, подруга вновь исчезнет, и я уже не смогу найти ее след. Впрочем, я никогда не была терпеливой, этим даром обладала Наташа.

Андрей ничего мне не сказал насчет такого позднего звонка, хотя по сонному голосу я могла догадаться, что разбудила своего парня. "Своего" — это слово до сих пор грело сердце. Никогда не думала, что курортный роман может привести к чему-то серьезному.

— Я скину номер. Только не звони ему сейчас.

— Спасибо за помощь.

— При встрече сочтемся. — Я легко представила, как на любимом лице губы расплываются в хитрую ухмылку, и закончила разговор.

Набрала присланный Андреем номер.

Тут меня ждал неприятный сюрприз. Нет, программист не спал, более того, развлекался в каком-то ночном клубе, как я предположила по громкой музыке, доносившейся из трубки. Выйдя на улицу для разговора, он сказал, что помочь не сможет: такое под силу только правоохранительным органам.

Обращаться в полицию в мои планы не входило: если они найдут ее, то первым делом расскажут Кириллу, от которого и пряталась Наташа.

Оставалось надеяться, что подруга хоть как-то обмолвится в дневнике, где же она скрывается, или укажет что-то, благодаря чему я смогу это понять. Должно же это проскочить рано или поздно. Что ж, пора было запастись терпением.

21 сентября

Небо заволочло тучами. Подул холодный ветер, и я зябко прижалась к Андрею, пока мы с ним гуляли вдоль парка. Даже одолженный им пиджак не спасал. Андрей что-то рассказывал о своей идее организовать совместный бизнес, рассказывал о перспективах, активно жестикулируя; уже прикидывал, где арендовать офис и какую рекламу дать. Я слушала вполуха, мои мысли были сосем о другом. Пару дней назад я заметила, что машины Кирилла не было на том месте, где он всегда парковался. Опросив соседей, я выяснила, что его уже некоторое время никто не видел.

Как сказала баба Таня: «Совесть замучила паскудника». С этой пожилой полной женщиной я согласна не была. Если Кирилл сорвался с насиженного места, то он, скорее всего, наткнулся на какую-то зацепку о местонахождении Наташи.

Мы подошли к витрине с мороженым. Андрей купил два рожка и протянул мне один.

— Так что ты думаешь? — спросил он, внимательно смотря на меня.

— Ты о чем? — Я только сейчас вынырнула из своих мыслей.

— О фирме, — он поджал губы, явно поняв, что я все пропустила мимо ушей.

— А если разругаемся? — скептически спросила я, вспоминая свои прошлые отношения. — Что тогда будем делать?

— А мы не разругаемся, — уверенно сказал он и потянулся ко мне для поцелуя. Однако дождевая капля упала ему прямо на нос.

Андрей глянул на небо.

— А вот промокнуть можем, пошли быстрее.

Мы рванули как малые дети наперегонки к остановке, чтобы поскорее укрыться от дождя. Зато пока мы ждали общественный транспорт, появилась возможность закончить прерванный поцелуй. Было так спокойно стоять в теплых объятьях Андрея, смотреть на падающие капли дождя и верить, что в этот раз у меня все сложится хорошо.

Вечером, закутавшись после ванны в банный халат, я вновь открыла Наташин дневник. Наконец-то зацепка. Наташа указала название ресторана. «Небо». Даже удосужилась описать, какой шикарный вид открывался из его окон. Впрочем, это было лишнее: если верить интернету, только в одном городе имелся ресторан с таким названием, и этим городом был Новосибирск.

А значит, наши с Андреем завтрашние планы накрылись. Зато я в скором времени смогу лично спросить у подруги, какого черта ее понесло в такую даль, за четыре тысячи километров от дома.

Надо позвонить Андрею, предупредить, что завтрашнее знакомство с его родителями

отменяется. Заодно придумать убедительную причину, почему мне так внезапно понадобилось улететь так далеко. Оставалось надеяться, что мой парень не сочтет это попыткой избежать общения с его отцом и матерью.

Я все-таки продолжила читать запись. В ресторане Наташа была с каким-то Вадимом, который, судя по всему, ей нравился. И в этот раз — ни слова о дочери, зато много нецензурных слов о начальнице. Я даже не знала, что Наташа знает столько отборного мата. Интересно, что же такого сделала эта женщина, что Наташа накатила о ней полстраницы интересных фраз, которые не произносят в приличном обществе? Надо будет спросить. Хотя читать чужие дневники все-таки плохая привычка.

22 сентября

Ровно месяц прошел с Наташиного исчезновения, и именно сегодня я улетаю в город, где она скрывалась. Забавное совпадение.

Мама целое утро ходила вся хмурая. Ей определенно не нравилось, что я внезапно куда-то собралась:

— Ты уверена, что тебе нужно лететь на эту встречу? Все-таки так далеко, — вздыхала она, нервно теребя халат, пока я проверяла содержимое чемодана. Никогда не понимала ее любви к домашним халатам. Существовало столько удобной, а главное, красивой одежды, но мама бросать свои привычки не торопилась.

— Мама, я об этом давно мечтала. Это же мероприятие для свадебных специалистов мирового уровня. Мне повезло, что кто-то из Краснодара заболел, и одобрили мою кандидатуру, — лгала я напропалую. Наверно, каждый человек когда-нибудь лгал родителям, я даже целую стратегию разработала в этом направлении. Главное — давить на чувства. Разумеется, никаких известных мастер-классов для моей профессии в Новосибирске не было, но мать проверять не будет.

А что, собственно, оставалось делать? Зная правду, мать бы меня точно не отпустила. Слишком боится она за свою дочь. Слишком большим ударом для нее стало исчезновение моей подруги, девочки, которую она знала с пеленок.

— Просто ты не говорила, — мать продолжала беспокойно расхаживать вдоль комнаты. Она всегда так делала, когда нервничала.

— Боялась сглазить, — легко отмахнулась, я одеваясь. — Мам, ты же знаешь, что для успеха в бизнесе нужно развиваться.

— Что-то мне не нравится эта поездка. Может, обойдешься как-нибудь без нее?

— Я скоро вернусь. — Я похлопала маму по плечу. — Не переживай.

По крайней мере, я на это надеялась. Очень хотелось верить, что получится быстро найти подругу, посмотреть ей в глаза и узнать, что же произошло. И наконец получить ответ на вопрос, почему же она ничего не рассказала мне. В глаза бросилась фотография, висевшая на стене: Наташа в белом свадебном наряде, счастливая невеста, и я — в черном облегающем платье с красной лентой почетной свидетельницы.

Я всегда ей во всем помогала, всегда поддерживала... Так почему? Почему она ничего мне не сказала? Ведь раньше мы делились всем. Внезапно я поймала себя на мысли, что еду не только за этим. Я еду убедиться, что не виновата в случившемся, что не бросила подругу в трудный момент. Я еду облегчить терзания своей совести.

Если маму легко было убедить в том, что я уезжала по работе, то с Андреем трюк бы не прошел: мы работали в одной сфере, и подобные вещи он внимательно отслеживал. Пришлось врать, что еду на свадьбу к троюродной сестре и пока не готова представлять его

дальней родне. Достаточно глупая ложь, но это единственное, что я успела выдумать на скорую руку.

Конечно, можно было поехать с ним, но Андрей скептически относился к идее поисков подруги. Он считал, что это дело полиции. Поэтому я все-таки решила лететь сама. Буду в одиночестве изучать чужой город, дожидаясь весточки от Наташи.

Андрей вызвался отвезти меня в аэропорт на машине. Хотелось бы верить, что он не подцепит никого, пока меня не будет.

Он подъехал без пяти одиннадцать. Тут же погрузил вещи в багажник, и мы отправились в путь.

— Будешь скучать по мне? — спросила я сосредоточенного на дороге Андрея.

Он помотал головой:

— Нет, не буду.

Мои брови поползли вверх. Я открыла рот, чтобы высказать ему все, что думаю, но он пояснил:

— Я лечу с тобой. — Андрей кивнул в сторону заднего сиденья, где лежал еще один чемодан. — Кто-то же должен за тобой присмотреть.

Моему изумлению не было предела.

— Присмотреть?!

— Ты же, как я понимаю, к подруге едешь, — ответил он, активно выкруливая.

Понятно, в версию о поездке на свадьбу Андрей ни грамма не поверил. Не стоит даже спрашивать, почему. Словно прочитав мои мысли, любимый добавил:

— Платье. Ты не стала таскать меня по магазинам за платьем. Кстати, могла бы все-таки сказать. Теперь придется почти пять часов лететь в разных концах самолета.

Уже поднимаясь вместе с Андреем в самолет, я подумала: может, это действительно любовь? Ведь ему пришлось отказаться от многих интересных проектов ради этой поездки со смутными перспективами.

23 сентября

Как, оказывается, классно валяться вместе с любимым на одной кровати, слушать его размеренное дыхание и смотреть, как медленно восходит солнце и впускает в комнату свои лучи. Быть может, это и есть счастье? Это, а не вечные попытки все успеть и заработать побольше денег на далекий отпуск или покупку автомобиля? Может, счастье скрыто в мелочах?

Можно сказать, что у нас сейчас был маленький совместный отпуск. Конечно, мы планировали провести его где-нибудь рядом с морем, в Турции или в Египте. Хотя, с другой стороны, какая разница, где мы? И в Новосибирске найдем, чем развлечься и что посмотреть. Я вот уже в самолете накидала примерный маршрут по достопримечательностям.

Андрей открыл глаза, сладко потянулся и притянул меня в объятия:

— Ну что, какие планы? — сказал он, загадочно улыбаясь; в его глазах плясали чертики.

Я вынырнула из объятий и села:

— Завтрак, а потом прогулка. — Увидев на его лице разочарование, добавила: — Остальное успеется.

Одевшись, мы отправились в кафетерий удобно расположенный на первом этаже, и заказали еду.

Проблемы начались на втором пункте. Впрочем, правильнее назвать это глупостью, а не проблемами. Я набрала практически целый чемодан теплой одежды: различные пуловеры, свитера, кардиганы. "Сибирь же, холодно", — думала я, не став даже смотреть погоду через Интернет, хотя это отняло бы у меня секунд тридцать. За свои промахи придется платить, в данном случае — в прямом смысле: необходимо съездить в торговый центр, ибо пары кофточек мне точно не хватит. Андрей не был фанатом шопинга, и многочасовые прогулки по однотипным сетевым магазинам, которые есть в каждом городе, его не прельщали. Поэтому после продолжительной прогулки по окрестностям и позднего обеда в то время, когда все нормальные люди ужинают, я решила пощадить своего молодого человека и отправиться в торговый центр сама.

С самого прибытия мою голову не покидал вопрос: почему Наташа выбрала именно этот город? Город с вечно хмурым небом, такой не похожий на наш солнечный Сочи? Почему? Она ведь могла выбрать любой другой, и ее никто бы не нашел. Могла бы поехать в столицу и затеряться в мегаполисе-муравейнике. Зачем нужно было ехать именно сюда? Никогда не поверю, что Наташа просто ткнула пальцем с закрытыми глазами в карту России.

Я уже подходила торговому центру «Галерея» — высокому многоэтажному зданию, занимавшему площадь почти в полквартала. Меня посетило чувство дежавю. Точно такое здание, как и в Краснодаре. Как будто я и не покидала свой край.

Позвонил Андрей, я взяла трубку и прижала телефон к уху. Он интересовался, что из еды заказать в номер.

— Может, сходим куда-нибудь поужинать? — спросила я. Сидеть в номере мне не хотелось. Домоседкой я никогда не была. Приехав в незнакомый город, хотелось увидеть достопримечательности, сделать побольше фотоснимков.

Но любимый настаивал на своем.

— Подожди, я тебе потом перезвоню, — произнесла я, чуть не уронив телефон, уставившись на троих девушек, только что вышедших из торгового центра.

Точнее, на одну из них — ту, что шла посередине. Белокурые волосы выпрямлены и стянуты в высокий конский хвост, на губах яркая непривычная помада, модное стильное пальто асимметричного кроя, подчёркивающее точеную фигуру, ботинки на высоченных каблуках, в которых она непринужденно шла. Счастливая и довольная, она активно что-то обсуждала со своими подругами, смеялась. Да, не такой я представляла женщину, сбежавшую от мужа с ребенком на руках. По виду и не скажешь, что недавно родила: подруга выглядела точно так же, как и до беременности. Тем не менее, это точно была она. Это была Наташа.

Я помчалась к ней бегом. Так хотелось обнять, не только от радости, а просто для того, чтобы поверить, что она живая, осязаемая. Так хотелось расспросить обо всем, ведь это наша первая встреча спустя столько времени. Последний раз я ее видела с огромным выпирающим животом, еще беременную.

Живая, неужели живая?! Хотелось смеяться от облегчения. Хотелось высказать ей, как же я переживала. Как она могла так внезапно исчезнуть?! Все эти дни я боялась, что ошиблась с дневником, что зря успокоилась, порою видела в кошмарах ее бесчувственное окровавленное тело.

Я подбежала к ней, но, рванувшись обниматься, застыла на месте. Споткнулась о ее холодный взгляд из-под маски идеального макияжа. Красивая девушка, которая была моей подругой, тут же прекратила смеяться и нахмурила брови. Она мгновенно меня узнала, но,

кажется, была совсем не рада видеть. Казалось, еще секунда, и Наташа постарается пройти мимо, будто бы мы никогда не были знакомы.

— Наташа, слава богу, с тобой все в порядке! — облегченно выдохнула я. Наташины собеседницы — одна в серебристой шубке, другая в бордовом пальто, — уставились на нее. Рыжая хотела что-то спросить, но Наташа подняла руку, жестом показывая, что сейчас не подходящее время.

— В порядке, — повторила она, уставившись на меня и рассеянно хлопая ресницами. — Откуда ты?

— Приезжала в гости, — солгала я. Последние двое суток лгать стало чуть ли не основной моей привычкой.

Земля как будто уходила из-под ног. Не так я представляла нашу встречу, совсем не так. Столько раз прокручивала в голове, как это будет, как Наташа радуется моему приезду, как потом мы составим план действий, ведь вместе мы сила, две подруги, как две сестренки. Вот только девушка, стоявшая передо мной, была больше похожа на Снежную королеву, красивую и холодную, чем на мою подругу — девчонку, которую я знала чуть ли не с песочницы.

— Ты как? Как вы? — я пыталась как-то завести разговор, растопить этот лед, почему-то вставший между нами, словно незримая стена.

— Я спешу, Ань, — произнесла она прохладным тоном.

А я смотрела на такое знакомое лицо и пыталась понять. Неужели все-таки обида? Но на что? Я проделала такой путь...

— Да, мы торопимся на тренировку, — тут же поддакнула темноволосая девушка в красном пальто. Рыжая активно закивала.

— Понимаю, — проронила я. Нужно было что-то сделать, иначе подруга исчезнет вновь. Я быстро достала из сумки визитную карточку и протянула ей, вложила прямо в ладонь. — Позвони мне. Хотя лучше продиктуй свой номер.

Наташа поморщилась. В какой-то момент мне показалось, что она откажется, но все-таки она положила мою визитку в сумку и протянула свою. Наташа отлично знала, что я не отстану, а обсуждать при знакомых свой отказ было не с руки.

— Встретимся после тренировки. Пойду покупать подарки. — Я вдруг поняла, что даже не подумала купить что-то для ребенка. А малышке уже почти два месяца — время погремушек, развивающих ковриков. Я даже не спросила, что у Наташи есть. Может, продавец-консультант подскажет что-нибудь по-настоящему интересное и полезное. Что ж, будет чем заняться, пока Наташа на тренировке. Заранее заготовленные во время крымской командировки подарки так и остались дома. Похоже, я не особо надеялась на успех.

— Встретимся, — холодно проронила моя найденная подруга и добавила, нахмурившись: — Только не говори Кириллу, что видела меня.

— И в мыслях не было, — сказала я, но Наташа уже поспешила уйти. Я смотрела ей вслед, все еще пытаюсь понять, почему она так обращается со мной. Личная обида? Или настолько боится, что некогда любимый и обожаемый муж узнает, где она?

Наталья Серикова

23 сентября

Стоя на пороге такой знакомой прихожей, я с замиранием сердца рассматривала такие знакомые и одновременно такие далекие вещи. Все те же стены, выкрашенные в мятный цвет, который стал очередной причиной споров с бывшим мужем, все тот же стеллаж со свадебной фотографией. В реальности эта картинка полетела в мусорку вместе со всеми подарками Кирилла.

Ноги сами несли меня в спальню. Туда, к детской кроватке из белого дерева и заботливо украшенной балдахином. До уха мгновенно долетели звуки нежной колыбельной, доносившейся от мобиля. Я наклонилась к бортику.

Там, на матрасике, в уютном гнездышке беззаботно размахивая ручками, лежала розовощекая темноволосая девчушка.

И это всегда была одна и та же девочка. Ее я знала, с головы до ног, от коротеньких пушистых блестящих черных волос до формы ноготочков на крошечных пальчиках. Такая похожая на Кирилла малышка, с огромными голубыми глазами. Именно такой я ее представляла беременной. Так хотелось, назвать ее Аленкой... и так хотелось, чтоб она все-таки родилась. Что ж мое подсознание придумало для меня самую страшную пытку.

Малышка тянула ручки к игрушкам, но увидев меня на секунду замерла. А потом улыбнулась, насколько умела, и протянула ко мне маленькую ручку. Я не удержалась и протянула свою. Ребенок крепко сжал пальчик.

Я погладила свободной рукой бархатные щечки. На глазах появились слезы.

— Я тебя не помню. Я никогда не видела тебя.

Я провела рукой по волосикам. Они были такими мягкими, такими реальными.

— Тебя никогда не было.

Я не могла оторвать взгляда от этого красивого личика с такими горячо любимыми глазами цвета закатного неба.

Ребенок продолжал на меня смотреть.

— Отпусти меня, пожалуйста.

Я больше не могла это вытерпеть. Одно дело потерять, другое каждый раз видеть во снах.

— Я больше так не могу.

Я убрала руки. Ребенок заплакал, жалобно, надрывно.

Я знала, что нужно было уйти, Закрыть за собой дверь и никогда не возвращаться. Разорвать этот замкнутый круг, нужно было отпустить прошлое, и позволить себе наконец-то забыть.

Но малышка плакала, и это перевесило все.

Я не смогла сдержаться, нереализованный материнский инстинкт оказался сильнее здравого смысла. Я быстро достала ребенка из кроватки и прижала к себе. Она была такой легкой и теплой, такой реальной.

— Тише, тише моя родная. — шептала я глядя ребенка и малышка успокоилась. А я уткнулась носом в ее волосёнки. Такой сладкий запах такой родной.

— Мама тебя не бросит, — говорила, я слушая ее размеренное дыхание.

— Что случилось? — Я услышала голос мужа из гостиной.

— Ничего, — ответила я, по-прежнему прижимая ребенка к себе. Боясь, что если положу ее в кровать, она исчезнет, растает словно дымка.

Кирилл подошел ко мне и чмокнул в щеку и приобнял.

Мне хотелось, отмахнуться от него, оттолкнуть, слишком свежи были в памяти его слова о том, что он никогда и не любил меня.

И я как всегда проснулась. Всего лишь очередной сон. Всего лишь очередная неудачная попытка. Я не смогла заставить себя, уйти в который раз. И я отлично знала причину своего поражения.

Я хочу видеть эти сны, хоть так ощутить то, что должно было быть моим, я цепляюсь за них. Наверно, как наркоман, тянущийся за очередной дозой, отлично знающий как потом будет плохо. Он прекрасно понимает, что это убивает его, но, тем не менее, не хочет бросать, разрушая свою жизнь ради каких-то мгновений удовольствия. Я никак не могу принять простую истину: сны не закончатся, пока я сама хочу их видеть, не смотря на всю боль которую, они заставляют меня испытывать. Права Марина, которая называет меня мазохистской, я сама заставляю себя испытывать мучения. А ведь нужно просто принять, что это произошло, и прошлое не повернуть назад.

По статистике каждая четвертая беременность заканчивается неудачей, многие даже не успевают узнать, что они были в положении. Мне просто не повезло, и нужно с этим жить. Говорят, что время лечит. Вот только прошло уже четыре месяца, а я все еще чувствую зияющую пустоту в сердце. Мне снится ребенок, который меня зовет.

Я утерла рукавом слезы, глупо плакать о несбыточном, у меня новая жизнь. И если меня так уж мучает материнский инстинкт, я вполне могу помочь Вадиму с ребенком.

Вздыхнула, уж лучше бы мне приснился Вадим. По идее, девушке с нормальной психикой после вчерашнего вечера должно сниться что-то на романтическую тематику. Но нормальной моя психика, похоже, точно уже не была.

Я на секунду закрыла глаза, вспоминая вчерашний вечер. Хотелось вновь ощутить прохладный ветер на лице, прижаться к Вадиму и смотреть как колышется волны, просто смотреть на море. Точнее на водохранилище. Море, искусственно созданное людьми. Такое похожее на настоящее, но все равно подделка, искусно созданная красивая подделка. Но мне все равно. Я могу вечно смотреть на воду, на отражения в нем луны и звезд на зеркальной поверхности. Так хочется ощутить на своем лице морские брызги. Когда я последний раз купалась в море? Наверное, больше года назад. Этим летом мне было ни до таких маленьких удовольствий, этим летом рушилась моя жизнь. Опершись о борт корабля я сильнее сжала руку Вадима. Его ладонь была горячей, впрочем, он был сам воплощенным огнем. Такой обжигающий и не предсказуемый.

— Ты так любишь море, — наконец он нарушил тишину. Кроме нас и команды здесь никого нет. Никто не отвлекало от созерцания вида, где-то там вдалеке был берег со своими вопросами и проблемами. Вадим стоял совсем рядом, его разгоряченное дыхание щекотало кожу. — Ничего, через пару месяцев полетим на острова.

Я с удивлением перевела взгляд на него. Я как то не планировала еще совместный отдых. Я вообще не знаю, что будет через пару месяцев. Но в его словах и не было вопроса о моем желании, он говорил об этом как будто это свершившаяся данность, уже давно обговоренная договоренность

— Подожди... — начала я.

— Ты же приехала сюда, — сказал он, будто бы этим своим поступком я согласилась буквально на все. Он притянул меня к себе в объятия, посмотрел прямо в глаза. Мне хотелось что-то сказать, но слова застывают в воздухе. Вадим притянул меня к себе. Наши губы встретились, и одним поцелуем он отбил все желание спорить.

Меня завораживала его уверенность. Быть может потому, что сбежав от прошлого, я совсем не думала о будущем, я не стоила планы. Он же привык все планировать, и добиваться цели.

Вадим о чем-то рассказывал, я слушала в пол уха, любуясь видом воды. Мне просто нравилось стоять рядом слушать его голос. Голос уверенного в будущем мужчины. С ним мне было на удивление спокойно. Даже при том, что я понимала, что никак не могу предугадать его действия. Вот и в этот раз я не думала, что меня ожидает прогулка на пароходе. Банальность со слов Вадима, и приятная неожиданность для меня.

На фоне таких приятных мыслей я зарылась под одеяла и не заметила, как уснула. Проснулась от того, что меня кто — то тряс за плечо.

— Наташ, — сейчас опоздаем.

Я сонно потянулось. Спать хотелось жутко, но опаздывать на работу нельзя. Даже не смотря на то, что я сейчас в фаворе у начальства. Старая ведьма даже использовала слова «Наташечка то... Наташечка это». А все лишь потому, что считает меня любовницей Вадима, и явно надеется на новый договор.

Наскоро одевшись и кое-как причесавшись, я отправилась в прихожую времени завтракать у меня уже не было. Как я вообще умудрилась проспять. Хотя, учитывая, что я вернулась в три часа ночи со свидания, это дело не хитрое. Ничего, буду в кабинете-приведу себя в порядок.

работе все как обычно: скучные договора, справки, не считая того, что второй день меня не покидает не преодолимое желание уволиться. Я даже заявление уже подготовила, осталось только распечатать и поставить подпись. Правда, я все-таки решила отложить его до понедельника. Сегодня Вадим занят, но в выходные явно стоит обсудить с ним, что входит в обязанности личной помощницы. А лучше все-таки найти другую работу. Ибо очень сложно строить отношения с тем, от кого зависит моя зарплата.

Наверно, самое приятное сегодня это тренировка. Даже если бы Вадим был свободен, моя любимая и дражайшая подруга, и коллега по совместительству попросту не дала бы мне прогулять.

А сегодня к нам должна была присоединиться и Маша, с которой мы делили кабинет, но с которой из-за специфики е работы почти не общались. Зато Марина прекрасно общалась с Машей. В свое время она предупредила меня на счет одной вещи о Маше, она была убежденной «чайлдфри» поэтому не стоило с ней говорить о детях. В свое время Машу этой темой достали родители. Собственно, я точно не собиралась поднимать эту тему. Поскольку Маша собралась к нам присоединиться внезапно, до тренировки нам предстояло еще посетить торговый центр и купить ей форму. Я уже представляла Машино лицо, когда увидит, где находятся самая крутая школа этого города, по словам Марины.

— Только не вздумай никому проболтаться, — сказала Марина, когда мы выходили из здания.

— Могила, — сказала Маша.

Судя по красноречивому взгляду Марины, если Маша нарушит свое обещание, она в

лёгкую это исполнит.

Пока Маша мерила форму, состоящую из крошечного топики и коротких шорт, я оглядывала витрины, и поймала себя на мысли, что меня интересуют не только деловые костюмы. Даже задумалась, не примерить ли мне какое-нибудь вечернее платье. Вадим ведь никогда еще не видел меня в платье.

Выходили из торгового центра мы трое довольные, каждая была с покупками. Марина что-то прикупила для своего жениха, Маша форму для занятий, а я вечернее платье из темно синего шелка. Я уже представляла, как покажусь в нем Вадиму. Мы шли к остановке, болтали о тятках, о распродажах, хихикали и смеялись, Пока в толпе я не увидела ее. Светлые распущенные волосы, такое знакомое лицо с тонкими чертами, белое пальто. Она всегда любила белое. Шутила, что это лучший способ выделиться из толпы, одеваться именно в этот маркий цвет. На секунду мне хотелось рвануть обратно в торговый цент и затеряться там. Но было уже слишком поздно, она узнала меня и рванула на встречу. На встречу, которую мне так хотелось избежать.

— Наташа, слава богу, с тобой все в порядке! — облегченно выдохнула та, которую когда-то я почему-то считала лучшей подругой. Я знала, что ее радость встречи наиграна.

— В порядке, — холодно проронила я, а у самой бурлило в крови. Но были более важные вещи чем выяснение отношений тем более присутствии коллег- Откуда ты?

Я с замиранием сердца ждала ответа. Только у одного человека была причина меня искать.

— Приезжала в гости,

Я выдохнула от облегчения. Значит все-таки не Кирилл.

— Ты как? Как вы? — пыталась завести разговор Аня и продолжала сверлить меня взглядом, будто в надежде на что-то. На что? На прощение? Раньше я слишком многое прощала всем, включая и ее. Мой лимит исчерпан.

Каких ответов она от меня ждет? Правду? В прошлый раз правду она не пожелала слушать. А лгать мне не хотелось. Слишком много было лжи в моей жизни.

— Я спешу, Ань, — и это лучшее из того, что я могла ей ответить. Уйти и не портить последние воспоминания о нашей дружбе нелепой бессмысленной ссорой. Все равно она меня не поймет.

— Да, мы торопимся на тренировку, — тут же вставила Марина, показывая на сумку с формой, и все еще ожидая от меня хоть какого-то комментария на счет девушки перед нами. Тени из моего прошлого.

Но Аня не торопилась просто так отступить. Это не было в ее характере.

— Понимаю, — проронила она, и быстро достала из сумки визитную карточку и протянула мне, вложила прямо в ладонь. — Позвони мне.

Честно мне хотелось порвать визитку у нее на глазах, либо выкинуть в ближайшую мусорную урну.

-. Хотя лучше продиктуй свой номер, — очевидно угадав мои намерения, произнесла она. Она отлично знала. Что я не смогу отказать, только не при посторонних. Отлично понимала, что я подчинюсь, сделаю все, чтобы не устраивать скандал.

Я потянулась за ответной визиткой. Что ж хочет она поговорить, будет ей разговор, но не факт, что она услышит то, что хочет.

— Встретимся после тренировки. — решительно заявила она. — Пойду покупать

подарки.

— Встретимся, — ответила я и добавила, нахмурившись: — Только не говори Кириллу, что видела меня.

— И в мыслях не было, — донеслось до меня. Но я спешила поскорее уйти. Слишком велик был шанс сорваться. Аня вела себя так, будто бы ничего не произошло.

И это еще больше бесило меня. Хотя для нее может быть, так и было. Лучшие подруги, всегда поддерживающие друг друга, по крайней мере, когда-то я считала, что это о нас. Аня была моей свидетельницей на свадьбе, и даже намеревалась быть крестной моей дочери. Когда я потеряла ребенка, мне было плохо, то надеялась хотя бы на понимание с ее стороны. Вместо того, чтобы поддержать меня, она начала рассказывать о расставании с Андреем, с которым у них был непродолжительный курортный роман. По ее мнению это было величайшей проблемой, не то, что потеря ребенка, которого не было. Мне было больно, но я промолчала. Это было первым звоночком, который открыл мне глаза, Аня вела себя так практически всегда. Просто мне впервые потребовалась помощь.

Финальным аккордом нашей дружбы стал наш последний звонок. Когда я сообщила ей, что Кирилл мне изменил моя «добрая» подруга заявила лишь, что этого следовало ожидать, ведь я стала плохо выглядеть, и со мной стало совсем скучно. Больше я ей не звонила. Именно в этот момент, я окончательно решилась. Меня ничто не держало в родном городе.

— А это кто? — вырвала меня Марина из своих мыслей. Судя по лицу, она была заинтригована.

— Подруга, — ответила я, умолчав, что увиденная нами девушка перестала быть ею.

За десять минут до начала мы подошли к нужному зданию. Маша, как и я когда-то, скептически, с легкой озабоченностью на лице, оглядывала местность. Что тут скажешь заброшенный дом и у меня с фитнесклубом не ассоциировался.

Мы отправились в раздевалку. Там уже переодевались две девочки. Одна, из которых давно вместе с нами ходила на занятия.

— О молодец, что занимаешься, — сказала вторая которая была новенькой, смотря в мою сторону. — Сколько уже твоему?

— Простите, — только успела прошептать я, растерянно хлопая ресницами. Я не поняла вопроса, но она решила уточнить

— Сколько твоему ребенку? Я тоже мамочка. — ее губы расплылись в улыбке. — Поняла по растяжкам на животу... Молодец, что занимаешься. Я...

Девушка не успела договорить, как Марина чуть ли не за шкуру вытащила ее из раздевалки.

У меня и в самом деле было несколько бледных голосочек на животе. Еще одно напоминание о неудачной беременности, оставившее след на теле... И это было одной из причин, почему я не сильно жаловала форму для pole dance.

Увидев мою задумчивость, Маша, пытающаяся собрать свои огнено-рыжую копну волос в хвост:

— Не переживай. Их можно лазером свести.

А я поразились какими тактичными бывают все-таки «чайлдфри». Ее не интересовал мой ребенок, ни его пол, ни возраст.

Когда Марина вернулась с «мамочкой» обратно, девушка казалось крайне поникшей, и не поднимала взгляд от пола. Я представляла, что ей сказала Марина, но общаться у нее теперь точно не будет никакого желания.

Правда из-за этого воспитательного разговора, Марина не успела переодеться, поэтому в зал мы шли без нее. Первым делом я пожаловалась тренеру на синяки и боль в запястьях. Она с сомнением уставилась на мою руку и сказала, что уверена, что я не могла получить такую травму на тренировке. Может где-то ударилась.

Занятие Маше очень понравилось. Она заворуженно переводила взгляды то на тренера. То Марину, порою даже смотрела на меня. Ей тоже так хотелось так уметь. Особенно ее поразил элемент. Когда я держалась за пилон на одних ногах и висела в ни головой.

Когда я уже вышла из душа и начала переодеваться, позвонила Аня, и вновь напомнила о встрече. Почему-то ей так не терпелось встретиться, я не понимала. Не успехами же в бизнесе похвастаться и новым ухажером.

Девочки решили меня проводить к месту встречи. После тренировки нам всем хотелось немного пройтись, у всех в крови еще кипел адреналин. Когда мы подходили к торговому центру, уже стемнело, горели фонари. Наконец в дверях показалась Аня. Обе руки заняты огромными белыми пакетами. Увидев меня, Аня радостно подняла руку. Кажется, она до последнего момента не была уверена, что я приду. Нас разделяла дорога. Дождавшись зеленого сигнала светофора, Аня приближалась к нам, оставалось перейти дорогу через пешеходный переход. Такая счастливая и довольная она смотрела только на меня. На середине пути я увидела его. Черный автомобиль, несшийся на максимальной скорости, прямо на нее. Кажется, я кричала. Время как будто замедлилось. Аня успела обернуться, выставить впереди руки. С тем же успехом можно было пытаться защититься от мчащегося на тебя поезда. Машина мчалась прямо на нее. Ну же затормози. Но автомобиль продолжал нестись. Я уже знала, что будет. Моя подруга не успела увернуться, и ее подбросило в воздух как тряпичную куклу. Многочисленные пакеты разлетись по сторонам, как буд-то сработавшая новогодняя хлопушка. Кувырок и ее протащило по капоту, через секунду она упала на асфальт. Машина умчалась прочь, оставив за собой клуб пыли, и неподвижное тело моей подруги. Белое пятно на сером асфальте.

А я помчалась изо всех сил к ней. Изо рта у Ани текла струйка крови, белое пальто перепачкано. Подруга смотрела на меня. Она что-то хотела что-то сказать, приоткрыла рот, но слова не срываются с губ. Она не могла даже сделать вдох. Из ее рта течет кровь Я села рядом, взяла ее за руку.

— Кто-нибудь скорую, — кричала я в отчаянии, обернувшись на девочек.

Маша достала телефон, я видела как пальцами, дрожащими руками набирает номер, шумно ругается, когда ей отвечают, что занято, что все подстанции перегружены. Я помнила, как мы с Кириллом ждали однажды скорую. И помнила, чем это закончилась. А в это время рядом со мной умирает моя лучшая подруга.

Я продолжала держать Аню за руку.

— Аня, потерпи. Сейчас скорая приедет. — Я сама пыталась поверить в свои слова, крепко сжала ее ладонь.

Но подруга не реагировала на мои слова. Светлые волосы заляпаны кровью. Глаза открыты и смотрят немигающим взглядом. Пустым взглядом.

— Аня, — Я дёрнула ее за руку, но она продолжает неподвижно лежать.

— Аня, — повторила с надеждой я.

Марина подошла ко мне, села на коленки, взяла руку моей подруги за запястье. Посмотрела на меня обреченным взглядом и опустила глаза:

— Она мертва, Наташ.

Подруга пыталась положить мне руку на плечо, как-то успокоить.

— Нет. — крикнула, я как будто могла что то этим изменить. Меня всю трясло. Я продолжала держать за руку подругу, как будто это может помочь. Мозг отчаянно отказывался принимать информацию, что моя лучшая подруга, человек, которого я знала с детства, мертва. Еще пару минут назад она радостно махала мне.

Марина говорила о каком внутреннем кровотечении, о травме головы, о пробитом легком, но я не слушала ее. Не хотела слушать. Я встала, сделала несколько шагов назад, чуть не споткнулась обо что-то. Из одного из Аниных пакетов выпала погремушка. Я машинально подняла ее. Еще новая, в упаковке. Оглянулась. По всей дороге разбросаны пакеты и детские игрушки и вещи.

Наконец-то Маша смогла дозвониться в скорую. Правда, помощь уже никому не нужна, моя подруга мертва. К нам подошли люди, спрашивают что произошло. Я продолжала молчать, лишь смотрела на тело подруги. Меня продолжало трясти, ноги подкашивались. Кто-то говорил о том, что нужно вызвать полицию, я не реагировала, мой мир сократился до одной точки, до одной девушки, лежащей на асфальте. Я смотрела, как подошли работники скорой в желтых жилетах поверх белых халатов, как ее тело накрыли белой простыней.

Я почувствовала на себя взгляд Марины. Она позвала к себе Машу, наклонилась и что-то прошептала ей. Теперь Маша направилась ко мне:

— Марина останется дожидаться полицию. Нам не зачем всем оставаться.

Но я не реагировала, продолжала смотреть в одну точку. Заметив это, она произнесла:

— Мне жаль.

И взяла меня под руку И я пошла с ней, точнее делала какие-то машинальные механические движения, напоминающие ходьбу. Только в такси я заметила в руках, злосчастную погремушку в виде синей бабочки из-за которой чуть не споткнулась. Сильно сжала ее. Крепкий пластик. Рукава моего пальто в крови. В зеркале заднего вида отразилось мое бледное лицо, влажмоченные волосы, красные от непролитых слез глаза. Маша вновь повторила:

— Мне жаль.

Она тоже бледна, на лице не кровинки.

— Она была моей лучшей подругой.

Странная штука жизнь. Только, что ты радовался жизни, планировал, мечтал, и потом жизнь обрывается, и все твои мечты, желания, чаяния становятся прахом. Ты никогда не можешь предсказать, что случится с тобой или с кем — то другим. Ты можешь только знать, что смерть когда-нибудь придет за тобой или твоими близкими. Я помнила, когда последний раз говорила с отцом. Мне было пятнадцать, я звонила ему на работу, чтобы попросить заехать в магазин за книгой. За очередной частью Гарри Поттера, тогда все его читали. Его последними словами, сказанными мне, были «До вечера.» Только вечером отец не приехал домой. Той зимой был страшный гололед, и один из водителей не справился с управлением, когда отец переходил дорогу, направляясь к книжному магазину. Его сбила машина. Я долго корила себя, я чувствовала себя виноватой, ибо именно я, попросила отца сходить в книжный. Если бы не я, мой отец был бы жив. Мама успокаивала меня, и говорила, что от судьбы не уйдешь, на все божья воля.

И через семь лет и она покинула меня. Болезнь, несколько лет медленно съедавшая ее набирала обороты. Из пышущей здоровьем женщины с формами и пушистыми блестящими светло-русыми волосами, она превратилась в тростиночку, волосы весели блеклыми

пятлями, глаза утратили былой блеск. Последние несколько недель ей стало хуже, пришлось лечь в больницу. Я до позднего вечера засиживалась у нее, до того момента когда меня уже выпроваживали медсестры.

В последний вечер мама сама сказала идти мне домой. Дома меня ждал Кирилл, тогда еще просто мой молодой человек. «Утром придешь», сказала она. А ночью ее не стало. Оторвался тромб, сказали мне врачи, легкая смерть, умерла во сне. До нашей свадьбы она не дожила. А ведь так хотела понячить внуков, увидеть меня в белом свадебном платье.

А теперь Аня, человек, которого я знала всю свою жизнь, наверно с того момента, как начала осознавать себя.

Я сидела на диване в пустой квартире, Марина еще не вернулась. В животе бурчало, очевидно, желудок жаловался на забывшую его покормить хозяйку, но отправляться на кухню мне не хотелось. Во мне как будто что-то оборвалось. Время казалось, остановилось, в тот момент, когда умерла моя подруга, и ничего уже прежним не будет.

А впереди мне еще предстояло самое страшное, сообщить о случившемся матери Ани. Я даже не представляла, как это буду делать. Ее номера у меня не было. А может быть, полиция уже сообщила Аниным родственникам. Или к кому-там она приезжала. О том чтобы у Ани были родственники, здесь я не знала, иначе бы выбрала другой город.

Я вертела задумчиво погремушку. С одной стороны она была синей, а с другой желтой. Простая детская игрушка в форме бабочки, и шариками внутри. Сколько подобного добра была разброшено рядом с ее уже мёртвым телом, яркий погремушки, грызунки, подвески, мягкие игрушки, какие-то вещи в ярких коробках. Зачем она столько набрала? У нее было полно пакетов в руках. Кому она все это накупила?

Я вновь и вновь воспроизводила в памяти наш последний разговор.

«Встретимся после тренировки. Пойду покупать подарки», — сказала мне тогда подруга. На ее губах блестела светлая розовая помада, белое пальто еще не испачкано. Она улыбалась, и будто хотела о чем-то спросить, но не решалась.

Кому она шла покупать подарки и зачем было говорить об этом мне? Игрушки дарят родителям, у которых есть маленькие дети, и уж точно не подружки, так и не получившей статус матери.

На ум пришла другая, брошенная ей фраза. «Ты как? Как вы?» Она смотрела с надеждой на ответ, руки сжаты, подбородок приподнят. Если с «Ты как» понятно. То что она имела в виду, когда спрашивала «Как вы?» Уж не про Кирилла точно, о нем она все знала. Но тогда про кого?

Хотя один ответ пришел мне в голову. Но я тут же помотала головой, отгоняя навязчивую идею. Это глупость, больная фантазия, но что если...

«Сколько твоему? Я тоже мамочка. Поняла по растяжкам на животе.»- я вспомнила слова девушки встреченной мною в раздевалке.

«Месяца два назад родили? — спрашивал гинеколог пару недель назад.

«Так умело держишь ребенка? Опыт?»- спросила меня девушка — декретница, когда она заглянула в гости на работу вместе с малышом.

Ногти левой руки до крови впились в ладони. Я швырнула погремушку на пол. Меня колотила дрожь. Перед глазами вновь всплыл образ очаровательного пухлого младенца с огромными синими глазами и бархатистыми длинными ресницами, тянущим ко мне свои ручки. Я знала это всего лишь сны, мне объяснял это психолог еще в роддоме, это всего лишь попытка психики справиться с потерей. Сны нереальны. Надо задушить еще в зародыше эту

опасную мысль, ак бы мне в нее не хотелось поверить. Это ловушка, потом будет еще больнее. Нельзя жить мечтами, а надежда еще опаснее. Я же смирилась, я почти заставила себя забыть, нельзя терять покой, который достигался с таким трудом.

Я нервно расхаживала по залу, сидеть на месте я уже не могла. Мысль продолжала съедать меня изнутри. Так не бывает, такого не может быть, я пыталась ее отвергать. Я отлично помнила, как было на самом деле.

Я никогда не видела свое ребенка, даже в родзале, акушерка не дала мне на нее даже взглянуть. Сказав, мне еще отошедшей от родовых потуг, потной и слабой, что это ни к чему. Я итак видела на аппарате УЗИ, что сердце моей дочери не билось. Все, что я помнила, это свидетельство о смерти, которое меня все-таки заставила получить, и вставить имя угрюмая тетка с химией на голове и волосами ярко красного цвета. Она торопила меня. Ей собственно было не до моих эмоций, у нее была очередь. И это единственное, что ее волновало.

«Как вы?»-вспомнились мне опять слова Ани.

«Два месяц назад родили? — вновь у меня в голове всплыл вопрос Елены Анатольевны.

«Где моя дочь? — спрашивал Кирилл.

Голова раскалывалась, перед глазами почему-то стало темнеть. Я тяжело дышала. сердце бешено билось в груди, как будто было готово выскочить из груди. Пришлось сесть, я обхватила голову руками. А если все-таки допустить, хотя бы на секундочку, что моя дочь жива? Крамольная опасная мысль, и несбыточная надежда, и сущий бред сошедшей с ума женщины, так и не ставшей матерью. Сколько можно вообще верить в чудо? Чудес не бывает, я уже когда-то верила в них, и отлично помнила, чем все закончилось. Принц, который бросил в самый тяжелый момент, умершие родители и потеря ребенка. Зачем вновь себя мучить?! Да и кого я спрошу? Кирилла, который заявит, что я виновата в случившемся? Ему ведь говорили, что не стоит на мне жениться, иначе не будет в семье наследников, не зря же у невесты практически не тродни. С бывшим мужем говорить мне не хотелось, да и что он ответит? Посмеется над спятившей женой? Хотя с другой стороны больнее он мне не сделает.

Я принялась рыться в сумке, чтобы достать телефон, но вместе с ним выпала маленькая синяя карточка с улыбающимся младенцем на ней. Визитка фотографа, который должен был снимать малышку. Собственно, что я теряю, лучше позвоню ему, по крайней мере, скажу попросту, что напутала в датах.

Дрожащими пальцами я набрала указанный номер. Первый раз мне не ответили. Я набрала второй. И когда я уже хотела положить трубку, все-таки сам звонок глупая затея, я услышала в телефоне женский голос.

— Алле.

— Это Наталья Серикова.

— Да, да, я вас помню.

Что-то сомнительно, мне что человек, с которым мы один раз созванивались два месяца назад меня помнит.

— Я по поводу фотосессии, — начала я.

— Вам понравились снимки?

— Снимки? — переспросила я. — Вы ничего не путаете нет.

— Нет, я вас помню. У вас еще такая очаровательная малышка. Вы. Правда, сами фотографироваться не хотели. Но я все-таки пару кадров поймала, вы же не против?

Телефон выпал из моих рук. Но я туту же подняла его, не заботясь посмотреть есть ли какие то царапины. Главное, что работает. Ведь я действительно не любила фотографироваться.

— Ваш муж забрал фотографии. Но я могу скинуть повторно вам их.

Я положила трубку. Как вообще такое возможно? Меня нервная колотила дрожь. Моя дочь жива. Моя маленькая малышка. Хотелось скорее взглянуть на нее на снимках, но лучше в живую взять на руки. Но где она? И почему? Я не помню ее? Так е бывает. Ни одна мать не забудет своего ребенка. Надо звонить Кириллу, только он сможет ответить на мои вопросы. Но как не старалась вспомнить его номер я не могла. Нужно лететь в Сочи. Я зашла в интернет и забронировала билет на самый ближайший рейс. И плевать, сколько это стоит, деньги сейчас не важны. У меня два часа до самолета. Нужно было собираться. Я достала чемодан, начала, как попало закидывать в него одежду. А сама уже обдумывала, что буду делать в Сочи. Настя наверно приютит, подругу, что поделать, в собственном жилье квартиранты. А там уж главное, поговорить с Кириллом, он точно должен знать, что собственно произошло. Конечно, Кирилл, скорее всего дома у родителей, но ради дочери, я как-нибудь переживу встречу со свекром и свекровью. Правда, не мешало бы еще успеть решить кое-какие дела и здесь.

Для начала нужно хотя бы сказать Марине, оставить ей деньги за оплату аренды квартиры. Некрасиво так ее бросать. Внезапно и без объяснения, особенно после того, как она меня столько поддерживала и помогала. Я потянулась к телефону и услышала шум, доносившийся из прихожей. Скрипнула дверь. Пришла Марина. Отлично, успею еще поговорить и до приезда такси.

— Только что из полиции, — выдохнула она, снимая с себя верхнюю одежду. Марина выглядела уставшей и бледной. Еще бы, ей пришлось самой рассказывать правоохранительным органам о ДТП. Родственникам уже сообщили. Она приехала с молодым человеком, он уже там.

Я даже не знала, что Аня начала с кем-то встречаться. Впрочем, все это было уже не важно.

Марина сняла обувь и перевела взгляд на меня.

— Ты как? Ты чуть не упала в обморок, — тихо спросила она, и наконец, заметила чемодан в моих руках.

— Я улетаю, Марин. Моя дочь жива.

Марина удивленно округлила глаза, уронила дорогую сумку от какого-то известного дизайнера, с которой всегда сдувала пылинки на грязный обувной коврик, но не обратила на это ни малейшего внимания.

— Что? — воскликнула она смотря на меня во все глаза.

— Моя дочь жива, — Было странно произносить эту фразу вслух. Я еще сама не могла в это никак поверить. Моя Аленка жива.

Судя по реакции Марины, она тоже не могла:

— Кажется, впервые за все время нашего знакомства Марина испугана, она словно застыла, лишь смотрела немигающим взглядом.

— Наташ... — жалобно пробормотала она. — Я все понимаю, тебе пришлось нелегко. Но не сходи с ума.

Она бросила на меня умоляющий взгляд, наверно сейчас на ее глазах происходило то, чего она так страшилась. Я лишилась рассудка и одержима лишь одной идеей. Совсем недавно я боялась этого же.

Марина закрывала собой дверь, будто бы боялась, что я сейчас буду прорываться, не смотря ни на что. Кажется, она сейчас ожидала от меня любого безумного поступка.

— У тебя же преждевременные роды были. Я видела выписку своими глазами. Ребенок родился мертвым, Наташ. Он умер еще в животе, ты сама говорила мне. Никакой надежды на чудо не было, — она все еще пыталась призвать к голосу разума.

Я сама видела эту выписку, знала наизусть, каждую строчку каждое слово сухого врачебного текста, но сейчас мне было плевать на это. Одно доказательство против многих. Или может быть, я действительно схожу с ума?

— Я не знаю, как такое могло произойти. Но я уверена, Марин. Я как никогда уверена.

— Но так не бывает, — возразила подруга, не оставляющая надежд достучаться до моего рассудка. — Наташ, жизнь, не книга и не фильм.

-Я звонила фотографу. Фотосессия для малышки была. Девушка даже помнит, что я не люблю фотографироваться. Но поймала несколько совместных кадров. Обещала прислать.

Марина тяжело вздохнула.

Она ошибается Наташ, могла просто перепутать. Подумай сколько через нее проходит людей?! Но и в этот раз Марина не смогла меня пронять. — Давай, мы выпьем чаю, ты успокоишься, и мы поговорим.

— Марин, некогда разговаривать, я опоздаю на самолет.

Каждая секунда промедления казалась мне вечностью.

Подруга села на пуф, подняла сумку, достала из нее пачку влажных салфеток.

— Ты уверена, что это не происки Кирилла? Ты говорила, что он будет тебя искать, чтобы получить развод.

— Кирилл не мог догадаться, что мне придет в голову позвонить фотографу. Кроме фотографа, это подтверждали и другие: гинеколог, Аня.

— Аня? — Марина наморщила лоб. Она явно пыталась вспомнить, что Аня могла такого сказать.

— Как вы. Она спросила, как вы. Она имела в виду меня и мою дочь.

Марина помотала головой, она явно была уверена, что я безнадежна. Я бросила взгляд на настенные часы, мне уже пора выдвигаться.

— Пожелай мне удачи.

— Удачи, — сказала мне Марина, подошла и крепко накрепко обняла, ее черные блестящие волосы касались моего лица. Я слышала как бешено стучало ее сердце.

Внезапно игла проткнула кожу возле того места, где была рука подруги. Боль пронзила спину. Ноги подкосились, и тело обмякло. Я хотела вскрикнуть, но не могла даже пошевелиться. В глазах темнело, последнее, что я успела увидеть, это шприц в руках подруги,

— Ни на секунду нельзя оставить тебя одну, — успела услышать я, перед тем как меня полностью накрыла темнота. Кажется, я все-таки грохнулась на пол.

Олег Иванов, оперуполномоченный уголовного розыска:

6 сентября

Санек, к счастью, выжил. Отделался. можно сказать, легким испугом: несколько порезов, один из которых был на щеке, да ушибов, ничего страшного. Несколько дней он провел на больничном.

Сегодня в обед проставлялся Влад. Поводом послужило, как ни странно, его увольнение. Кажется, таким счастливым я в последний раз видел, когда мы юные и еще зеленые «обмывали» его первые звезды на погонах. Он явно чувствовал себя как дембель в армии, радовался освобождению. Казалось бы, что хорошего в увольнении, но нас с ребятами подобное не удивляло. В нашей профессии есть несколько вариантов завершения службы, и пенсия не это не самый вероятный исход, Однако много шансов, что все может закончиться тюрьмой либо кладбищем, ибо от гроба и казенного дома форма стопроцентной защиты не дает, ты можешь просто оказаться, не в том месте, не в то время. На фоне этого вариант увольнения еще не самый плохой. Наверно, только на нашей работе люди приходят радостные, когда устраниваются, и еще более они выглядят счастливыми, когда с этой работы уходят.

Влад довольно улыбался всем, предвкушая свободу, море времени, и отсутствия дежурств. Заботливый дядюшка уже подготовил ему престижное место, и не пыльную хорошо оплачиваемую работу. Когда я увидел его впервые, то не мог понять, как его занесло на эту работу. Влад был щуплым и тощим как тростинка, казалось бы, дунет ветерок и сдует его совсем, но уже работая вместе, я выяснил смекалка у парня работала. Да и хилым он только казался на внешне.

И пока девочки с другого отдела накрывали на стол, к нам и заглянул Санек. Он хмуро окинул меня взглядом как будто говорил «как же так, Олежа» но ничего не сказал, просто сел подальше от меня. Единственное, что смягчало мою совесть, я действительно сделал все, что мог. Сразу доложил шефу, что не мог до него дозвониться, начальник тут же отправил ребят к нему на помощь. Это и спасло ему жизнь, пусть и испортило операцию, которую он так давно и методично планировал.

В обед я отправился в «курилку» за гаражи, и заметил там Санька в одиночестве. Я уже разворачивался, покурю попозже, но Санек увидел меня и окликнул. Как выяснилось, вопреки моему мнению поговорить он очень желал.

— Что это было Олежа? — повернулся он ко мне и я вновь, увидел, пластырь на его щеки, скрывающий порез.

Именно в этот момент я почувствовал нашу разницу в возрасте и в опыте. Сейчас передо мной был опытный матерый мужик, по сравнению с которым я был зеленым мальчишкой мальчишкой. Человек передо мной имел немалый опыт допросов, он словно инстинктивно чуял ложь, он привык ломать волю, и любой ценой узнавать правду.

— Я забыл позвонить, — промямлил я. Сделал отчаянную и глупую попытку солгать, виновато отвел взгляд.

Разумеется, Санек мне не поверил, и я отлично это понимал.

— Вот только мне не врать.

Санек схватил меня за воротник рубашки, притянул к себе, посмотрел прямо в глаза, и в

этот момент я подумал, что «наша курилка» расположена вне зоны доступа камер.

— Что тебя отвлекло?

— Моей семье угрожали, — тихо прошептал я. — Прямо в тот момент, когда нужно было звонить тебе.

Санек отпустил меня, и я чуть не свалился в кусты, но смог устоять на ногах

— Рассказывай скорее. Слова прозвучали как приказ. Я подчинился.

— Я не знаю, что делать, — я впервые признался об этом вслух. Самое неприятно признание. Но все эти дни я действительно не знал, что делать. Только имитировал бурную деятельность для отчетности. Плюс было полно и других заданий. Но сейчас меня назойливо преследовала так называемая «лучшая» подруга Сериковой, которая всячески интересовалась расследованием. Даже муж пропавшей подобной настойчивости не выказывал. Сегодня Коротова приходила спрашивать меня, делали ли мы запросы в аэропорт. Я ей ничего не сказал. Хотя, разумеется, все было проверено, никаких билетов Наташа не покупала.

Повезло лишь в одном, сообщение, что взлом уже нельзя доказать, Сериков принял на удивление спокойно, не став устраивать никакие скандалы. Это еще больше подтверждало мои подозрения на его счет.

Я рассказал Саньку все, что знал. Оставалось, надеяться, что он придумает что делать.

— Два варианта, либо это Сериков, либо это прослушка.

С этим я был полностью согласен.

— И что предпримем? — Все-таки хорошо, когда ты не один.

— Ничего. По сути, информация, что был взлом, ничего не дает. Мы все равно не знаем, кто это сделал, да и жива ли пропавшая. Пока не имеет никакого смысла рисковать, если не уверен, что реально, хоть чем-то можно помочь. Тем более семьей, — здраво рассудил Санек.

— Остается одно, капать, — ответил, я все равно не зная с какого края подступиться к этому безнадежному делу. Я даже не предполагал, что вскоре все-таки смогу найти зацепку.

16 сентября

Я торопился на планерку, когда мне позвонили. Совсем не подходящий момент. Достал телефон из кармана. И с удивлением увидел, что звонит Сериков. С чего бы это? Я ответил на звонок. И вместо приветствия муж пропавшей решил меня сразу огорошить:

— Мне звонила Наташа.

Судя по голосу и частому дыханию он и сам поражен.

Дверь приоткрылась, и в кабинет на секунду заглянул Серега:

— Олег сейчас опоздаешь.

Я кивнул, но с места не двинулся, сейчас какие-то опоздания меня не волновали.

Я тут же спросил:

— Где вы?

— Еще на работе, — задумчиво ответил Кирилл. — А что?

— Ничего, — ответил я, обдумывая, что если дома у Серикова жучок, то кто-то с таким же успехом мог бы и прослушивать его телефон.

— Вы сможете отследить звонок?

— Встретимся через два часа в дендрарии, — сказал я вместо прямого ответа.

— Да, — услышал я в ответ и положил трубку. Бросил взгляд на настенные часы. Планерка уже шла несколько минут. А значит меня ждет нагоняй от шефа. И скорее всего

дежурство. Однако меня грела мысль, что пропавшая девушка с ребенком жива. Забавно девушка, которую я никогда в своей жизни не видел.

Как и договаривалась, мы с Кириллом встретились у входа в дендрарий через два часа. Он сразу хотел начать разговор, но я жестом попросил его замолчать. И повел в глубь парка. Мы спускались по ступенькам, шли вдоль разнообразных деревьев, небольших искусственных водоемов и водопадов. А здесь было красиво, различные растения всевозможных оттенков, много журчащей воды, блестящей на солнце, разнообразная живность. Было приятно просто пройтись по зеленому травяному ковру, подышать чистым воздухом. Надо бы чаще выбираться сюда с семьей, а не с какими-то подозрительными типами.

Я вел Серикова вглубь парка, больше напоминающего лес, и это, похоже, все больше нервировало его. Уж не думает и он, что я решил его убить и закапать под какой-нибудь елью, или ради оригинальности пальмой. Причиной того, что я вообще выбрал это место, была моя личная паранойя, слишком я боялся слежки или прослушки, поэтому пришлось заставить Серикова оставить телефон в машине. И это, кажется одна из причин заставившего его нервничать. Интересно, может быть мне не одному угрожали?

Дойдя до очередного пруда, на этот раз с черными лебедями, я решил остановиться и сел на лавочку. Сериков присоединился ко мне.

— Рассказывайте.

— Наташа позвонила мне. Когда я спросил где она и где наша дочь, то услышал какой-то незнакомый женский голос. Ей кто-то явно не дал договорить. Может быть похититель.

— Сомневаюсь, отмахнулся я от его версии событий. Он удивленно посмотрел на меня, и я пояснил:

— Она звонила из редакции одной из газет в Новосибирске. Если бы ее похитили, то не стали держать там.

Лицо Кирилла потемнело.

— Но был взлом, вы сами говорили...

— Говорил, — я понизил голос. — И из-за этого мне угрожают.

Я протянул крошечный листочек с адресом местонахождения Наташи вовремя звонка.

— Это серьезные люди, поэтому я не могу вам помочь.

Было что-то странное в этой истории, что я никак не мог понять. Например, если все-таки Наташа попросту сбежала от мужа, то почему тогда ее вещи были выброшены в мусорный бак, и почему кто-то пытался вскрыть дверной замок. Странно совсем странно. Я об этом думал всю дорогу сюда. Если только кто-то не хотел устроить Кириллу «веселую» жизнь. Возможно и сама Наташа хотела отомстить за что-то супругу, она-то вполне понимала какие улики стоит оставить на месте преступления. Но кое-что выбивалось из общей картины. Зачем было угрожать мне? Что-то в этой истории было правдой, а что-то фальсификацией но я решительно не понимал что.

— Ожидаемо, — ответил Кирилл, уже собираясь уйти, но я его задержал.

— Единственно хочу предупредить, действуйте обдуманно. В вашей квартире жучок, поэтому будьте осторожны в высказываниях дома. Не летите самолетом к жене самолетом, и не берите билет на поезд, не стоит раньше времени показывать, что вы тронулись с пути. Езжайте на машине.

— Но это же больше тысячи километров пути.

— Четыре тысячи километров, — уточнил я. — Зато целее будете. Найдете жену, не

бросайтесь к ней сразу, понаблюдайте, и может, поймете, что все-таки происходит.

Когда он ушел я понял, что возможно я совершил ошибку. Действительно было странно что Наташа звонила из редакции. Скорее она все-таки не жертва, а действительно сбежавшая жена, которая решила спрятаться от мужа и попутно насолить. Вот только интуиция мне подсказывала, что Сериков так торопится к жене вовсе не из любовной страсти. А вполне из более приземленных, и низких побуждений. Я тихо выматерился. В конце концов, я сделал все, что мог пусть разбираются сами.

Наталья Серикова

Голова раскалывалась, от яркого света я хмурила глаза, пытаюсь рассмотреть обстановку. И почему мне так трудно сосредоточиться на чем-то в глазах двоиться, нет сил даже пошевелиться. Тем не менее, пару знакомых предметов я узнала: красивый туалетный столик из белого дерева, и вазу из оникса на нем. Но я делала в комнате Марины? Привязанная с помощью простыней к спинке ее кованой кровати. И почему так хочется пить, в горле пересохло настолько, что я готова у была убить любого за глоток воды. Все энапоминало кошмар, какой-то дурацкий и совсем неправильный сон, из тех, что мне подкидывало мое подсознание. Нужно подождать, и я вот вот проснусь, и мир вновь станет нормальным. Но я почему-то не просыпалась.

В комнате появилась Марина, волосы цвета вороньего крыла собраны в хвост, а вся она олицетворяла собой собранность и сосредоточенность. В руках у нее штатив с капельницей, которую она поставила возле меня, кончик иголки, подсоединенной к катетеру, блестит на свету, сквозь медицинские перчатки на ногтях виден алый лак.

— Что ты собираешься со мною делать? — попыталась крикнуть, но вместо этого с губ сорвался лишь жалкий шепот.

Но Марина услышала, криво усмехнулась и зависла надо мной с иголкой в руках. Она смотрела на меня, как на пустое место, как на лягушку, которую ей поручили препарировать на уроке биологии.

— Тоже, что уже делала, Наташ. — Ее голос звучал спокойно, совсем равнодушно, в нем не было никаких эмоций. Лишь какая-то непонятная усталость.

А я все еще пытаюсь, понять, что происходит. Это всего лишь бессмысленный кошмар, и я скоро проснусь. Должна проснуться.

Марина протерла руку с внутренней стороны локтя, взяла меня за запястье и уже хотела воткнуть иглу в руку, но я сделала бессмысленную попытку оттолкнуть ее.

— Посговорчивее, Наташ. Не хотелось бы портить твое хорошенькое личико. Мне же потом следы замазывать. Да еще и причину выдумывать, — сказала, она и крепко схватила мою руку, и приготовилась делать укол. Спротивляться было бесполезно. Да и что я могла сделать, связанная по рукам и ногам?! Я закрыла глаза. Даже в такой ситуации я не смогла смотреть на то, как иголка протыкает кожу. Старый глупый страх боязни уколов. Боль в руке, казалась на удивление реальной.

— Догадливая, ты девочка, Наташ, жаль, что не там, где надо, — произнесла Марина, когда я открыла глаза.

И эти слова заставили меня вспомнить. Перед глазами пронеслись картины, о разговоре с фотографом, о том, как я уже бронировала билеты, ждала, когда мне пришлют фотографии. Но самое главное, это как подруга, обнимая, вонзила мне нож в спину, точнее шприц.

— Ты... — прошипела я.

— Хорошая подруга, не так ли? — она явно была довольна моей реакцией. — Всякая мечтает иметь такую, и покрасит, и прическу сделает, и утешит. Поверь, я очень старалась.

Но мне было не до нее. Кое-что было важнее всего, то, что вопреки всему оказалось правдой:

— Мой ребенок. Моя малышка, — слезы потекли из глаз. Но человеку, стоящему рядом

со мной было все равно, ей, по сути, всегда было все равно, просто я об этом не догадывалась. Не смотрела сквозь фальшивую маску заботы, впрочем, я и не желала смотреть. Слишком хотелось, чтобы в коем-таки веки меня поддержали.

— Жива, — холодно произнесла та, которую я считала своей настоящей подругой. — Вот только тебе ее никогда не увидеть. Ты сама виновата в этом. Как и в другом. В смерти своей лучшей подруге. Ты не сказала, что она может отправиться сюда. Пришлось как-то реагировать на ее появление.

Я чувствовала, как жидкость из капельницы уже струится по венам. Сердце бешено колотилось, тело покрылось жаром. Меня стало колотить. Марина достала с полки заранее приготовленный шприц.

— Зачем? — это единственное что я могла вымолвить. Но сколько всего было в этом слове.

— Затем, Наташа, что сейчас ты «мышка», которой никак нельзя вспоминать. — Марина поправила несколько прядок волос. — От этого зависит мое будущее, впрочем, и твое тоже. Хотя и в этот раз ты не вспомнила, ты догадалась.

Хотелось кричать, хотелось биться в истерике, но я не могла и слова вымолвить, тело, словно парализовало, я продолжала неподвижно лежать и молчать, словно кукла, словно сломанная игрушка. Беспомощная и беззащитная и полностью зависимая, от этой женщины, которую как я думала, я знала, и которой доверяла.

— Потерпи, процедура не из приятных, знаю, скоро способность говорить вернется, — заботливо улыбнулась Марина, наблюдая за моей агонией и вялой попыткой вымолвить хоть слово.

По щекам капали слезы. Я была так близко, но потерпела неудачу. «Подруга» даже соизволила взять платочек и аккуратно вытерла их с лица. — Ничего, зато послушаешь, как мне надоело нянчиться с тобой в этом городе. Хотя чего не сделаешь ради любви.

Марина, покрутила колесико на катетере и сверилась с часами.

-. А потом тебе возможность представиться выговориться. Расскажешь мне, как догадалась про ребенка. Прм девичник како-то получается, правда?

Как мне в этот момент хотелось врезать по ее самодовольной роже. Но все что я могла это лишь спредставлять, как мои пальцы сжимаются на ее шее..

— Ты меня ненавидишь, не так ли?! Я могла бы сделать хуже. Например, ты бы сама бросила своего миллиардера? Вот бы он удивился. Но не буду, Наташ. Должно ж в твоей жизни быть что-то хорошее. В конце концов, у тебя могут быть и другие дети. К тому же я не такой профессионал, я лишь подтираю чужи недоработки.

Марина вытерла капельки пота с моего лба. Села рядом на стул.

— А потом ты забудешь, Наташ, ты всегда забываешь. Считай, что делаю тебе услугу. Вспомнишь, и тебя тут же убьют.

24 сентября

Я вновь стояла на перекрестке рядом с торговым центром. Неоновыми огнями мигала вывеска «Галерея-Новосибирск», радостно махала еще живая Аня, спешившаяся на всех парах ко мне. В руках пакеты. Ее пальто еще чистое, сверкает белизной, ни следа крови и пыли. Она торопилась ко мне, совсем не замечая грозящую ей опасность. Я закричала. Подруга лишь успела повернуть голову, увидеть мчащуюся на нее машину, за секунду, до того как она сбивает ее. Аню подбросило в воздух как тряпичную куклу. Многочисленные пакеты разлетись по сторонам, как будто сработавшая новогодняя хлопушка. Кувырок и ее

протащило по капоту, через секунду она упала на асфальт.

Я бегу к ней. Она что-то пытается сказать, харкает кровью, смотрит на меня умоляющим взглядом. И все повторялось вновь. Я снова стояла на перекрестке и ждала радостную подругу. А на нее вновь неслась черная иномарка с затемнёнными стеклами. Чтобы я ни делала, чтобы не пыталась предпринимать, этому кошмару не было конца. Аня все время умирала у меня на руках, и это начиналось снова. Настоящая пытка. Мне казалось, что я обречена смотреть на смерть подруги до скончания веков.

Я проснулась от того, что меня кто-то дергал за плечо. Меня разбудила Марина. И я как никогда была ей за это благодарна. Подруга была бледна, и встревожено смотрела на меня:

— Прости, что разбудила. Но ты очень долго спишь, еще со вчерашнего вечера.

Еще сонная я глянула на стоящий, на тумбочки будильник, было уже четыре часа дня.

— Ты как вообще? Ты есть будешь? Я заказала пиццу.

Сегодня была очередь Марины готовить, и как обычно подруга считала, что не к чему тратить драгоценное время на возню у плиты, поэтому в этот день она заказывала еду на дом, обычно это были суши или ролы, подруга была блюстительницей фигуры, и мучного старалась не есть. Похоже, пицца, это ее попытка меня приободрить.

Я села на кровать, натянула одеяло, пытаясь вспомнить, чем же вчера закончился день. Кажется, я так и не дождалась Марины из полиции.

— Его найдут? — Это был единственный вопрос, который меня интересовал. Мою подругу убили. Человек, несшийся на нее, на всей скорости даже не сделал попытку затормозить. Он даже не остановился узнать, что случилось со сбитой им девушкой, а постарался скорее сбежать с места происшествия. И мне было плевать, был он в алкогольном состоянии или в каком-нибудь другом, он убийца.

— Не знаю, Наташ. — пожалала подруга плечами. — Они обещали попытаться. Но все случилось так быстро, я не успела запомнить номер.

Я положила голову на колени. Я не могла избавиться от томящего сердце чувства вины.

— Родственникам уже сообщили.

Марина положила руку на плечо.

— Наташ, это может с каждым случится. Никто не застрахован от того, чтобы наткнуться на пьяного автомобилиста. Так бывает.

Я молча кивнула.

«Так бывает»-сказал мне врач, после фразы о том, что у моего ребенка остановилось сердце. Фраза, которая должна вызывать смирение и принятие. Вот только я слишком часто слышала ее в своей жизни. Она превратилась для меня в пустую, ничего не значащую формальность.

Почувствовав, что у меня нет желания говорить, Марина вышла из комнаты, перед этим она обронила:

— Жду тебя на кухне. Тебе надо поесть.

Я встала, прошлась босиком по холодному полу, подошла к окну. За окном ничего не изменилось. Мир был прежним. Город продолжал жить и заниматься своими делами. По дороге на всех порах носились машины, туда-сюда сновали люди. И никому не было дела, что моя подруга умерла. Жизнь продолжала идти своим чередом.

А где-то там по городу разъезжает черная иномарка, за рулем которой убийца моей подруги. Интересно помнит ли он о девушке в белом, которую он сбил? Снится ли она ему также как мне? Думает ли он о том, что его будут искать? А ведь я его найду, точнее не я

сама.

Я знала одного человека, который может найти что годно и кого угодно, правда, если при наличии желания. Чем мне собственно и предстоит заняться. Я взяла в руки телефон и набрала номер Вадима, обычно я никогда не звонила ему сама. Послышались томительные гудки ожидания. И наконец, он взял трубку, явно удивленный моим звонком.

— Наташ, — я услышала его приятный бархатный голос и произнесла всего лишь три слова:

— Ты мне нужен, — полу просьба-полумольба.

Я никогда не осмеливалась до этого момента сказать ничего подобного вслух, даже то, что он мне нравился.

— Я отправлю за тобой машину. — сказал он, больше не о чем не спрашивая. Казалось, что после этого ему уже ничего не важно.

А на кухне меня ждала Марина уже с остывшей пиццей. Есть мне не хотелось. Подруга сделала мне чай. Я цедила его из кружки, уставившись в одну точку. Марина продолжала бросать на меня встревоженные взгляды, но молчала. А я отлично знала, о чем она хотела сказать. Марина хотела спросить насколько, мы были дружны с Аней. Последний наш разговор с ней получился довольно-таки прохладным, со стороны даже казалось странно, что я так реагирую на ее смерть. Почему-то только сейчас я поняла, что вся моя обида на Аню, была лишь детской глупостью, капризом маленького обиженного ребенка, мы столько лет дружили.

Марина что-то произнесла, но я не расслышала, продолжала смотреть только в одну точку. Мне до сих пор было странно понимать, что Ани больше нет.

— Наташ, ты меня слышала? — лицо Марины становится все тревожнее и тревожнее. — Ты сможешь завтра показать мне как борщ и котлеты с картофельным пюре? И торт, ты говорила, умеешь — перечисляя Марина загибала пальцы. — Салатик этот не помню, как называется. Может готовка тебя отвлечет.

Женя, жених Марины приедет только в понедельник. Но все мысли девушки заняты его приездом. Господи, как же она была влюблена. Моя подруга, твердившая о гордости, том, что нужно знать себе цену, и что не стоит растворяться в мужчине, мечтавшая сделать карьеру, человек с двумя образованиями, была готова целыми днями стоять у плиты, и наглаживать ему рубашки исполнять малейшие капризы. Вот что делает с людьми любовь. Впрочем, разве я не вела себя в когда-то также, отказавшись ради Кирилла от общения в Интернете, стала ездить на охоту, есть роли и даже честно пыталась вникать в политику. Благо повезло, что футбол супруг не смотрел.

Я послушно кивнула, ловля себя на мысли, что считаю минуты до приезда машины. Так хотелось скорее оказаться вместе с Вадимом, и не только для того, чтобы найти преступника. Почувствовать прикосновение его рук, ощутить тепло его кожи, очутиться в его объятиях. Меня тянуло к нему. Так странно для себя понять, что в такой ситуации мне хочется быть рядом с мужчиной, которого я видела несколько раз. Сумасшедшая у меня жизнь. Хотя с учетом того, что я сама решила уехать оттуда, где были те, кто мог меня поддержать, ничего удивительного в этом не было. Марина сделала попытку еще одну бесполезную попытку поговорить об Ане, но быстро сникла, не увидев никакой реакции.

Получив сообщение, что машина подъехала, я тут же вскочила на ноги и отправилась в прихожую одеваться:

— Ты куда? — Марина явно была удивлена, что я куда-то собралась.

— К Вадиму, — коротко ответила я.

Краем глаза я увидела, как Марина покачала головой. У меня подруга умерла, а я еду к какому-то мужику. Вот только сейчас мне было все равно, что обо мне подумают.

Возле дома меня ждал личный водитель Вадима. На улице уже стемнело. Мы неслись по городу, мимо проносились огни ночного Новосибирска, подъезжали к частному сектору, где и находился особняк Вадима. Дома меня встретила полноватая женщина в форме. Домработница Вадима. Окинула удивленным слегка озадаченным взглядом. Ну да волосы немного взъерошены. Одета в простые джинсы и рубашку. Неужели к хозяину дома все только в парадных вечерних платьях приходят и в полном марафете?! Не проронив ни единого слова, она провела в комнату, где меня ждал Вадим, правда не прекращая при этом разглядывать. Постучавшись, я тут же вошла, и закрыла за собой дверь, не хотела, чтобы кто-то нас видел и слышал.

Вадим с кем то говорил, стоя у камина. Было необычно его в видеть в синей футболке и простых черных джинсах. Наверно, я привыкла видеть его постоянно в деловых костюмах, даже не представляла его в чем-то другом. Но у себя дома люди предпочитают то, что им удобно. Увидев меня, он тут же обещал позвонить собеседнику позднее и положил телефон на журнальный столик.

— Что случилось, Наташ?

Вместо нормально ответа я бросилась к нему в объятия. Он крепко прижал меня к себе. Почему-то именно сейчас мне хотелось разрыдаться. Просто повиснуть на плече, и рыдать. Может быть, я просто устала быть сильной? Может быть, потому что рядом с ним ощущала себя в безопасности. Даже его запах, терпкий с ароматом виски горьким привкусом сигаретного дыма, действовала на меня успокаивающе. Вадим погладил меня по голове, сел на диван и посадил меня к себе на колени:

— Что случилось? — повторил он.

— Моя подруга... — произнесла я сквозь всхлипывания.

— Тише, тише, все будет хорошо, — Вадим продолжал гладить меня по волосам.

— Уже не будет. Мою подругу убили, — дрожащим голосом произнесла я. — Вчера ее сбила машина.

В его объятия было так тепло и спокойно. Так не хотелось их покидать. Но сейчас мне было важно видеть лицо Вадима, потому, что сейчас я хотела сделать то, чего не делала никогда. То чего старалась никогда не делать.

— Вадим, я хочу тебя попросить, — начала я, собравшись с духом.

— Проси. Для тебя любой каприз, любое желание.

— Я хочу, чтобы человек, убивший ее, умер, — произнесла я, опустив взгляд. Смотреть ему в глаза было невыносимо сложно в этот момент.

Я отчаянно пыталась не думать, как он будет относиться ко мне после такой просьбы. Он называвший меня светлым хорошим человеком, человеком которым, похоже, я больше не являлась, которым я уже не хотела быть. Человека, сбившего больше десяти лет назад моего отца, так и не нашли. Но в этот раз я готова была на многое, чтобы найти убийцу Ани.

Я ждала отвращения, ждала удивления, каких то вопросов. Но я не ждала такого.

— Хорошо, — равнодушно бросил Вадим, как будто я попросила его, а каком-то ничего не значащей мелочи. Так просто и легко. Не было никаких споров, уговоров. Мужчина рядом с со мной продолжал излучать спокойствие.

— Хочешь даже увидишь, как его убьют. Даже сможешь выбрать, как именно он будет

мучиться, — произнес он спокойно, как будто мы обсуждали одно из блюд в ресторанном меню. — Хотя ни к чему, это тебе видеть вживую. — Он погладил меня по щеке. — Хрупким девушкам подобное ни к чему. Достаточно будет записи?

Я пораженно уставилась на него, как будто увидев впервые. Он так спокойно об этом рассуждал, будто я попросила новое платье купить. Такого человека как он нужно бояться, говорила мне разум, от такого человека, нужно бежать.

— Что-нибудь еще, Наташ? — требовательно спросил он, и коснулся губами руки. — Ты вся дрожишь.

Кожа покрылась мурашками. Дышать становилось все труднее. Я смотрела, как полыхают языки пламени в камине, отвернувшись от Вадима.

— Просто...

— Просто убийцы должны получать по заслугам. Я с тобой здесь согласен.

А может быть такого человека стоит уважать, говорили мне чувства.

— Ты была привязана к подруге.

— Я знала ее всю жизнь, — устало выдохнула я. Слов больше не было, не было больше и слез. Хотелось просто находиться в объятиях Вадима, слушать его размеренное дыхание, чувствовать, как и ни о чем не думать, просто смотреть на огонь в камине. Я не заметила, как уснула.

Наверно, не так Вадим представлял нашу первую совместно проведенную ночь. Мы заснули вместе на диване у камина. Точнее заснула я, прямо в одежде, а он просто решил не бросать меня одну. И за это я была ему благодарна, хотя и чувствовала себя виноватой. Все-таки я не имела никакого права вот так приезжать к нему домой, просить о чем-то криминальном, так еще и провести в рыданиях весь вечер, и, обессилив уснуть на нем же. При этом Вадим мне и слова не сказал.

Сегодня он планировал заняться подготовкой к долгожданному приезду сына, отправиться по магазинам за покупками. Естественно в качестве хоть какого-то извинения я согласилась помочь ему с покупкой одежды. Какой-то небольшой опыт у меня в этом был. Несколько раз покупала костюмчики на подарок сыну подруги, и о детской размерной сетки я имела какое-то представление. А Вадим, плавающий как акула в вопросах бизнеса, как выяснилось после моих первых вопросов был полным профаном в этом деле, и пополнять знания в этом деле не собирался. Вес и рост своего ребенка он не знал, и что меня удивило, узнавать после моей просьбы звонить бывшей жене он не торопился.

— Возьмем побольше вещей, что-нибудь подойдет, — с какой-то показной легкостью, и легкой улыбкой на устах отмахнулся он. А я задумалась. Может быть, он не хочет звонить при мне? Или все проще, я внимательно смотрела на него. Несмотря на улыбку, взгляд хмурый, дело не во мне?

— А если так скупили полмагазина?

— Вряд ли я разорюсь на детских вещах, — хмыкнул он.

Я покачала головой:

— Ты еще цен не видел.

Он лишь равнодушно пожал плечами. Это я сейчас стояла здесь в предвкушении замечательного времяпрепровождения. А где-то там, девушка по имени Ольга, его бывшая жена готовится к расставанию с полугодовалым сыном. Свою битву за право его вырастить она проиграла. И какой бы она бы не была плохой женой вряд ли ей так просто отдать своего ребенка. Не зря же она пыталась сбежать. Поэтому Вадим и не хочет ей звонить? Ни к чему

напоминать о своей победе уже проигравшей женщине, ни к чему унижать лишний раз ту, которую когда-то любил. Что может быть какая-то пара тысяч по сравнению с горем матери, которой предстоит лишиться единственного сына.

Перед поездкой Вадим предложил позавтракать. Я тут же согласилась. Я даже не могла вспомнить, когда последний раз ела.

На стол подавала еду та же домработница: блинчики со сгущенкой и омлет. Несмотря на голод, мне и кусок в горло не лез. И дело было не только в том, что для меня было непривычно наличие у Вадима прислуги. Алла, как ее назвал хозяин дома, продолжала внимательно на меня смотреть, будто я какой-то экзотический зверек в зоопарке. Что она мое умение есть с помощью ножа и вилки проверяет? Вадим не обращал на это внимание, он был весь занят просмотром новостей и собственно поглощением завтрака.

Когда Вадим отправился переодеваться, я осталась ждать его в гостиной. Увы, вчера в мою голову не пришла мысль предположить, что я могу заночевать у Вадима, и взять сменную одежду я не догадалась.

Алла неподалеку вытирала пыль со стоящей на полу огромной напольной вазы. Поскольку хозяина дома рядом не было, я решила воспользоваться моментом, и все-таки выяснить у нее причину такого повышенного внимания. Тем более, судя по поведению Вадима, этот дом я посещаю явно не последний раз.

— Вы так странно смотрите на меня, — сказала я, подойдя к женщине.

Фраза прозвучала нелепо, но я никак не могла придумать, как иначе можно было начать разговор.

Женщина тут же приостановила свое занятие, рука с тряпкой зависла в воздухе, так и не коснувшись вазы.

— Извините, хозяин не так часто приводит в дом девушек. Вы первая за все время.

Я кивнула и расслабленно отправилась к дивану ждать Вадима. Все-таки приятно такое услышать.

Но успела я сесть на место, как услышала от Аллы менее приятную фразу:

— Вы чем-то похожи на Ольгу, — произнесла женщина и тут же скрылась на кухне, явно чувствуя что сказала лишнее. Болтливая прислуга долго на одном месте не работает.

Я поморщилась, желания быть похожей на Ольгу у меня ни какого не было. Не самые лучшие воспоминания у Вадима об этой женщине. В детской я видела ее фотографию. Мы были лишь похоже цветом волос и глаз. Скорее всего, поэтому, там, в баре Вадим обратил внимание именно на меня, ему явно нравился такой типаж.

Он спустился, мы вышли на улицу, сели в машину и отправились в торговый центр. Охранник а следовал за нами, как пес за своим хозяином, не сводя со своего подзащитного глаз. Поначалу это меня несколько выводило из колеи. Но увидев, вывеску первого детского магазина я и думать об этом забыла. Столько красивых вещей: комбинезонов, пижам. Ползунков. И кофточек, с различными дизайнами: глаза разбегались. Вешалки пестрили всеми цветами радуги, и всевозможными вариациями и оттенками. Главное, не смотреть на другую сторону магазина, где висела одежда для девочек, манящая нежными цветами. Когда-то в другой жизни, еще до переезда сюда, я с умилением поглядывала на одежду для новорожденных. Даже что-то успела прикупить для роддома, и на первое время. Кирилл еще все время шутил, что я слишком тороплюсь, что он вполне сможет все купить к выписке.

«Я же говорил, что ты явно поторопилась с покупкой ребенку одежды» — в голове прозвучал такой знакомый и родной голос мужа.

«Кто же знал, что дети так быстро растут, — услышала я со стороны с вой голос.

«И почему опять розовое? Других цветов что ли нет? — ворчал Кирилл, кажется, наша принцесса проснулась Долго копались».

Из моих рук на гранитовую плитку выпала маленькая детская кофточка, вместе с вешалкой, но я не обратила на это внимания. Лишь испуганно смотрела на застывшего рядом Вадима. Кажется, его глаза тоже полны страхом и не зря.

— Все нормально, Наташ? Ты вся побелела.

Я лишь кивнула. Меня била дрожь. Только что услышанные голоса казались такими реальными. А по сути, были голосами из снов. Похоже, случилось то, чего я так боялась, я начала сходить с ума, вот только сейчас, когда Вадим внимательно смотрел на меня, не самое лучшее время развивать эту мысль.

— Наташ, может быть, это было не самой лучшей идеей. Может...

Но я не дала Вадиму договорить:

— Просто голова закружилась. Плохо позавтракала.

— Может, сходим в какое-нибудь кафе, перекусишь? — обеспокоенно спросил он.

— Попозже отмахнулась я, сейчас мне нужно было чем-нибудь отвлечься, пусть это и будет выбор вещей для ребенка Вадима, все лишь бы не думать о том, что мне всего лишь померещилось.

По началу, я честно пыталась разобраться с размером, смутно припоминая слова Насти по поводу покупок одежды своем у сыну. Во время беременности она мне целые лекции зачитывала, что нельзя много покупать одного размера младенцу, малыши растут быстро. Так нужно взять обязательно с машинками, и с мишками, и комбинезон в полоску я тоже хочу. А у этой кофточки на капюшоне ушки, надо брать. Под конец даже Вадим с интересом выбирал вещи. Количество выбранных вещей достигло такого предела, что пришлось несколько раз относить их на кассу. В итоге Вадим был вместе с о своим подчиненным загружены пакетами. Я же направилась в магазин игрушек в поисках кое-чего конкретного, плюшевого мишку, который рассказывает сказки. В свое время я очень хотела купить подобного дочери. Но, увы, не сложилось.

Игрушку я нашла довольно быстро, к радости Вадима увешанного покупками, который не понимал, зачем собственно мы сюда забрели. На кассе, он привычным жестом передал мне банковскую карту, но я лишь покачала головой и достала свою.

— Это подарок.

Поскольку позавтракать нормально не получилось, я предложила Вадиму заглянуть в кафе. Желудок упрямо напоминал хозяйке о том, что есть иногда все-таки нужно, если та не хочет заработать гастрит.

И с удовольствием напала на салат цезарь, пока Вадим задумчиво потягивал кофе.

— Оказывается, шоппинг, это не так уж страшно, сказал он, активно орудуя ножом. Вадим, как и большинство мужчин, был любителем мяса, и заказал себе отбивную.

— Страшно, будет, когда ребенок, подрастет, — сказала я, накалывая на вилку очередной лист салата и кусочек курицы. Официант, принесший нам еду, сновал туда-сюда с подносами. Почти все столики в кафе были заняты, выходной день, все спешили за покупками.

— Не переживай, — спокойно ответил тот. — Если не подойдет, сдадут. Обычно у меня закупками специально обученный человек занимается. Интересный опыт, кстати.

Я удивленно посмотрела на него. Значит, мы тут столько времени потратили, я

искренне хотела помочь ему. А для него это всего лишь интересный опыт. Что он собственно хотел этим проверить? Я уже приготовилась выдать Вадиму гневную тираду, о том, что я думаю о некоторых типах, но Вадим тут же поспешил сменить тему, явно предчувствуя бурю:

— Какие планы на у нас на вечер? — спросил он.

— У нас не знаю, — сказала я, смотря на часы и пододвигая к себе вазочку с мороженым. Мороженное всегда было моим любимым лакомством. Холодная сладость таяла во рту. Я зачерпнула ложку и отправила ее в рот. — А вот у меня подругу учить готовить.

Уже была четыре часа дня. И если я не потороплюсь, Марина точно меня убьет. Причем особо жестоким способом. Возможно, она сейчас и роется в интернета в поисках чего-нибудь изощренного, пока я мороженым наслаждаюсь.

— Готовить? — удивился Вадим, отложив вилку.

— К ней жених завтра приезжает вечером. Она хочет приготовить праздничный ужин.

— Пригласишь меня?

Когда он смотрит на меня таким взглядом, ему невозможно отказать.

— Хорошо, но это скромный домашний ужин. — сказала я отложив ложку.

Я уже думала, что пора попросить счет, как Вадим спросил:

— Наташ, ты подумала над моим предложением? Будешь моей помощницей?

Он снова смотрел мне прямо в глаза.

— Нет, Вадим.

— Ну ладно, хотя бы ужин, — пожал плечами он. Нет, он не сдался, такие, как он сдаваться не умеют, он просто решил отложить свою победу на более позднее время. Он что-то еще хотел сказать, но ему позвонили.

Вадим взял трубку, он почти ничего не говорил, лишь внимательно слушал и кивал. Только лицо все больше мрачнело в ходе разговора, наконец-то он отложил телефон.

— Прости, Наташ. Ничего не удастся узнать на счет твоего дела. Машина, на которой сбили ее, была угнана, а сегодня найдена брошенной и обгоревшей. Но в одном я думаю, ты была права. Скорее всего, это было запланированное убийство.

Я растерянно смотрела на него.

Вадим нахмурился и продолжил:

— Ты уверена, что у твоей подруги не было врагов? Просто так организаторов праздников не убивают. Должна быть причина.

Я перебирала в памяти хоть что-то, что могло бы послужить поводом для подобного. Но ничего не могла найти. Аня всегда умело находила контакты с клиентами, даже в школе с одноклассниками у нее никогда конфликтов не было. Я точно знала, мы всегда были рядом, иногда нас могли даже перепутать, мы были лучшими подругами. Я знала о ней все. Никто не мог ей желать смерти.

Смерть... Перед глазами всплыла картина: умирающая девушка со светлыми волосами, лежащая на сером грязном асфальте. А в темноте так легко перепутать. Даже пальто в тот день на мне было похожее на то, что было на Ане.

Дрожащим голосом я произнесла свое предположение вслух.

— А что если убить хотели меня?

Это казалось бредом, казалось бы кому я нужна?!

— Кто? — Вадим отнесся к этому крайне серьезно.

Я молчала. Но Вадим догадался и сам.

— Наташа, есть что-то, что ты мне не рассказывала о вашем с Кириллом расставании?

Я кивнула. Говорить об этом не хотелось. Никому не хочется говорить о том, из-за чего о нем могут плохо подумать.

— И что же? — Вадим настаивал на своем.

— Кирилл мне изменил. — сказала я, опустив взгляд. Не самое красивое завершение нашего романа, будем честны. Не самое ужасное. Бывает хуже. Например, с летальным исходом.

— А ты? — Вадима было не сбить с пути.

— А я собрала его вещи и отвезла подруге. И поменяла замки в своей квартире.

— И это его повод мстить?

Я помотала головой. Мелкая месть явно не причина для подобного. Кириллу нужен развод. Нужно, чтобы я отказалась от прав на его фирму. Мог ли он собраться решить эту проблему таким радикальным способом, человек, который когда-то любил меня, который пошел против родителей, ради того, чтобы быть вместе со мной? Я не знала ответа, и честно говоря, не хотела знать его знать.

— Не хочешь пока пожить у меня? — предложил Вадим, не готовый спускать даже мнимую опасность на тормозах.

— Боюсь, если не появлюсь дома через полчаса, меня убьет не Кирилл, а Марина. Отказалась я от его предложения.

Эта достанет, где угодно, если я испорчу им Женей долгожданную встречу.

26 сентября

С праздничным ужином пришлось возиться до поздней ночи. Времени на то, чтобы учить Марину готовить не оставалось. Ее задачей было лишь бегать за продуктами по магазинам, и что-то по мелочи нарезать. С остальным пришлось возиться самой. Я, конечно, сказала Вадиму, что это обычный домашний ужин, но удивить его чем-нибудь необычным мне хотелось, например, собственноручно испеченным тортом.

Первые рассветные солнечные лучи я встретила, держа в руках кондитерский шприц, орудуя которым покрывала торт кремовыми розочками.

На сон оставалось не больше двух часов. Зато я вроде бы успела все приготовить.

Казалось, только голова коснулась подушки, как уже пришло время вставать и собираться на работу. Чувствовала я себя, как свежеевыкопанный зомби. Все еще, пытаясь разлепить сонные глаза, я обнаружила на кухне Марину, изучающие содержимое нашего холодильника.

— Наташ, я конечно, рада, что ты так высоко ценишь нашу дружбу, но не надо было настолько заморачиваться. По крайней мере, торт можно было в магазине испечь.

Оторвав взгляд от холодильника, Марина перевела его на меня. И судя по ее выражению лица, выглядела я также как и чувствовала: паршиво.

— К нам сегодня приедет Вадим.

— Тогда понятно, — нахмурилась подруга. Упоминание Вадима всегда вызывала у нее такую реакцию. Не нравился он ей. — Наташ, открою тебе небольшую тайну, Вадим не поесть придет, а именно к тебе. Не стоило настолько стараться, — сказала она, пока я старательно заливала в себя холодный кофе, смешанный с кока-колой. Старый студенческий способ, чтобы как-то высидеть пары после ночи в клубе. Только теперь мне предстояло провести этот день, активно работая, разгребая документы.

Перед работой Марина милостиво согласилась, замазать мои синяки под глазами, и насколько можно скрыть последствия бессонной ночи. Подруга лишь хмыкнула, как она может отказать своей любимой модели.

К концу рабочего дня меня начало уже тошнить от одного запаха кофе, но главное я продержалась Марина отправилась в аэропорт встречать любимого, я же накрывать на стол.

Женя оказался не таким как я предполагала, вместо седого профессора в круглых очках, облаченного в белый халат передо мною предстал парень лет тридцати пяти, достаточно щуплый на вид, с кудрявыми торчащими волосами, чем то напоминающими одуванчик, одетый в обычные рубашку и джинсы. Не таким я его представляла, совсем не таким.

— Марина рассказывала, что вы молодой ученный. — не смогла удержаться и выделила слово молодой. Слишком моложаво он выглядел для подобного статуса.

— Да, — коротко ответил он, почему-то выразительно окинув взглядом невесту. Марина лишь пожалала плечами. Конечно, она гордилась своим женихом.

Узнав, что я из Сочи, Женя активно начал меня расспрашивать о городе и о моей жизни там, он собирался туда на конференцию., В середине активных вопросов я услышала звон дверной звонка, и отправилась встречать Вадима. Тот заявился с огромным букетом цветов.

С Женей они обменялись рукопожатиями, и мы сели за стол. И естественно не обошлось без мужских разговоров. Стоило только мне упомянуть, что Женя ученый, как у Вадима тут же заметила в его глазах интерес:

— И в какой сфере? Нормально ли платит государство?

— Фармацевтика. Государство платит мало, сами понимаете, поэтому на него и не работаю.

— И как совмещается наука и бизнес?

— Вполне неплохо. Мне ставят задачу. А я ее выполняю. Мне дают возможности ее выполнять, свобода творчества так сказать.

— Свобода творчества, эксперименты дорого стоят, — деловито заметил Вадим. — Вопрос в окупаемости

— За прогресс порою приходится платить, — ответил жених Марины отпивая глоток шампанского от бокала.

Вадим на секундочку задумался и поймал мой взгляд.

— Вы бы не хотели как-нибудь об этом побеседовать у меня? — Он явно понял, что я считаю, что они слишком увлеклись делами.

Женя помотал головой.

— Простите, пока у меня эксклюзивный контракт. Сами понимаете, такие условия.

— Я понимаю, — кивнул Вадим.

— Какие у вас планы-то? — спросила я, чтобы разрядить обстановку.

— Завершу проект через месяц, подчищу хвосты и думаю, сможем, наконец, начать готовиться к свадьбе.

Марина тут же выразительно посмотрела на меня. Ну да, конечно, нам осталось жить вместе месяц. А потом мне придется искать новую соседку по квартире.

— А потом как у всех: дети, семейная жизнь? — поинтересовался Вадим.

— А потом попутешествовать. С детьми мы не торопимся. Перед этим нужно столько всего достичь, правда, Марин. Подруга послушно кивнула, продолжая смотреть на Женю влюбленными глазами.

В конце вечера Вадим мне шепнул на ушко:

— Интересные у тебя знакомые.

Похоже. Вадим привык к тому, что ему никто не смел отказывать

— Наташ, тебе не кажется, что одной парочке нужно остаться наедине, — и кивнул взглядом в сторону Марины и Жени.

Уже на улице, когда я села в его машину, перед тем как накрыть мои губы поцелуем, он сказал:

— Вообще-то я имел в виду нас с тобой.

27 сентября

Я лежала в постели и никак не могла уснуть. Все прокручивала в голове сегодняшний день: поездку к Вадиму домой, знакомство с его сыном, очаровательным пухлощеким улыбчивым малышом, которого мне даже позволили подержать, прежде чем няня унесла ребенка, что переодеть ребенка ко сну. Ловкие профессиональные движения, и вертлявый малыш облачен в новый комбинезон. Женщина кладет ребенка в кроватку и начинает качать, поет колыбельную. Идеалистическая картина, но я не могу отделаться от мысли, что в ней есть кое-что неправильное.

За ребенком, у которого есть живая мать ухаживает чужая женщина. Именно она услышит его первые слова, увидит первые шаги. Жена Вадима этого лишена, ей нельзя видаться с сыном. Таково ее наказание, выбранное мужем слишком жестокое на мой взгляд. Ему легко отмахнуться, сказать, что ничего страшного, она еще себе родит. Ему не понять.

Быть может, стоило с ним поговорить, объяснить, что это бесчеловечно, но я промолчала, не стала спорить, проявила малодушие. И дело ведь не в том, что это исключительно дело Вадима и его жены. Просто сейчас я поняла, что могу занять место Ольги. Это не мимолетный роман, ни сиюминутная прихоть богатого мужчины, все серьезно, все более чем серьезно. И возвращение бывшей жены, мне ни к чему. Ведь что способна мать, у которой забрали дитя, чтобы его вернуть? Обворожить бывшего супруга? Избавиться от потенциальной соперницы? На ее месте я бы сделала все. Именно поэтому сегодня я промолчала. Я не готова потерять Вадима.

Я нахмурилась и сильнее запуталась в одеяло. Самое страшное именно в этой мысли. Я не хочу терять этого мужчину, он мне небезразличен, впрочем, такие, как Вадим, не могут вызывать равнодушие. Я привязалась к нему, к человеку, так внезапно ворвавшемуся в мою жизнь, перекроившую все мысли по своим правилам. Я на секунду прикрыла глаза. Все просто, но так не хочется это признавать, я влюбилась. И Вадим это понимал. Перед глазами всплывает последний разговор

— Знаешь, я бы многое отдал, если бы познакомился с тобой иначе, а не в баре, загруженными своими проблемами, — произнес Вадим, стоя ко мне спиной, наблюдая закат через огромное панорамное оно.

— Думаешь, что если бы было иначе ты бы быстрее вскружил мне голову? — я подошла ближе и обняла его за плечи.

— Но ведь вскружил? — спросил Вадим. Я не вижу его лица, но уверена, что его губы расплылись в улыбке.

Я улыбнулась, но ответила:

— А может быть это просто судьба? — вырвалось у меня раньше, чем я успела обдумать.

— Может быть, — сказал Вадим и притянул меня в объятия.

И почему-то мне кажется, что это важнее банальных признаний в любви, стоять вот так

в обнимку и просто смотреть на закат, и знать, что это судьба.

Дни пробегали один за другим, мы все свободное время вместе, мы гуляли, ездили по городу, посещали театры и оперу. Я казалась себе самой счастливой. Но как бывает в такие моменты жизни что-то, должно случиться, то, что разрушит мой сложившийся мир.

После очередного свидания Вадим отвозил меня домой. Мы уже подъехали, и мне нужно было выходить, но я почему-то замешкалась. Так не хотелось покидать уютное сидение его автомобиля, и мужчина рядом со мной это чувствовал, притянул в объятия, и смотря прямо в глаза, спросил:

— Или может быть, останешься у меня?

С легкой улыбкой на губах я отказалась от его предложения. Я не была к этому готова. Мне нужен было время. Чтобы решиться, хотя бы еще день. Переезд к Вадиму слишком серьезный для меня шаг. А мое нежелание возвращаться домой было вызвано женихом Марины. Меня нервировало внимание с его стороны, меня беспокоили обилие вопросов, которое мне он задавал, его взгляд, наблюдающий за мной. Подруга успокаивала меня, что Женя просто не мастер общения, что его способности в другом, порою шикала на своего любимого, но это не помогало мне успокоиться.

Осенний вечер медленно накрывал город. Сжимая в пальцах букет белоснежных роз, я вынырнула из автомобиля Вадима. Помахала ему на прощание, проводила его удаляющую машину взглядом. Ветер трепетал кроны деревьев. Где-то вдалеке громко гавкнула чья-то собака, и это заставило меня поежиться. Внутри нарастало ноющее неприятное чувство. Будто чей-то липкий пронизывающий взгляд сверлил спину. Но рядом никого не было. Глупость небольшая паранойя, вызванная страхом, что что-то должно случиться.

Я услышала звук шагов, скрипнула ветка, и я обернулась. От неожиданности букет выпал из рук в лужу. Белые лепестки измазаны.

Но я не торопилась его поднимать, не отрываясь, смотрела на человека, направляющегося ко мне. Человека из моих кошмаров, которого я так не хотела видеть, и который как я боялась, когда-нибудь найдет меня и не могла произнести не звука тело, как будто парализовало.

Вместо любимой кожаной куртки на нем была старая камуфляжа, обычно выбритое лицо покрыто недельной щетиной. Это уже не тот человек, которого я когда-то любила, и за которого выходила замуж. Он видит мой страх, и его губы растянулись в улыбке, злом самодовольной оскале. Он отлично понимает, что мне не спрятаться, и не сбежать. На этот раз не сбежать. И кричать бесполезно. Рядом с нами никого нет.

— Ну здравствуй моя дорогая жена, — произносит Кирилл, направляя на меня пистолет.

Кирилл Сериков

8 августа

Я стоял в коридоре родильного дома и ожидал, когда, наконец, выйдет жена с ребенком из послеродового отделения, и я впервые возьму дочь на руки. Сегодня Наташу с малышкой выписывали. Собрались наши друзья, чтобы их торжественно встретить. Мой лучший друг заметил мой хмурый взгляд.

— Нервничаешь?

Я кивнул. Разговаривать и что-то ему объяснить мне не хотелось. Я смотрел, как суетились Наташины подруги в ожидании молодой матери, как наизготовку встал фотограф, приготовился снимать. Меня не покидала мысль, что всего этого могло бы не быть. Два месяца назад Наташа чуть не потеряла ребенка. Я до сих пор не могу забыть тот вечер, когда моей беременной жене внезапно стало плохо. Помню, как негнуцимися деревянными пальцами набирал номер скорой, как в ответ слышал лишь, ожидайте, скоро будем. Помню, как плюнув на все сам повез ее в больницу, как мчался, наплевав на все правила дорожного движения, помню бледную в слезах перепуганную жену, которая что-то тихо молилась, как некогда в жизни. В роддоме я был готов всех растерзать всех и каждого кто готов был помешать Наташе получить помощь: долго копающуюся регистраторшу, удивительно спокойную врачуху, которая заявила, мне, что вы так волнуетесь, беременные такие мнительные, и что-то про естественный отбор. Впрочем, последнюю я готов был отвести в сторонку и придушить. Нет я конечно догадывался, что у нас с медициной плохо, но не до такой же степени, чтобы про естественный отбор вещать. Интересно, зачем она с такой логикой в медицинский-то поступила.

Наташу увели на осмотр. А мне пришлось ждать в коридоре. Нет ничего страшнее томительного ожидания, когда все нервы на пределе, и нечем себя занять, и остается лишь расхаживать из стороны в сторону, а в голову лезут уже не самые приятные мысли. Наконец, ко мне подошел врач и объяснил, что моей жене придется остаться в больнице, но самое главное, наш ребенок в порядке, мы приехали вовремя, мы успели.

Двери открылись, открылись и впервые за столько дней я увидел жену, счастливую улыбающуюся, пусть и с немного уставшим взглядом. Рядом с ней шла акушерка, которая и держала нашу малышку, завернутую в кружевное одеяльце, перевязанное бантиком, как подарок. По сути, она и есть самый лучший подарок. Вручил жене цветы, и подошел к акушерке, чтобы взять ребенка. К моему удивлению, это оказалась не так страшно как я предполагал. Друзья подходили ближе посмотреть малышку, поздравить нас. И к моему удивлению я увидел, что среди присутствовавших и своих родителей. Как они узнали?

Для кого-то присутствие родителей на выписке из роддома абсолютна обычная, и даже обязательная вещь. Моих же не было даже на свадьбе. Собственно поэтому я с ними и в ссоре. Родителям не понравилась их будущая невестка. Для них Наташа была бесприданницей, и наличие двухкомнатной квартиры для них роли в этом не играло, масштаб не тот. Не такой они представляли женитьбу собственного сына. Особенно, когда у их деловых партнеров имелась незамужняя дочь, с которой можно заключить гораздо более выгодный брак.

Отец подошел ко мне, похлопал по плечу, что-то сказал, но я не расслышал, слишком

велико было мое удивление. Он вел себя, будто не было этих нескольких лет молчания с их стороны, будто не он говорил мне тогда, что я больше ему не сын.

Но не только я был так ошарашен, но и Наташа, к которой направилась моя мать

Она приобняла ненавистную невестку за плечи, расцеловала в обе щеки, вручила огромный букет роз, вдвое превышающий мой. Я не удержался от того, чтобы покачать головой. Решили покрасоваться. Тем временем родительница уже всюю расспрашивала, все ли купили для малышки, нахваливала красивое личико ребенка, и даже поинтересовалась самочувствием молодой матери. Понятно, знали, что со мной этот трюк не пройдет, решила начать с жены, которая растерялась от такой внезапной заботы. Еще бы, Наташа отлично знала, как на самом деле к ней относится моя семья.

Отец стоял возле меня и интересовался делами, говорил, что слышал об успехах фирмы давал советы. Я смотрел на родителей и недоумевал. Где же вы были, когда так сильно была нужна ваша помощь? В тот момент, когда я не знал, что делать от отчаяния. Я справился, я добился всего сам, но как же тяжело это было.

Хотелось высказать все, что накипело за эти годы. Но хватило одного взгляда на жену, чтобы заставить себя промолчать. Наташа заслужила праздник, и ни к чему его омрачать. Слишком тяжело нам достался ребенок. Высказать все отцу с матерью я могу и один на один.

Вечером дома, уложив ребенка спать, Наташа первой подняла тему моей семьи. От нее не укрылось, что я явно не рад их видеть. Но жена попросила их простить, ведь у нашего ребенка должны быть бабушка и дедушка, сказала она, и я заметил ее грустный взгляд. У самой же Наташи родителей уже не было в живых. Это был долгий и сложный разговор, в котором она аргументировала, что нужно ценить, что они пришли, тем более один раз они нам уже помогли.

Я кивнул. Наташа добрая, она может просить кого угодно и что угодно, я же подобного дара лишен. По крайней мере, потому, что знал больше жены и мне сложно забыть о том, что происходило эти несколько лет. Мне сложно забыть о том, что один раз, когда я попросил помощи, когда были и нужны деньги на операцию для Наташиной матери. Мои родители, как истинные бизнесмены, поставили условия, что только если расстанусь с ней, они дадут необходимые средства. Выход я нашел, но об этом Наташе знать ни к чему. Ни к чему ее разочаровывать, пусть и дальше верит в лучшее в людях. Быть может когда-то именно за это качество я и влюбился в нее.

На следующий день родители приехали к нам домой с пакетами подарков, вещей и игрушек для малышки. Мне очень хотелось начать возмущаться, заявить, что я все сам могу купить и выставить их вон, но Наташа не позволила это сделать. Отправила меня ставить чайник на кухне, гостей же принято напоить чаем. Супруга весь визит родителей вела себя достаточно приветливо, и даже дала поддержать дочь на руках новоявленным бабушке и дедушке.

Перед сном, лежа на кровати, и обнимая ее, я все-таки решил спросить о вопросе, который меня терзал весь день:

— Почему? — И сколько было в этом почему. Почему она простила их? Почему ей гораздо легче это сделать, чем мне, их сыну?

Наташа обернулась, на меня внимательно смотрели ее голубые глаза:

— Потому что у тебя хотя бы есть родители. Потому что мир лучше ссоры.

22 августа, тот самый день

Все-таки, когда мир в семье — это замечательно. Кажется, что все самое плохое позади. Мама проводит у нас все свое свободное время, неустанно любит внучку, говорит, что обязательно нужно подумать о втором, желательно мальчике, для полного так сказать комплекта. Жена всегда дружелюбна к ней, но что-то ее беспокоит. Что-то что мешает ей хотя бы один раз оставить малышку со свекровью, что-то что я никак не мог понять. Но супруга даже с няней ребенка оставить не решилась. Наташа переживала, что кто-то может забрать у нее дочь. Даже ночью иногда просыпается, проверить на месте ли младенец. Странная мысль, похоже, это что-то из послеродового синдрома, надеюсь, что жена скоро придет в норму. Кто-то же должен отправиться делать ребенку документы, мне, к сожалению, некогда, я должен деньги зарабатывать. А малышке уже несколько недель от роду, а даже свидетельства о рождении нет.

Я вновь начал общаться с отцом. Должен признаться мне не хватало его поддержки его советов, это бы избавило меня от большого количества ошибок. Отец много знал в строительном бизнесе, он на этом собаку съел. Последний наш разговор помог мне найти нового более выгодного поставщика, с которым родители работали несколько лет. Правда, пришлось ехать в другой город, но это мелочи. Зато потенциальная выгода сулила неплохие перспективы. Кажется, жизнь определенно налаживается.

Мы с представителем поставщика сидели за столом. Я полностью сосредоточен на изучении договора. Скучная вещь о правах и обязанностях сторон, которую для сохранения своего достатка, лучше читать максимально внимательно. От документа меня оторвал сигнал телефона. Скорее всего сообщение от жены. Наверняка подгузники закончились, или еще что-то подобное. В любом случае что-то не очень важное иначе бы Наташа бы позвонила. Я уже хотел задать вопрос по срокам поставке и неустойке, как вдруг все же решил проверить, что за сообщение. Я был прав, оно было от жены.

«Я все знаю, — высветилось на экране телефона. И сердце пропустило удар. Неприятное понимание проникло в кровь, и расплзлось по всему телу. Она не могла узнать, я же был так острожен, и тем не менее передо мной были именно эти слова жены. Три небольших слова, рушивших всю нашу устоявшуюся семейную жизнь. Мой собеседник явно заметил мою реакцию на сообщение.

— Что-то случилось? — Вежливо поинтересовался он. Я промолчал, продолжил читать дальше, пытаюсь понять, что делать.

«Я от тебя уйду. Не ищи меня. Не звони, не пиши».

Естественно, я набрал номер жены, она должна дать мне возможность все объяснить. Она должна выслушать, тогда не было другого выбора. Я уверен, что Наташа все поймет, в конце концов, все, что я делала, было ради нас. Но понимать и выслушивать моя жена не собиралась. Даже не дала мне шанса что-то объяснить. Равнодушный голос оператора сотовой связи сообщил мне, что абонент находится вне зоны действия. Выключила телефон. У меня не осталось иного выхода, как ехать, переговоры с поставщиком подождут. Правда, мой внезапный побег деловой репутации не слишком способствует, но сейчас мне было откровенно на это плевать

Я мигом выскочил из офиса, и запрыгнул в машину. Гнал как мог, мчался по трассе, в который раз, думая о том, лишь бы успеть. Только бы жена еще чего-нибудь не сделала, мало ли что в ее голову придет. Все-таки узнала обо мне не самый радужный факт. Пальцы крепко сжимали руль. А в голове пульсировала одна мысль. Но почему, почему нельзя было просто

поговорить? После всего, что у нас было, я вполне заслужил хотя бы один шанс.

Мимо мелькали дома и машины, наконец, я домчался до дома. Припарковал машину, и зашел в подъезд. Дрожащими пальцами я вставил ключ в замочную скважину. Я был готов, к тому, что она могла успеть поменять замки, к тому, что она не захочет меня видеть. Но дверь послушно отворилась, и я зашел в квартиру.

К чему я не был готов, так к этой внезапной пустоте и тишине. В голову начали закрадываться самые плохие мысли. Тишина казалась пугающей и инородной. В прихожей я не увидел Наташиных вещей. Я опоздал. Разувшись, я прошел в спальню. Все происходящее напоминало какой-то страшный и непонятный сон. Куда-то пропала детская кроватка. Ни упаковок с подушками, ни детских игрушек, даже комод был пуст. Как будто нашего ребенка никогда и не существовало. Я заглянул в шкаф. Наташиных вещей там тоже не было. Ноги подкашивались от напряжения, голова шла кругом.

Я обошел всю квартиру, ничего, супруга забрала все, кроме одной вещи, которую я сжимал сейчас в кулаке. Обручальное кольцо, которое я нашел и на комод, с гравировкой «Навсегда». Когда-то мы выбрали с Наташей именно это слово, как вечное обещание любить друг друга. Только как выяснилось «навсегда у жены оказалось более коротким, чем у меня. Одного непроверенного факта супруге оказалось достаточно, чтобы сбежать от меня.

«Я от тебя уйду», — написала мне жена, но мне и в голову не могло прийти, что она настолько могла меня бояться, что готова бросить собственное жилье. Она же хорошо меня знала.

— Не ищи меня, — написала моя супруга, но как я не мог не искать. С ребенком на руках она не могла далеко отправиться, она не могла никому ничего не сказать. Я набрал номер Ани, лучшей подруги своей жены. Но та ничего не знала, или знала, но не собиралась мне ничего открывать. Оставались только соседи, мало ли кто-нибудь что-нибудь видел. Наташе наверно пришлось грузовую машину нанимать, чтобы вывести так оперативно вещи. Эх, знать бы, куда она направилась. Родственников-то у жены нет, и вряд ли она впутывала в это дело подруг.

Я проверил сейф, где мы хранили деньги. Все было на месте, вплоть до последней купюры. Интересно, гордость деньги не взять не позволила? Собралась гордо жить на детское пособие? Она же первая должна знать, то ее можно найти, как только она что-нибудь снимет с карты. И странная вещь, свои драгоценности она тоже оставила дома, хотя могла бы заложить в ближайшем ломбарде. Так торопилась унести ноги от любимого мужа?

Я обошел всех жильцов дома, которых смог найти, но мою жену никто не видел. С пустыми руками я вернулся в квартиру. Опустошенно рухнул на кровать, надо решить что делать, как найти жену. В голову приходил только один вариант: обратиться в полицию, а они уж ее по банковской карте отследят. Вот только вариант мне не особо нравился, желания общаться с органами правопорядка я не испытывал совсем. Однако лучше потрепать себе нервы сегодня, чем потом об исчезновении моей жены заявит кто-нибудь другой, например моя добродушная соседка Татьяна Васильевна, мама лучшей подруги Наташи. Эта уже на следующий день заявление накатает. Еще и расскажет много чего интересного, фантазия у бывшей журналистки богатая. Да и жену надо найти первым во избежание.

Пришлось потратить некоторое время на то чтобы подготовить квартиру к прибытию сотрудников правопорядка. Наташа рассказывала, что в таких случаях обязательно производят осмотр жилья. Я отправился в ближайший отдел полиции.

Принимать заявление дежурный у меня не спешил: посоветовал ждать три дня и хотел отправить обратно. Я испытал соблазн пойти у него на поводу и спокойно покинуть здание полиции, но я слишком хотел найти жену. Я сказал, что если он отказывается принять заявлению, то подам жалобу в прокуратуру, благо идти недалеко... Слово «прокуратура» оказало на него волшебное влияние. Он не только заявление принял, но меня тут же вежливо провели к кабинету опера, который подобными делами занимался. Правда во взгляде провожающего доброжелательности не было, но это мелочи, как-нибудь переживу. На этом моем везении на сегодняшний день и закончилось. Опер оказался еще тем типом. На вид он выглядел как мой ровесник. Я зашел в крохотный кабинет, даже мой первый офис был больше. Сотрудник предложил сесть и подождать минуту, пока он что-то допишет. Радущим, как и все здесь он не отличался. По его выражению лица можно было четко прочесть, что опять его не отвлекают.

Выслушав меня опер, оторвал взгляд от компьютера и посмотрел на меня:

— Гражданин Сериков, если она от вас ушла, то это не значит, что пропала. При чем здесь мы? — произнес обладатель самой распространенной фамилии. Всегда инстинктивно недолюбливал ментов, оказывается, есть за, что. Этот, например и пальцем пошевелить не хочет, лишь бы не работать. И зачем только супруга в свое время в полицию рвалась, сериалов милицейских насмотрелась? Романтики захотелось? В чем то, конечно сотрудник прав, семейные разборки. Это не его дело. Но дома я вполне успел сострять версию, которая могла быть его делом. Осталось только убедительно сыграть свою роль.

— Не могла она уйти.

Сотрудник лишь покачал головой, скорее себе, чем мне.

— И что же последнее вам она написала, Кирилл Игоревич? — а его губы расплылись в легкой улыбке. Знал же, падла, куда бил.

— Не она это писала, — я сделал попытку уйти в отказ.

— Если хотите ее найти, вы должны предоставлять всю имеющуюся информацию. Или вы не хотите? — в его глазах мелькнула надежда. Осторожно, Кирилл ты ходишь по опасной грани. Послушание и смирение вот твои козыри в этой игре.

На секунду замешкавшись, я все-таки протянул телефон с открытым последним сообщением Наташи. Я отлично догадывался о том, что подумает опер.

— Не изменял я ей, Я уверен, не она писала, — произнес я, настаивая на своем. А собственно, что мне еще оставалось?

Я действительно никогда не изменял жене. Я ее выбрал, ради нее я был готов на все, да я собственно это все и сделал. Мне даже в голову не приходило. Но пусть лучше Олег думает об измене и супружеской ссоре, чем о чем-то другом. Мне не хотелось, чтобы он докопался до истинной причины, причины по которой я так не хотел идти в полицию. Я не был чист перед законом, и моя жена это знала. Знала, что я убиваю людей за деньги.

Собственно, я и стал этим заниматься из-за любви к жене. Мы только начали жить вместе, когда заболела ее мать, нужны были деньги, нужны были большие деньги, требовалась операция, дорогие лекарства. Наташа старалась как могла, подрабатывала после университета официанткой, писала на заказ рефераты и курсовые, даже собиралась брать свободное посещение, чтобы была возможность больше работать. Домой приходила бледная и уставшая, и готова была сразу упасть на кровать, но она все еще находила в себе силы что-то делать по дому, ухаживать за матерью. Самое ужасное в том, что я не мог ей помочь. Родители закрыли передо мной дверь со словами, что раз это любовь так и живи своей

любовью. Но я никак не мог устроиться работать на нормальное место. Заботливые родственники и здесь мне подрезали крылья: оказалось, отец предупредил всех своих знакомых, чтобы меня не брали на работу. Я устроился обычным продавцом. Но зарплаты все равно не хватало.

И однажды я не выдержал, все-таки решил попросить у матери с отцом помощи, в конце концов, не для себя же прошу, наивно думал я. Родители согласились, правда поставили мне условия. Они дадут деньги, если я все-таки предпочту более выгодную кандидатуру в супруги. Я ушел из дома громко хлопнув дверью, поклявшись больше никогда туда не возвращаться.

Пришлось продать некоторые вещи: ноутбук, новенький телефон. Я позвонил другу, хотел продать ему свое ружье, но он предложил мне съездить на охоту, сказав, что там я могу познакомиться с потенциальным работодателем, и возможно, расставаться с оружием мне не придется.

Наташа согласилась меня отпустить, сказав, что мне не мешает развеяться и отдохнуть. Я взглянул на жену, точнее ее бледную тень, Наташа сильно похудела от обилия работы, и от вечных переживаний. Я с трудом промолчал, что ей бы самой не помешало выспаться.

И после завершения охоты ко мне поступило предложение работы. Вот только не ту, которую я предполагал. И к охоте практически она имела весьма смутное отношение, зато была наказуема уголовным кодексом. Я вежливо отказался, правда протянутую визитку взял. Чувствовал, что от нее отказываться нельзя. Неизвестно, как бы на это могли отреагировать.

А в понедельник Наташиной маме стало хуже. Время поджимало, жена уже собиралась взять кредит в банке под залог квартиры, но мать была категорически против. Ночью я впервые видел, как плакала на кухне жена, тихо беззвучно, надеясь, что я не увижу. Что может быть хуже, чем когда страдает твоя любимая, а ты не в силах помочь? Когда все, что ты можешь сделать для жены, это сделать вид, что ты не видел ее слез. Сомневалась ли моя жена поступи к ней такое предложение? И должен ли на самом деле сомневаться я?!

И тогда да я решился. В конце концов, человек, которого мне закажут все равно обречен, какая разница убью его я или кто-то другой. А мне сейчас как никогда нужны деньги. И я достал визитку, которую обещал себе тут же выкинуть и не выкинул из кармана камуфляжки, и набрал номер. И первое что я произнес когда на том конце связи ответили, было:

— Я согласен.

Сказав, "да", я еще плохо догадывался на что согласился. Чем-то это действительно было похоже на охоту. За будущей дичью нужно следить, выяснить повадки, любимые места пребывания. А дальше найти подходящую позицию для стрельбы и приготовиться ждать. Снайпер должен быть терпеливым, и постараться, чтобы его не обнаружили. О работе снайпера я знал не понаслышке, сам им был во время службы в армии. И нанявшие меня люди отлично были в курсе об этом факте моего прошлого.

Наконец-то прицел поймал нужного человека. Он был облачен в обычный деловой костюм, торопится поскорее укрыться в здании. Мирное спокойное лицо, черные волосы слегка припорошены сединой. У него наверно тоже есть жена. Но об этом лучше не думать. Я взял аванс, и благодаря этому мы смогли купить матери Наташи так необходимые лекарства и если не выполню работу, то вполне могут отдать приказ на мое убийство. Будущая жертва уже почти скрылась из виду, и я нажал на курок, и закрыл глаза на

мгновение. Это неправильно думал я, когда раздался выстрел.

Мужчина упал на асфальт, лужа крови расплзлась по нему, доносились крики, несколько человек окружают лежащее без движений тело. Мне пора уходить, но зачем-то я продолжил смотреть как охранник, не справивший со своей задачей, тряс своего подзащитного. Как женщина только вышедшая из банка замирает рядом в ужасе. Как кто-то кричит, что нужно звонить в скорую. Я равнодушно понимал, что уже поздно, в свое время меня в армии хвалили за меткость, я уверен, что попал четко в сонную артерию. но во время боя я никогда не полноценно не рассматривал результат своих деяний, там некогда, на твои товарищей несутся новые враги.

Я вздохнул, пора сваливать. Еще раз зачем-то бросил взгляд на труп. Меня оправдывало, что я спасу другую жизнь, а этого человека все равно бы убили, пусть и кто-то другой. Скривился, в тридцать лет мне еще нужны какие-то оправдания, наверно, как и всем людям. Интересно, а какие себе придумывает мой заказчик

На следующий день я получил полную сумму от заказчика. Пока я обдумывал свои моральные терзания, готовился и продумывал убийство, я потерял драгоценное время, мать Наташи умерла. По какой-то иронии судьбы это случилось в тот же день, когда я получил от заказчика деньги. Точнее от посредника, как я узнал позднее, человека ненастроенного терять свой потенциальный источник дохода, и готового заставить меня брать заказы и дальше. Так я понял, что я попал в кабалу, и единственный способ от нее избавиться, это от него избавиться

Благодаря деньгам, добытым преступным путем, я смог открыть собственный бизнес. Наташа думала, что это мои родители решили помочь. Моя любимая обожаемая жена, которая даже подумать не могла, что я мог подобным заниматься. И я спокойно продолжал брать заказы. Как сказал заказчик, человек ко всему привыкает. И наше финансовое состояние улучшалось. Жизнь казалось такой безоблачной.

Вот только сейчас моя супруга узнала о другой стороне своего горячо любимого и обожаемого мужа, и естественно не пришла в восторг. Скорее всего в ужас. Но жена, девочка умная, даже если полиция найдет ее первой уверен что ей хватит ума не говорить о настоящих причинах своего побега. В конце концов нашей дочери не нужен отец уголовник. Да и я верил, что Наташа меня любит. Но похоже меньше, чем я думал.

— И с чего такие выводы? — опер заставил меня вынырнуть из своих мыслей.

Вряд ли он мне поверил про отсутствие измен, зато смотрел на меня уже с каким — то интересом, и я решил, что пора привести свой главный аргумент.

— А с чего бы ей уходить из собственной квартиры? Мне в прощальный подарок ее оставлять? В качестве моральной компенсации? — устало, с болью в голосе спросил я.

Получилось достаточно натурально. Наверно по причине того, что я действительно был поражен тем, что супруга решила покинуть свою квартиру.

И именно этот аргумент подействовал на мужчину сильнее всего. Он даже подался вперед.

А узнав, что я единственный родственник супруги, наконец сдался и потянулся за бланками и начал заваливать меня вопросами. Отвечая я не мог оторвать взгляд от часов. Мне казалось, я потерял слишком много драгоценного времени.

Заметив мою нервозность, Иванов сказал, что жену вполне можно отследить по телефону. Почему-то я раньше об этом не подумал. Догадался бы из дому тогда прихватить коробку то уже сейчас бы знал где Наташа. Но увы она осталась дома.

— Но не беда все равно осмотр места происшествия проводить. Фотография супруги есть?

Снимок с собой я все же прихватил. Свадебную фотографию двухлетней давности. Опер подозрительно на меня косился. Согласен, фотография двухлетней давности не самая полезная вещь. Но другую найти я не смог. Наташа не любила фотографироваться, и свадебная фотосессия была единственной на которую она согласилась. Я никогда не спорил с не по этому поводу. Я сам не был фанатом подобного. а после появления второй работы, снимки вызывали у меня неприятные ассоциации. Обычно, когда мне давали заказ к нему прикрепляли фото жертвы.

— Другие фотографии есть?

— Дома.

— Тогда едем к вам, стоит осмотреть квартиру, вы говорили, вещи пропали какие-то.

Я послушно кивнул. Сидящий передо мной человек, даже не представлял какой сюрприз его ждет в квартире. Впрочем, я не догадывался что неприятные сюрпризы ждут меня самого.

Я направился домой, следом за мной в машине ехала оперативно-следственная группа, состоящее из молоденькой девушки следователя на вид которая показалась мне ровесницей жены, пожилого седого эксперта и уже знакомого опера.

Первым делом, следователь попросил меня предоставить коробку с телефона жены, поскольку на ней был номер, который мог помочь отследить местоположение. Тут — то и случился первый неприятный сюрприз. Телефон оказался в коробке. Я решительно не понимал, зачем супруга его еще оставила там, словно как издевку, как подкрепление, что найти ее будет очень сложно.

Осмотр квартиры проводили сугубо для отчетности. Девушка просто прошлась по комнатам, что-то заноса в протокол. Но это продлилось недолго, пока эксперт не нашел пятна крови в зале, и это стало для меня вторым неприятным сюрпризом. Я не заметил раньше. Внимательный ко всяким мелочам, я упустил пару крохотных пятнена ковре. А вот девушка в форме, стоящая рядом и смотрящая на меня внимательно, точно не упустила бы любую эмоцию на моем лице.

— Жена утром порезалась, — машинально солгал я, Лгать, наверно, не стоило, но на секунду мне показалось, что следователь была готова обвинить в чем-то меня, и я не мог этого допустить. В конце концов жена действительно могла просто порезаться.

Кажется, найденные следы словно привели в чувства сотрудников и заставили их внимательнее исследовать мою квартиру.

— Еще раз напомните мне, что пропало, — попросила следователь, листая документы.

— Кроватька, автокресло, коляска... — начал я перечислять.

— Подождите у вас есть ребенок, — спросила она и заглянув в бумаги, но в заявлении об этом не слова. — И ребенок тоже пропал?

Я кивнул.

— Почему вы об этом не сообщили? — девушка смотрела на меня как на идиота. Похоже я на всех ментов произвожу удручающую впечатление, впрочем неудивительно.

Девушка хмыкнула и покачала головой, явно не требуя ответ на свой вопрос. Впрочем ответ у меня был, Наташа ни при каком бы раскладе не рассталась бы с дочерью, главное было найти ее саму.

— Документы на ребенка? — настойчиво требовала следователь

— Нет, жена еще не сделала, — произнес я, понимая, что в который раз упал в ее глазах.

От меня не укрылось ее радость на лице, когда она обнаружила сейф с оружием, которая несколько померкла, когда я пояснил, что охочусь, и все необходимые разрешения, у меня есть. В это время в квартиру вернулся опер с экспертом. Не оставляя надежд за что-то зацепиться, девушка набрала участковым, чтобы хоть что — то нарыть, но им нечем было ее порадовать, никаких нарушений за мною не числилось, о том, что я заядлый охотник, они знали. За этим занятием нас и застыли вернувшиеся опер и эксперт с огромными мусорными мешками.

Иванов был бледен и внимательно смотрел, на меня и спросил:

— Охотились на кого-то крупнее зайцев? — спросил он, даже не зная насколько оказался прав.

— Нет, — ответил я, чувствуя кожей что что-то здесь не так. Взгляд опера мне определенно не нравился.

Опер протянул один из мусорных пакетов мне.

— Смотрите. что-нибудь узнаете?

Дрожащими руками, представляя самое худшее, я открыл его и с полным недоумением вытащил из него любимое вечернее платье жены, зеленое с черными кружевами.

— Она бы без него не уехала, — Я не заметил как произнес свои мысли вслух. Впервые за все время поняв, что версия, рассказанная мною полиции, вполне могла оказаться правдой. Наташа бы не бросила свои вещи. А если бы ей пришла подобная идея, то вряд ли бы она выкинула их в мусорный бак.

Во втором пакете обнаружили детские вещи. Те самые, которые мы совсем недавно вместе выбирали с женой. Происходящее все больше напоминала страшный сон.

— Узнаете? — поинтересовался опер, внимательно, всматриваясь мне в лицо.

Я кивнул. Слов не было. Я сжимал в руке крошечные ползунки дочери и все еще пытался поверить в происходящее, и старательно пытался не думать, что все это могло означать.

— Видели еще кроватку и ванночку на мусорке, пойдете опознавать?

Я едва нашел в себе силы, чтобы кивнуть.

— Странно, что вещи пропали, а деньги и драгоценности на месте, — заметил Иванов, ожидая от меня хоть какую-то реакцию.

Я молча кивнул, и сжал руки в кулаки. У меня было только одно предположение, объясняющее подобное. И это никак не было связано с моей второй работой. Только одни люди могли повернуть подобное и этих людей я хорошо знал, практически с рождения. По крайней мере я так думал, что знал. Выпроводив сотрудников полиции я отправился к домой к своим родителям. В тот самый дом, который несколько лет назад я поклялся не посещать.

Мать была дома, и возилась в саду с розами, вовсю и орудовала ножницами. На ней была летняя шляпка солнце защитные очки, на руках перчатки, даже, и комбинезон цвета хаки, который она использовала в качестве рабочей одежды. Отец много лет уговаривал ее нанять садовника, но она никому не доверяла свой сад, и кажется искренне получала удовольствие от работы в нем.

— О, Кирилл, — произнесла она, осматривая очередную ветку и принимая решение оставлять ее или подрезать. Голос совсем спокойный, нет ни капли удивления. Будто не было всех наших ссор, и мое появление само по себе разумеющееся.

— Ты видел пакеты в гостиной на диване?!

С рождением внучки, у моей матери появилось хобби скупать содержимое детских магазинов, руководствуясь аргументами, как у ребенка нет ничего сиреневого, нужно обязательно прикупить что-нибудь голубое. Моя мама заядлый шоппоголик, и появление внучки только распалило ее страсть к покупкам.

— Как думаешь, Наташе понравится? — спросила она, возясь с очередным кустом. — Немного на вырост конечно, но с другой стороны дети быстро растут. Я и самой Наташе платье выбрала в тон, думаю это будет очень мило смотреться. Ей в конце концов тоже нужно одеваться красиво.

Я не смог дальше слушать эту лживую демонстрацию лицемерной заботы:

— Я все знаю, мам, — Я старался говорить спокойно, но мой голос дрожал от ярости. Почему, почему нельзя было оставить меня в покое? Почему нельзя позволить единственному сыну спокойно жить? В конце концов я же научился справляться без их поддержки.

Улыбка тут же испарилась с ее лица:

— Кирилл, понимаешь, Вика, она действовала сама, я не заставляла ее увиваться за тобой.

Я мигом вспомнил милостивую брюнетку, владелицу фирмы с которой я работал, Вика подбивала ко мне клинья, что мне не особо нравилось, к счастью девушка все-таки вскоре смогла понять бесперспективность этого занятия. И вопреки словам, я понял, что и здесь родители приложили свою руку.

— Какая Вика, мам? Где Наташа? Где моя жена и дочь?

Мама непонимающе посмотрела на меня.

— Наташа пропала. и я так понимаю вы с отцом приложили к этому руку.

Мама попыталась что-то сказать.

— Я так понимаю, именно для этого вы явились тогда на выписку? Сблизиться с Наташей, а потом избавиться от моей жены? Внучку хоть пожалели?

— Кирилл, — начала мама, рассерженно смотря на меня.

— Это насколько надо было ненавидеть мою жену:

— Кирилл, — начала вновь мама, полная решимости заставить меня наконец-то выслушать себя. — Что за чушь ты несешь? Что случилось?

И я рассказал ей все произошедшее сегодня. Мать только качала головой.

— Ты точно ей не изменял? С той же Викторией например?

Я помотал головой. Вот интересно как изменилась мамина позиция, еще раньше она бы обрадовалась подобному поводу событий, а сейчас кажется искреннее переживала.

— Мне были в восторге от твоей женитьбы, но смирились. Я не знаю, что происходит, Кирилл, но мы тут не причем.

Я смотрел матери прямо в глаза, и искренне хотел верить в правдивость ее слов.

— Мы бы ничего подобного не сделали, — сказала она, но я вспомнил еще об одном случае, когда они ничего сделали.

— А в тот единственный раз, когда я попросил помощи, мама, вы тоже ничего не сделали. — Невысказанная когда-то обида рвалась наружу, и после тяжелого напряженного дня я не находил в себе сил ее сдерживать.

— Отец и я были злы на тебя, сын, но недостаточно, чтобы просто отвернуться. Мы опоздали, тогда, Кир, — тихо произнесла мама, опустив глаза. — Оплатили операцию, но мать Наташи умерла за один день до нее. Естественно, мы ничего не сказали тебе, нечего

было говорить, все было напрасно, — грустно вздохнула она.

Я этого не знал, и поражено смотрел на женщину, произведшую меня на свет. А мать продолжала:

— Я лично договаривалась на счет родов Наташи, чтобы были лучшие врачи. Все было предусмотрено со всех сторон, чтобы не допустить промашки и в этот раз, именно поэтому мы отлично знали, когда у вас выписка.

Отец всегда старался быть в курсе твоих дел, помогал чем мог, решал вопросы с проверяющими, подкидывал клиентов. Мы никогда не бросали тебя, сын.

А вечером в гараже меня ждало очередное неприятное открытие.

В гараже меня ждал очередное неприятное открытие. Я загнал машину, и уже собирался домой. как почувствовал, что наступил на что-то. Тут же поднял маленькую бордовую книжечку, которая оказалась паспортом. И как же я умудрился его потерять, задумался я, но открыв, увидел фотографию жены с ее мягкой улыбкой на устах. У меня похолодели руки. Как он отучился здесь в запертом на замок гараже?

Но от мыслей меня тут же отвлек звонок. Полиция интересовалась, где я. Хотят проверить гараж и машину, сказали, обычная практика, пустая формальность. Но я отлично понимал, что в подобном деле, обычной практикой является подозревать супруга, это самая простая версия, которую они и выбрали.

Самое паршивое было в том, что у меня не было времени на эти игры. Я точно был уверен, Наташа не могла уехать без документов, а значит все еще хуже чем я предполагал. Я мрачно окинул взглядом злополучный паспорт и затолкал свою находку в карман. Нечего подкидывать им улику с моими отпечатками пальцев, оставленными по глупости. Предстояло убить еще несколько часов на общение с правоохранительными органами, вместо того, чтобы что-то делать для поисков жены.

23 августа

Было странно засыпать и просыпаться одному: не слышать голос жены, не ощущать ее сонное дыхание. выбивало из колеи и нарушало привычный жизненный ритм. Каждая комната пропитано ее запахом, всем ее существом казалось, вот-вот я услышу ее смех. Но в квартире царила звенящая тишина, от которой нет спасения, ни телевизор, ни музыка не помогали, чтобы хоть как то занять себя, я отправился на работу. Все равно до вечера ничего узнать не удастся. Родители уже наняли несколько детективов, у меня же свои способы выяснить хоть что.

От рабочей рутины меня отвлек звонок, я взял трубку. Мне звонил Алексей, у которого я собирался купить новенькую Ауди. Голос у него дрожал. Он предложил мне сделать огромную скидку, если я сегодня приеду за машиной. Еще вчера я с интересом просматривал объявления о продаже автомобиля, Вот только сейчас мне это зачем? Я собирался купить машину жене, жене, о месте нахождения которой я не имел ни малейшего понятия, и даже не знал жива ли она.

Промешкав секунду, я все-таки согласился на сделку. Ведь отказаться, значило признать, что я не надеюсь Я найду жену, даже если мне за ней пресподнию придется пойти, я разыщу жену и дочь. Кстати о преисподней, сегодня к вечеру ждал ответ от своего нанимателя. Быть может, ему удалось хоть что-то выяснить.

Увы порадовать ему было нечем. Ни о каких подобных делах он не слышал, ему оставалось лишь высказаться, что за изверги смогли посягнуть на новорожденного ребенка, да еще раз напомнить мне, что он здесь точно не причем. Мало ли что придет в голову

разъяренному отцу и мужу?! На меня же лучше воздействовать другими методами, а когда счерпаю свою полезность избавится. Зазкачик верил, что все-таки вплотную займется этим вопросом, и распрощался со мной. крепко пожал руку, и обещал в следующий раз обязательно порадовать какими-то новостями. Я кивнул ему в ответ и вышел из старого бара, выбранного им из-за отсутствия камер. Знал, что следующей встречи уже не будет. Потому что завтра к моему работодателю заглянет, наемный убийца, оплаченный мною. Ничего личного. Что ж поделаться из подобного бизнеса только один единственный выход, а мне крайне не хотелось умирать.

Все прошло по плану, но наступивший день меня смог удивить. Опер удивительно оперативно узнавший о покупке машины, высказал все- что об обо мне думает и о подобном поведении. В итоге я сиханул и высказал в ответ, что я думаю о всем расследовании, хотя мог вполне ответить, что мне предложили большую скидку, но желания оправдываться у меня не было.

16 сентября.

Почти месяц прошел с исчезновения супруги, а дело с ее поиском так и не продвинулось. Все, что удалось узнать, что дверь в квартиру была взломана, и то по предположениям опера, который запоздал с экспертизой. Соседи по прежнему косились на меня, шушукались будто я убийца своей семьи, и недоумевали, почему я все еще продолжал жить в квартире супруги. От полиции не было никакого толка, кроме того, что я узнал, что кто-то взломал дверь в квартиру. даже уголовное дело не завели, улики видите ли им казалось недостаточно.

Я был на работе когда завибрировал телефон, и тут же потянулся за ним, даже не взглянув на экран. — Алло, — спокойно произнес я. Скорее всего кто-то из поставщиков.

— Кирилл, — такой знакомый родной и любимый голос с легким придыханием. У нее всегда был красивый мелодичный голос. Порою мне нравилось просто лежать на кровати и слушать, как она о чем-то рассказывает, не вдумываясь в слова, просто слушать.

— Наташ, — я не мог поверить в реальность происходящего, то, что она просто так позвонит. — Ты где?

Она молчала. Я лишь слышал ее учащенное дыхание, и боялся, что она бросит тру

— Где моя дочь?

— Какая еще дочь? — ответила она, так, как будто я ее ударил.

— Та сама дочь, которую мы вместе с тобой из роддома забирали.

Я услышал чужой женский голос и связь оборвалась. Я позвонил ей, но ответа не было, лишь равнодушные гудки. Я набрал еще раз и еще, но Наташа не собиралась мне отвечать, она равнодушно игнорировала мои звонки, пока не выключила телефон. С психу я бросил свой телефон на сто, и заставил себя сесть и глубоко вздохнуть. Нет эмоций- есть покой, как говорят джедаи в Звездных войнах. Главное, она была жива, по сути это было подарком небес. Все эти дни я боялся, что мне сообщат, что нашли ее хладный изуродованный труп. Сейчас я должен был испытывать облегчение, вот только я его не испытывал.

Лишь понял, что ни черта не понял, что происходит. Что вообще супруга имела в виду? Почему она так среагировала на вопросы о дочери? С малышкой что-то случилось или Наташа, что хочет сказать, что Аленка не моя дочь? Не могла мне она изменить, я уверен, да даже моя потвердела, что малышка удивительно похожа на меня во младенчестве.

Супруга также не сообщила, где она. Но ничего, этот как раз дело поправимое. Я знаю одного человека, который вполне может узнать это, и даже легальным способом.

И я набрал номер Иванова и без всяких приветствий и предисловий заявил:

— Мне звонила Наташа, — сказал я, до сих пор пытаюсь прийти в себя. Судя по глухому молчанию на другом конце связи, у сотрудника полиции попросту отвисла челюсть. Вряд ли он мог рассчитывать на подобное.

— Где вы произнес он, даже не спросив, что супруга сказала мне.

— На работе. А что?

— Ничего ответил Иванов. Но я точно понял, что это имело для него значение. — Вы можете отследить звонок?

— Встретимся через два часа в дендрарии, — произнес он вместо ответа. Я положил трубку, что-то было не так с опером, что-то напрягало меня в этом коротком разговоре.

Через договоренное время прибыл в парк. Честно говоря я недоумевал почему Иванов выбрал это место, при том нам обоим довольно было далеко ехать. Опер ждал меня у входа, не проронив ни одного слова он повел меня в самуюглубь парка, больше напоминающего лес. Признаюсь, это меня откровенно нервировало. Не собирался же он меня убить и закопать под ближайшей елью? Наконец то он остановился у пруда и присел на лавочку и проронил:

— Рассказывайте.

Я хотел было спросить его о странном поведении, но передумал, в конце концов может быть это обычная паранойя.

Наташа позвонила мне. Когда я спросил где она и где наша дочь, то услышал какой-то незнакомый женский голос. Ей кто-то явно не дал договорить. Может быть похититель.

Мне все еще хотелось верить, что мою жену просто похитили, и что все случившее дело рук кого-то другого.

Иванов лишь покачал головой:

— Сомневаюсь. Она звонила из редакции одной из газет в Новосибирске. Если бы ее похитили, то не стали держать там.

— Но был взлом, вы сами говорили... — начал я.

— Говорил, — понизил голос Иванов и тут же поморщился. — И из-за этого мне угрожают.

Он протянул крошечный листочек с адресом местонахождения Наташи вовремя звонка.

— Это серьезные люди, поэтому я не могу вам помочь, — вздохнул он, опустив глаза вниз.

— Ожидаемо, — ответил я, уже собираясь уйти, в конце концов я получил то, зачем приехал, но опер меня задержал.

— Единственно хочу предупредить, действуйте обдуманно. В вашей квартире жучок, поэтому будьте осторожны в высказываниях дома. Не летите самолетом к жене, и не берите билет на поезд, не стоит раньше времени показывать, что вы тронулись с пути. Езжайте на машине.

— Но это же больше тысячи километров пути, — удивился я.

— Четыре тысячи километров, — уточнил он. — Зато целее будете. Найдете жену, не бросайтесь к ней сразу, понаблюдайте, и может, поймете, что все-таки происходит, сказал он и поспешил к выходу.

Я остался бросил взгляд на пруд, в котором плескались лебеди. Действительно не мешало бы наконец понять что происходит, потому что если Наташу не похищали, именно она подстроила так, чтобы полиция подозревала меня. Как юрист, Наташа вполне знала, как

производится расследование, и где и на каком месте оставить улики. Вот только я недоумевал, зачем она так со мной поступила?

Четыре тысячи километров, пять дней пути на машине. Не самое легкое путешествие, совершенное в одиночку. Безумная спешка, только бы успеть, и все ради того, чтобы прибыть к входным и найти подходящее место для слежки за собственной женой. Я лежал на подстилке поверх холодной поверхности на холодной поверхности крыши здание расположенного напротив редакции газеты, откуда звонила Наташа и ждал. Этому умению я в совершенстве выучился, когда занимался убийством по найму. Ведь все просто нетерпеливый киллер — мертвый киллер. Впрочем, невнимательность тоже приводит к подобному результату. Когда я вернулся домой в день звонка Наташи, то увидел в подъезде двоих незнакомых парней, почему-то торчащих на нашем этаже, и озирающимся по сторонам, очевидно по мою душу. Я аккуратно свернул на лестницу и решил обойтись без посещения квартиры. Важнее было добраться до жены, чем участвовать в непонятной потасовке.

Наташа вышла из здания. Локоны развивались на ветру, точеная фигура облачена в кремовое пальто, любимые ботинки на высоких каблуках. За ее отсутствие я и забыл, какая она красивая, кукольное личико с тонкими чертами, большие глаза, которые совсем недавно смотрели на меня влюблённым взглядом. Она совсем не выглядела испуганной или забитой, лишь немного задумчивой. Я все еще пытался найти хоть какие-то доказательства, что она не причастна к произошедшему, что ее похитили и удерживали. Но девушка, которую я видел, нисколько не походила на жертву.

Все кажется достаточно простым, можно спуститься вниз, подойти, и спросить все глядя прямо в лицо. Это так легко сделать, вот только этим я только все испорчу, нет ничего хуже, чем оказаться без информации о том, что на самом деле происходит, именно поэтому я продолжаю лежать в том же положении. Наташа замерла возле входа, явно чего-то ждет, а значит, и мне не стоит никуда торопиться.

К зданию подъехал черный лимузин Mercedes-Maybach S 600 Pullman, из которого вынырнул высокий мужчина в дорогом деловом костюме. Самоуверенный, беспечный, считающий себя пупом земли, он неприятно напомнил мне моего нанимателя, которого недавно опустили на землю, а точнее в землю. Он подошел к моей жене и заключил ее в объятия. Наташа не сопротивлялась, подалась вперед для поцелуя. На секунду зажмурила глаза от удовольствия, и я отложил бинокль, чтобы собраться. Сердце бешено заколотилось, рядом со мной лежала снайперская винтовка, так легко было взять в руки и выстрелить. С такого бы расстояние я бы точно попал. Одним выстрелом стереть ее улыбку с красивого лица, вторым — его самоуверенный вид. Прямо в голову ей и ему. Я бы даже успел скрыться. Но я лишь помотал головой и напомнил себе о дочери, В конце концов я здесь ради нее. И пусть Наташа твердила, что ребенок не мой, я отлично знал, что она лжет, ибо попросту не хочет отдать мне дочь.

Тем временем любовник Наташи открыл ей дверцу машины, и она нырнула туда. Моя любимая дорогая обожаемая жена. Женщина, ради которой я поссорился с семьей, женщина ради которой я пошел против совести и закона, спокойно села в машину к любовнику. Впрочем, с супругой я успею разобраться, как и с ее любовником, соблаздившим чужую жену, мою жену. А сейчас нужно было следовать за ними. Я спустился вниз на лифте, и прыгнул в машину, которую взял на прокат. Нечего светить автомобиль, который супруга отлично знает, нечего привлекать к себе внимание раньше времени. Что ж пора узнать, где

находится любовное гнездышко этой сладкой парочки. Я быстро успел догнать нужный мне автомобиль, спасибо приметному выбору Наташиного любовника и городским пробкам, следовал за ними вплоть до дома. Да уж супруга судя по представшему передо мной особняку, предпочла выбрать рыбку покрупнее. Я оказался возле огромного белокаменного коттеджа окруженного кованым забором. И вновь ожидание, которое могло затянуться надолго. Но ничего, адреналин в крови не дал заснуть. Я был готов ко многому, но и предположить не мог, то узнаю об измене жены. Наш брак всегда казался мне таким крепким, наша верность друг другу само разумеющимся. Я даже не думал, что могло быть иначе. Почему Наташа бросила меня только сейчас, ведь мои дела пошли в гору. Что мешало ей сделать это, когда я был простым продавцом? Просто не было варианта получше? Или она все-таки надеялась на деньги моих родителей? Быть может поэтому она так обрадовалась внезапному перемирию. А я то поражался, как легко она могла это сделать. Она всегда казалась мне искренней и не подам мудрой, а на деле же выяснилось, что она была лишь лживой алочной шлюхой.

Машина Наташиного ухажёра показалась из ворот только поутру. Моя жена провела там всю ночь. Факт ее измены продолжал меня задевать. Я был ее первым мужчиной, и всегда почему-то верил, что последним. Я помнил, как она говорила, что не представляет жизни без меня. Как выяснилось, вполне представляла. А тем временем, пока я размышлял о своей супруге, она направлялась в сторону редакции, на работу. Вот только зачем ей с таки хахалем какая-то работа? Или хочет показать свою независимость? Вновь изображает из себя милую домашнюю девочку, которую не волнует чужой кошелек, искреннюю эмоциональную, которую так хочется защитить и сберечь, окружить заботой. Хочется забрасывать подарками, смотреть, как ее глаза полны удивления и восхищения. Такая неземная невинность и детская непосредственность притягивают и завлекают. Мужчинам нравится, когда ими восхищаются, нам нравится ощущать себя некими рыцарями, которые тут же бросятся спасать в даму в беде. Я вполне понимаю, чем пленила моя супруга этого богача. Наташа никогда не вешалась на шею, напротив это ее придётся добиваться, осаждая словно крепость раз за разом. Почему то только сейчас я заметил ее колдовское очарование, ее умелую игру. Кто бы мог подумать, что из неё получится такая хорошая актриса.

Машина останавливается возле здания, принадлежащей газеты. Ее любовник вновь вышел ее проводить, никак расстаться не может. Он обнял ее, крепко, собственнически. Держал за руку, не в силах отпустить. Она прижалась к нему, что-то нежно шепча на ухо. Я легко мог представить, как ее горячее дыхание щекошет кожу, как приятно прижимать ее и слушать, как бьется ее сердце. Сколько было у нас таких томительных расставаний, когда уходить так не хотелось. Наташа скрылась за входной дверью в здание, а ее ухажер продолжал смотреть ей в след, как когда-то делал я... Похоже для него это не каприз, и не просто очередная интрижка, все гораздо серьезнее. Возможно, он так же влюблен как совсем недавно был я. Но измена и предательство отличное лекарство от розовых очков. Я понимаю своего соперника, но это не значит, что я собираюсь щадить человека, укравшего у меня жену. А он явно причастен, ко всему, что происходило.

Интересной жизнью жила жена без меня. Занятия пол-денсом, меня мягко говоря, поразили, я даже зашел в зал и успел ее полюбоваться, пока она отрабатывала элемент. Забавно. Она всегда считала этот вид спорта неприличным, подходящим для девушек легкого поведения. Поменяла свою позицию, или лгала с самого начала? Различные поездки

и походы в рестораны, словом она развлекалась, как хотела. Правда вопреки моим первоначальным выводам оказалось, что супруга жила на съемной квартире с подругой. Вот только за все время я ни разу не увидел ее с ребенком, даже с коляской ни разу не выходила. Неужели бросила малышку на няню, чтобы самой кутить с любовником. На девушку, которую я знал это не похоже, но нужно признать, я ее никогда не знал.

Наташа была влюблена и увлечена была своим счастьем. Счастьем, которое было построено на предательстве. Счастьем, которое мне так хотелось разрушить, так же как она хотела разрушить и мою жизнь своей неумелой подставой. Я так и не узнал, где дочь, но мое терпение лопнуло. Настало время получить ответы и отомстить. Я все продумал.

В один теплый осенний вечер, сжимая в пальцах букет белоснежных роз, она вынырнула из автомобиля. Помахала ему на прощание, проводила его удаляющую машину взглядом. Ветер трепетал ее волосы. А вокруг не было ни души. Кроме меня.

Она услышала мои приближающиеся шаги и повернулась. И я увидел в ее глазах страх, окончательно доказывающий ее вину. Она задрожала еще до того, как я направил на нее пистолет.

— Ну здравствуй моя дорогая жена, — сказал я не удержавшись от ухмылки, отлично зная, что супруга увидит лишь звериный оскал. — Вижу, ты вполне счастлива без меня.

— Кирилл, я буду кричать, — сказала побелевшая Наташа, дрожащим голосом. Раньше я и в страшном сне не мог подумать, что у нас до этого дойдет. Мне всегда казалось у нас такая любовь, которую ничто не разрушит. Сейчас же, я получал удовольствие от ее ужаса. До чего мы докатились с тобой, Наташ?!

— Не советую. Никто не поможет. Садись в машину Наташ.

Она покачала головой. Окинула таким взглядом, как будто вместо машины я собираюсь уложить ее в гроб. Смерть, слишком мелкая месть, Наташ, хотелось сказать мне но я молчал. Слишком банальный выход, а супруга всегда ценила мою оригинальность. Для нее я приготовил более изощренный план. Эта женщина пробудила во мне столько замечательных качеств: сочувствие целеустремленность, умение ценить мелочи, сейчас пробудила и самые худшие. Я собирался уничтожить все, что ей было дорого и сделать, так чтобы она никогда больше не увидела дочь, которая все-таки была ее самой большой любовью, слишком дорого достался ей ребенок.

— Тогда стреляй, ни тyani, — тихо произнесла жена, прикрыв глаза. И, кажется, впервые за все время я вижу настоящую Наташу. Ее ресницы дрожали, губы плотно сжаты, и превратились в тонкую ниточку. Она ждала.

— Стреляй, — торопила она с каким-то непонятным мне смирением, совсем не цепляясь за жизнь. Ни борьбы, ни споров, ни оправданий, ничего из того, чего я так я ждал.

Наталья Серикова.

— Стреляй, — тихо сказала я, закрыв глаза не из-за страха. А из природной брезгливости. Не хотелось видеть, как все это произойдет. Не хотелось видеть его перекошенное яростью лицо. Такой красивый роман, и такое страшное кровавое окончание. Я слышала, как бешено, бьется мое сердце в ожидании того, что сейчас все будет кончено.

Но выстрела все не было, и не было, и я, наконец, открыла глаза. Муж явно не ждал от меня подобной покорности и растерялся. Неужели за годы брака я смогла хоть чем — то его удивить. Он всегда считал меня такой предсказуемой, и даже шутил, что ему нравится подобное постоянство, что от меня не нужно ждать непонятных капризов и странных идей. Правда, скорее всего мой супруг несколько в этом разуверился, когда выяснил, что я сбежала, и перед побегом поменяла замки в квартире. Без всякого предупреждения, без ссор и скандалов.

— Почему ты поступил со мной так Кирилл? — мой голос дрожал от не выплеснутой обиды, а вовсе не от испуга. Бояться было поздно я все равно отлично понимала, что гибели мне не избежать. И знала, что смерть не будет легкой. Но мне хотелось получить ответ на этот вопрос, который я так и не смогла раньше задать.

— Как? — На его лице на секунду промелькнуло удивление.

— Ты изменил мне. Тебя видели с твоей шлюшкой в ресторане.

— Какая интересная история, Наташ, — он покачал головой, да только верится мне в нее с трудом. Пока я вижу только одного изменника, долго уже со своим хахалем кувыркаешься?

Я поморщилась. Кирилл знал о Вадиме, и очевидно это его взбесило.

— Уж поменьше, чем ты со своей.

Почему-то вся это ситуация его забавляла:

— Своей? И кто же меня видел?

— Настя.

— Так, позвони ей, пусть расскажет кого и с кем она видела. — сказал он. И я решительно не могла понять, зачем ему это, зачем сейчас выяснять то, что итак известно, но но я все я же послушно полезла в сумку и набрала номер. Сейчас, как никогда нужно было тянуть время, так почему же не воспользоваться возможностью, которую заботливо решил предоставить сам супруг.

— Насть привет, ты не помнишь в каком ресторане ты видела Кирилла с его лохудрой?-

— Наташ, ты о чем? — сонно проронила подруга на другом конце связи. Похоже, я ее разбудила.

— Ты сама мне пару месяцев назад рассказывала, я потом тебе еще вещи Кирилла оставляла, чтобы он смог у тебя их забрать.

Однако мои пояснения Насти ничем не помогли.

— Ты что-путаешь. Наташ у тебя все нормально?

— Да, сказала я подумав, если можно считать нормальным, что когда-то любимый муж собирается меня вскоре прикончить.

— Просто я тебе уже пару месяцев не могу дозвониться, а тут ты звонишь с таким вопросом... — начала подруга.

— Все хорошо, сказала я, совсем ничего не понимаю. Кирилл. Что с Настей сговорился что ли?

— И ты не помогала мне сдать квартиру? — все еще не оставляла попыток я докопаться до истины.

— Нет, а зачем тебе ее сдавать? — Настя продолжала прикидываться дурочкой.

Кирилл показал знаком, чтобы я положила трубку. Нечего подруге знать, что это, скорее всего мой последний с ней разговор.

— Слабая попытка Наташ, а ведь могла бы лучше подготовиться, ты же знала, что я тебя найду.

Мой неразумный совершенный на эмоциях звонок, именно он привел ко мне моего убийцу. Права была Марина, что это было глупостью, но я даже не предполагала, к чему это может привести.

— И это после всех сюрпризов, которые ты мне подготовила в Сочи, чтобы подставить.

— Каких сюрпризов? — Я непонимающе уставилась на него. — Я всего лишь поменяла замки в квартире. И сдала ее квартирантам.

Супруг лишь помотал головой. Кажется, он был ослеплен своей мстью.

Я живу в этой квартире, Наташ. Ты даже ее не пожалела ради правдоподобности, как и всё свои вещи. Впрочем, если ты даже паспорт свой подкинула мне в гараж, то чего удивляться?

Вывод напрашивался только один, у Кирилла явно поехала крыша, и вот сейчас мне стало по настоящему страшно, передо мною безумец способный на все.

Мой паспорт у меня в сумке, — возразила я ему и достала в документ из сумки, пальцы слегка задели электрошокер, но я не решилась его доставать. Кирилл внимательно следил за мной. Более того, он сам когда-то подарил мне его в те времена, когда еще дорожил мной. Скользнуло понимание, что даже в случае успеха я бы все равно не успела скрыться, на шпильках, в длинном вечернем обтягивающем платье не особо побегаешь. Словом, не самый удачный день в моей жизни. Впрочем, каким еще может быть день встречи с мужем, который явно спятил?!

Кирилл внимательно просмотрел документ.

— Номер серии немного другой, — заявил он обычно хваставшийся своей маниакальной памятью на цифры. Я вырвала у него паспорт из рук и открыла сама.

Цифры действительно не сходились, и это было странно. Совсем странно.

Серию и номер паспорта я знала наизусть, или все-таки не знала? Не успела я собраться с мыслями, и придумать более менее нормальное объяснение подобному, как Кирилл, достал из внутреннего кармана, маленькую прямоугольную книжечку, оказавшуюся паспортом, и открыл мне прямо перед носом. Это был мой паспорт, абсолютно такой же, с той же самой фотографией. Единственная разница была в цифрах

— Даже паспортом поддельным обзавелась. Все для начала новой красивой жизни. — сказал он, смотря на меня таким взглядом, как будто падать мне в его глазах больше некуда. Я хотела, что-то сказать, как-то выразить свое удивление, но Кирилл не дал мне этого сделать.

— У меня к тебе только один вопрос, — вещи дочери выкидывать было не жалко? Или все для пущей правдоподобности? Собиралась ли потом ей рассказать об отце, которого собственноручно пыталась упечь за решетку.

— Какие вещи? Какой дочери? — Я решительно не понимала, о чем он говорил. Ведь он

отлично знал о произошедшем.

— Моей дочери, Наташ. Я пришел за ней, и ты отдашь мне ребенка по-хорошему или по-плохому.

Его уверенность меня пугала.

— Кого отдать, Кирилл? Ты сам похоронил ее, — глаза тут же наполнились слезами. Я не была на этих похоронах не смогла, мне хватило того, что вместо торжественной выписки и кучи поздравляющих меня друзей, меня ждали лишь два документа свидетельство о рождении и о смерти. И я бы многое отдала, чтобы второго свидетельства никогда не было. Как я молилась в родзале, как отчаянно надеялась, что врачи ошибаются, и Аленка живая, но вместо криков новорожденной в зале звенела леденящая тишина, подтверждающая лишь одно, моим надеждам было не суждено сбыться. Обессиленной, мне даже не позволили взглянуть на только что произведенного ребенка, сказав, что это ни к чему. Я помню ощущение еще тепло маленького тельца, которое тут же забрали от меня. Врачи торопились зафиксировать смерть, пока я так хотела верить в обратное.

— Тридцатого мая, Кирилл, это было тридцатого мая, — тихо произнесла я, дышать было тяжело, я так долго пыталась забыть об этом дне. — И все потому что ты среагировал сразу, — из моих уст вырвалось обвинение, которое я столько времени пыталась держать в себе — Мы бы успели, Кирилл, мы бы успели...

Ни измена разрушила наши некогда прекрасные отношения, измену, быть может, я бы и смогла простить, а одна несостоявшаяся жизнь, с которой мы связывали столько надежд. Смерть дочери я не смогла простить ни ему, ни себе.

Кирилл изумленно уставился на меня:

— Тридцатого мая мы как раз успели, Наташ. Правда, пришлось обоим понервничать. А в августе с новорожденной дочерью на руках ты решила от меня сбежать.

— Я непонимающе посмотрела на него.

— Этого не может быть, — совсем тихо прошептали мои губы

— Я даже свидетельство о рождении сделал после твоего побега — сказал он, вложив мне листок в руки, внимательно разглядывая меня, будто Картину в Третьяковской галерее. То самое свидетельство о рождении. Пальцы дрожали, сердце бешено стучало о ребра. В неверии строчкой за строчкой я перечитывала документ несколько раз, ища какую-то в нем ошибку или уловку.

— Это подделка, — тут же сказала я. Это не могло быть правдой, ибо если на мгновение допустить, что документ настоящий, моя дочь родилась 4 августа в городе Сочи. Что я делала в этот день? Кажется, смотрела здесь квартиру. Но почему же так хочется верить в эту абсурдную правду. Чудес не бывает Наташ, ты знаешь это лучше многих. Но даже понимая, что это ложь, я никак не могла выпустить из рук свидетельство из рук.

— Это тоже подделка? спросил, Кирилл, практически бросив мне какие-то снимки в лицо, я ухватилась за один из них, ошарашенно застыла. Потому что на фотографии была я, в любимой клетчатой рубашке, волосы немного взъерошены, взгляд уставший, но самое главное я прижимала к себе ребенка. Это была она, я бы узнала ее из тысячи младенцев. Малышка из моих снов, с темными волосиками и пронзительными синими глазами. Маленькие ручка сжимала мой пальчик, и в этом простом жесте, было что-то нежное и доверительное.

— Но так не бывает, — прошептали мои губы, а глаза не могли оторваться от

изображения, пальцы проводили по глянцевой поверхности фотобумаги.

— Ты ее не помнишь? — пораженно спросил Кирилл. Глаза широко открыты от удивления. В голосе нет прежней жесткости, исчез обвиняющий тон.

— Я помню, что мы приехали слишком поздно в больницу, что не хватило каких-то полчаса, чтобы ее спасти..-Меня опять волной накрывали рыдания. Говорить было тяжело. Я не могла оторвать глаз от фотографии. — Мне даже ее не показали. — От слез меня трясло.

— Тихо, — Кирилл взял меня за руку и посмотрел прямо в глаза. Ничего этого не было, — он гладил меня по волосам, будто успокаивал маленького ребенка. — Я был с тобой при родах, тебе сразу отдали ребенка, ты еще никак не хотела выпускать ее из рук. Да и дома, даже ночью просыпалась на нее посмотреть, никак налюбоваться не могла. — его голос потеплел сейчас он напоминал голос того человека, которого я когда — то любила. Меня всю колотило, и он прижал меня к себе, чтобы хоть как — то успокоить. Такой родной и знакомый.

— Но где она? Кто ее забрал?

— А вот это, Наташ, самый главный вопрос.

Кирилл Сериков:

Я ждал многого от нашей встречи: ждал обвинений, каких-то вялых оправданий, но я никак не мог предположить, что ребенка у Наташи нет. Более того, она не помнила дочь. Для нее все закончилось тридцатого мая, в тот самый день, когда мы чуть не потеряли нашу малышку.

Был уверен, Наташа не лгала. Она не могла оторвать взгляд от дочери, как дрожали ее губы, а в глазах застыли слезы. Такое не сыграешь.

— Она мне снилась, — тихим голосом произнесла моя жена, прижавшись ко мне. — Я думала, что это какое-то наказание, все пыталась забыть, вычеркнуть из жизни. А она была настоящей.

— Что тебе еще снилось, Наташ?

Она побледнела, и покачала головой. Все еще не в силах оторваться от фотографий. Как будто стоит ей прикрыть глаза на мгновение, и они растают, исчезнут как дым.

— Нужно ехать. Нам надо поговорить. Интуиция мне подсказывала, что нам пора убираться отсюда. Кто-то не очень хотел, чтобы я встретился с женой, и кажется, для этого есть причина.

Наташа тихо всхлипнула, прижимая к груди фотографию, и спокойно села во взятую мною аренду «девятку», как будто не я только что направлял на нее пистолет, как будто мы как и прежде были семьей.

— Какой она была, Кирилл? Как это было? — из Наташи так сыпались вопросы, она словно пыталась вытянуть из меня каждое мгновение, которое я видел ее с дочерью. Хмурила лоб, поджимала губы, я чувствовал, она мучительно пытается вспомнить дочь, но находит лишь пустоту. Только какие-то смутные образы из снов.

По пути она рассказала то, что помнила. С ее слов я был мудаком и тряпкой, бросившим жену в самый тяжелый момент. Это конечно лучше, чем убийца жены и ребенка, как считали наши соседи, и ее лучшая подруга, но неприятно в том числе. Она верила, что я мог с ней поступить, она в самом деле поверила, что я могу так поступить, деле после того, как ради нее я пошел против семьи.

Мы поднялись, в квартиру, где я теперь жил, точнее приходил переночевать, после слежки за собственной женой. Маленькая крошечная однушка, в которой ремонт последний

раз делался наверно еще до моего рождения. Едва не разваливающая мебель, перекошенные отклеивающиеся обои. старенький телевизор, наверно ровесник моей супруги. Зато у квартиры было огромный плюс: ее хозяйка сдали мне жилплощадь даже толком не поинтересовавшись, моей фамилией, правда взяв перед этим залог. Наташа удивленно приподняла брови, когда увидела окружающую обстановку, которая никак не вязалась с образом человека, привыкшему к достатку и комфорту. Что ж поделаешь, слишком не хотел я, чтобы меня нашли.

Наташа присела на металлическую кровать, скрипящую от малейшего движения. Я предложил жене чаю, разговор у нас будет явно длинный.

Через пять минут я вернулся в комнату с двумя кружками чая, я торопился. Буд то боялся, что моя супруга куда то сбежит, но она продолжала сидеть на кровати. Подол длинного платья задран, руки обхватили колени, волосы распущены, она все еще дрожит. Взяла чашку обоими руками, вдохнула, улыбнулась. На секунду ее лицо просветлело. В какой бы месте я не жил, и чтобы в жизни не случилось, чай я предпочитал хороший, и похоже супругу позабило что хоть в этой мелочи я не изменил себе.

Коротко кивнула, сделала первый глоток. Такие знакомые жесты, поворот головы, улыбка, такая знакомая Наташа. Вот только моя супруга не любила длинных платьев в пол, и никогда не думала, что я могу хотеть ее убить, и уж точно никогда бы мне не изменила. Мы словно два незнакомца, объединенных одной целью, понять, что происходит и найти дочь.

— Какие у тебя идеи? — спросила она, наконец-то собравшись, она как никто знал, что слезы горю не помогут.

— Послеродовая депрессия? Травма, что-то что вызвала амнезию? — начал я, то, именно потеря памяти супруги выбивала меня из колеи.

— Не похоже это на послеродовую депрессию, — покачала головой супруга, неприятно поморщившись от только что выданной мной версии. — Это ничего не объясняет, не где ребенок. Не то что, у тебя произошло.

— Гипотетически, ты могла выкинуть вещи.

Наташа невесело усмехнулась:

— Спасибо за доверие.

А потом нахмурилась.

— Все выглядело так, как будто ты хотел от меня избавиться: кровь, выброшенные вещи, найденный тобой паспорт, слова соседки, которая ничего на самом деле не могла услышать, просто угадала. Но взлом из этой картины выпадает, я так понимаю, он и был настоящий. Именно поэтому оперу угрожали. Получается, кто-то влез в нашу квартиру, и похитил меня с малышом.

Я послушно кивнул, именно так я думал, в начале, но после звонка передумал.

— Однако ты почему-то здесь, а малышка непонятно где.

— Но зачем Кирилл? Если была нужна малышка, то зачем возиться со мной, стирать память куда-то везти, устраивать на работу, не проще или убить? И почему именно наша дочь? В доме малютки полно других младенцев.

— Это не мои родители., - ответил я, предугадав первую возникшую у супруги идею. — Я спрашивал?

— Ты с ними общаешься? — удивилась она.

— Ты тоже, кстати, вы с мамой чуть ли не кадочные подруги.

Наташа усмехнулась:

— Не поверила бы.

Зачем ты приехала в этот город? — Что-то должно быть не так в ее истории, что-то что должно нам дать, подсказку, куда копать.

— Хотелось все бросить, уехать подальше от всего, что причиняло мне боль, — сказала супруга задумчиво прикусывая губу. — Тогда мне казалось это таким логичным. Просто взять билет неведома, куда сесть на самолет и улететь от всех проблем.

Я в который раз за этот вечер покачал головой,

Ты не покупала билет в конце августа, я проверял. Дальше что?

— Сняла квартиру. Удивительно на невыгодных условиях. Меня могли выселить, предупредив только за несколько дней, и я как то умудрилась подписать подобный договор подписать. — Супруга явно задевала профессиональная гордость. Она всегда внимательно относилась к документам.

— Ты скорее всего и не подписывала его вовсе, — утешил я ее.

Супруга выразительно посмотрела, на меня, но ничего не сказала. Нелегко, когда не знаешь, что на самом деле было или нет

— Хозяину кварты она потом внезапно понадобилась, сразу понадобилась, звонил на следующий день, после нашего с тобой разговора. Повезло, что подруга согласилась вместе снимать квартиру.

— На работе были какие-то странности?

Наташа задумалась:

— Ну разве только, что обычно туда опытных берут, но начальница согласилась взять меня лишь бы от нее отстали с просьбами родственницу устроить. Правда, потом жалела сильно. Увольнением грозились.

А вот и зацепка.

Подожди. Ты думаешь, это как то связано? — Наташа явно угадала мои мысли.

— Вполне возможно. Кто-то заставил ее взять тебя Наташа.

— И что ты предлагаешь, ворваться в кабинет к начальнице, прижать ее к стенке и спросить из каких соображений она меня взяла- В глазах Наташи плясала холодная ярость. Руки словно сжимались в воображаемом захвате на чьей-то шее. А ведь ей тяжелее, если я считал, что жена сбежала, прихватив собой ребенка, то она считала, нашу дочь мертвой. Более того ее заставили так считать, кто то стер ей память. На что способна женщина, с которой сотворили подобное?

Я покачал головой.

— Нельзя делать слишком резких движений. За мной следили там в Сочи, Наташ. Кто-то явно не хотел, чтобы мы с тобой встретились. Тот кто послал своих людей ждать меня у квартиры.

— Аня... — Наташа вздрогнула как будто ее ударили.

— Аня, кстати тоже думала, что я тебя убил и закопал под кусточкам, приходила ко мне поговорить. Убедиться такое я сущее зло прикончившее ее лучшую подругу.

Но Наташа, словно не замечала моих слов.

— Аня умерла, Кирилл у меня на глазах. Ее сбила машина. И кажется, я теперь понимаю почему.

Я пораженно уставился на супругу. Значит, лучшая подруга Наташи все-таки смогла ее найти, и добралась, гораздо быстрее меня.

— Она должна была тебе рассказать. Она знала, что тебя ищут, ее даже в полицию

вызывали.

Мне казалось, Наташа сейчас вновь расплачется. Самообладание опять вновь покинула ее.

Я не хотела слушать. Не хотела с ней разговаривать, считала, что она предала меня, бросила в самый трудный момент. Я ненавидела ее за это Кирилл. А, сейчас понимаю, что все это не правда, — Наташа тяжело вздохнула, смахнула рукой не упавшие слезы. — Мы договорились встретиться попозже, после тренировки. Я хотела все ей высказать, все что накопило за это время, а она оказывается, хотела мне все рассказать.

Положил руку на плечо Наташи, хоть как-то пытаюсь ее утешить, слов не было. Мысли бешено мчались по совсем другому направлению, далекому от сожаления от чувств моей супруги. Один человек, который мог рассказать Наташе об Аленке, умер, и мне бы не хотелось стать следующим.

— Кто был с тобой, когда ты пересеклась с Аней? — холодно спросил я.

— Коллеги Маша с Мариной, — сказала Наташа, поглощенная своей скорбью по погибшей подруге. Но мне было ни до этого, кажется, я почти понял.

— А когда я тебе звонил? — Я помнил какой-то недовольный женский голос, заставивший Наташу прервать разговор.

— Марина. Мы как раз собирались домой. «Меня немного накрыло» после твоей фразы где моя дочь. Я думала, ты все еще обвиняешь меня, и положила трубку.

— Нет не положила, — покачал головой, я уцепившись за неожиданную зацепку. — Ты переспросила, какая еще дочь, и я ответил, что та самая которую мы из роддома забирали, на что ты заявила, и тебя прервали.

Наташа покачала головой:

— Я помню иначе. — возразила жена, еще не осознав, что только сейчас мы выяснили.

— Кажется, мы с тобой, наконец, то нашли ответ, на вопрос, кто за этим стоит. Марина давно работает в вашей фирме?

— На несколько дней раньше меня. Мы пришли почти в одно время, — сказала Наташа, все еще по-прежнему не понимая, что ее коллега устроилась в эту фирму только из-за нее.

— И вы снимаете вместе квартиру? — спросил я, хотя был уверен в положительном ответе

Наташа кивнула.

Идеальная позиция.

— Ей это зачем? — тихо, почти шепотом почти шепотом произнесла моя жена, руки прижаты в груди. Ей так не хочется верить в причастность своей новой подруги, так не хочется верить в то, кто-то воспользовался ее доверчивостью. Но мне некогда проявлять сочувствие, я смакую свою разгадку, и судорожно пытаюсь решить, что делать. Когда женщина растеряна, мужчина должен думать, что делать.

— А вот это уже нужно у нее спросить. И спросить аккуратно. Нельзя выдать раньше времени, что ты знаешь, что на самом деле происходит, нужно вести себя как обычно, иначе я могу оказаться на месте твоей подруги, а тебе вновь сотрут память, и ты даже не вспомнишь, что мы с тобой разговаривали.

Что ж пора разрабатывать план. Но телефон издал сигнал, и моя супруга отвлеклась на мобильник, ей пришло сообщение, на которое она спешит ответить.

— Хахаль твой? — в положительном ответе, я не сомневался, просто хотелось показать свое недовольство, в конце концов, она моя жена.

— Вадим спрашивает все ли нормально, — жена подняла на меня свои голубые глаза. — Я не ответила на сообщение. Аккуратненькие наманикюренные пальчики тут же начали набирать ответ.

— Пора это прекратить, — категорично заявил я.

Наташа повернулась ко мне.

— Ты же сам сказал вести себя как обычно. Марина удивится, если я с ним резко порву с ним.

Я смотрел на жену, какая слабая отмазка.

— Я не потерплю ваших встреч.

— Больше их и не будет, — мне показалось, в голосе жены скользнуло сожаление.

Повисло молчание, неприятное, вязкое, которое так хотелось разрушить:

— Ах да совсем забыл. — Моя рука нырнула в карман. — И я протянул Наташе телефон идентичный том, который был у нее в руках с одной маленькой разницей царапиной на корпусе.

— Твой мобильник.

Наталья Серикова:

Получается, это Марина, тот самый человек, который с самого начала мне помогал, который столько поддерживал. Мне не хочется верить, но в тоже время мы нуждаемся в какой-то зацепке. Хоть каком-то следе, чтобы найти Аленку, Мы найдем тебя дочь, и тогда все будет как прежде. Еще бы мне вспомнить, что было прежде.

Кирилл смотрит на меня с нежностью, но я не могу ответить тем же. Слишком хорошо помню, как эти самые губы произносили, что он меня ненавидит, что никогда не любил, слишком свежо в памяти как эти глаза смотрели на меня с отвращением. Слишком долго, я думала над тем, что случится, если он меня найдет. Даже зная, что все ложь, я никак не могу внушить, что этого никогда не было. И смотря на него меня все не покидает мысль, если сны о ребенке, правда, то как мне быть со сном, в котором Кирилл меня убивал? Было ли это только воспаленной фантазией измученного мозга, или чем то большим?

Но если я хочу найти дочь, мне нужно стараться научить вновь, доверять собственному мужу. Но меня не покидают мысли, что же будет, когда это случится? Сможем ли мы стать семьей? Я видела сердитый взгляд мужа, когда писала ответ Вадиму. Сможет ли Кирилл простить мне эту мимолетную интрижку? Ведь я действительно была уверена, что между нами все кончено, не будет ли он меня попрекать ею?

И что собственно мне делать с Вадимом? Как забыть все эти дни проведенные вместе ночи. Как сказать, что все кончено? Я верная жена, и мой долг быть рядом с мужем. Вот только долг, не любовь. Быть может у нас все будет снова хорошо с ним, и когда-нибудь я вычеркну из памяти другого мужчину, и смогу вновь полюбить супруга, и тогда все будет хорошо, по крайней мере, мне хочется в это верить, даже когда сердце так предательски щемит в груди. Так правильно, а я всегда поступала правильно.

Наталья Серикова:

«Сегодня» встретимся?»-всплыло на экране телефона. Я на секунду прикрыла глаза, Вадим не первый день закидывал меня сообщениями.

«Много работы»-ответила, единственная вразумительная причина, которую я смогла придумать.»

«Может быть к черту эту работу?» — Он как всегда был в своем репертуаре. Вот только, что мне ему ответить? Как объяснить произошедшее?

«Я думала, но от него пришло новое сообщение: «Все хорошо?». Я покачала головой, и начала набирать.

«Все сложно, мне нужно немного подумать.» В этом ответе я ни грамма не солгала, мне нужно подумать Вадим, как именно расстаться с тобой, чтобы ты не приехал, и не открыл Марине, что что-то изменилось. А зная тебя, ты не сможешь отпустить меня спокойно, также как и мне сейчас сложно это сделать самой. Но как только я верну дочь, я смогу это сделать, я найду в себе силы забыть тебя, чтобы ты для меня не значил.

«Может я все-таки приеду?»

Вадим как всегда настойчив, он не умеет сдаваться, он отлично знает, как действует на меня его присутствие. А ведь он скоро потеряет терпение и приедет сам. Так легко оборвать эту связь одно единственное сообщение, и все будет закончено, но я так и не решаюсь его набрать, и не только потому что не могу сказать, что встретила с мужем. Убила бы того, из-за кого все так случилось.

«Не нужно», — лаконично ответила я, и убрала телефон.

Сейчас надо сосредоточиться не на любовных переживаниях, а на воплощении нашего с Кириллом плана в жизнь. Я тщательно слежу за своей подругой подмечаю любую мелочь, ищу какое-то подтверждение нашим догадкам, пытаюсь понять, как она могла на такое пойти. Она попрежнему красила меня на работу, укладывала волосы, всегда готова выслушать и поддержать. Идеальная подруга, не так ли, мечта любой девушки?! Вот только искренне она или это просто игра? Потому что она действительно могла подобное со мной сделать, ее жених ученый- фармацевт, мало ли чего он мог изобрести. Я могу сколько угодно гадать, но есть только один способ узнать все наверняка.

Все тщательно продумано, все детали взвешены, все мелочи учтены, ошибиться никак нельзя. Говорят все женщины, актрисы, вот и сегодня мне нужно сыграть свою роль, только наказание за провал — жизнь. Кирилл несколько сомневался хватить ли у меня духу пойти до конца.

У себя в комнате, я услышала, стук входной двери, и приготовилась к началу спектакля. Марина вернулась из магазина, я слышала топот ее приближающихся шагов. Передо мной открытый нараспашку чемодан с наспех брошенными в него вещами. Их главной задачей является прикрывать его самое главное содержимое: пистолет и электрошокер, и я очень надеялась, что первым воспользоваться не пришлось.

Марина заглянула ко мне в комнату.

— Ты не видела Женю?

— Нет, — тихо произношу я, голос немного дрожит, совсем немного, так нужно для грядущего представления, на котором жених Марины лишний зритель. Впрочем, Кирилл

обещал найти, чем его развлечь, и у меня есть пара часов.

— Нет, наверно где-то застрял в пробке. На самом деле я знаю, Жениха Марины отвлекает Кирилл. Мне же не нужен лишний свидетель, особенно, если мы ошибаемся.

— Что-то случилось? — в голосе подруги послышалось легкое замешательство, я повернулась к ней, давая возможность увидеть свои покрасневшие от слез глаза, почти собранный чемодан. — Малышка жива, Марин, и я еду к ней, — на глазах наворачиваются новые слезы, даже сейчас, играя заранее отрепетированную роль, я не могу спокойно говорить о дочери.

— Как такое возможно? — с ее губ сорвался законный вопрос, тот на который и я сама хотела получить ответ, когда Кирилл мне сказал о ребенке. Такая естественная и правильная реакция, к которой я не могу подкопаться.

— Вадим сделал мне предложение. Я позвонила Кириллу, чтобы потребовать развод, но он сказал... — и я замолчала сверля подругу взглядом, она растерялась, но через мгновения собралась.

— Наташ, так не бывает, сказала мне Марина, смотря на меня с жалостью. — Ты сама мне рассказывала, что произошло.

Я на секунду опустила глаза. Марина как никто другой знала, что значила для меня дочь, и чего мне стоило пережить потерю ребенка, разве она могла бы так со мной поступить? Заставить меня считать, что моя малышка умерла, так и не появилась на свет и не сделала свой первый вздох? Ведь это самая наивысшая жестокость, могла ли марина сотворить со мной подобное? Заставить верить в предательство любимого мужа. Могла ли именно она разрушить мою жизнь, а потом сочувственно смотреть и говорить, что нужно жить дальше.

— Я видела твою выписку собственными глазами. Преждевременные роды. Внутриутробная гибель плода. Там не было шанса на врачебную ошибку.

Я с трудом промолчала, что эту выписку она дала мне сама. И как я раньше не догадалась? Именно она подсунула мне ее, именно она убеждала поскорее вычеркнуть из памяти случившуюся трагедию и жить дальше, и старательно держала от всего, что могло мне помочь вспомнить дочь. Не отрывая взгляд от так называемой подруги, рукой я нащупала электрошокер и приготовилась.

— Ты уверена, что Кирилл не лжет? — сказала подруга, явно заметив, мрачную решимость на моем лице. — Может быть тебе просто так хочется в это верить. — и этой фразой Марина точно попадает в цель, мне слишком хочется верить в возможность вернуть дочь, и ради этого я готова на все, в том числе и на самое страшное.

— Наташ, ты уверена, что он тебе ничего не сделает? — с тревогой спросила она, как будто действительно за меня беспокоилась. — Вы плохо расстались, может быть это ловушка.

Ее голос звучит убедительно, и не знай всей правды. Я бы наверно поверила подруге, и не стала бы влезать в подобную авантюру.

— Я должна попробовать Марин, — безапелляционно заявила я.

— Наташа, Наташа- покачала головой подруга, явно не согласная со мной, но так и не находящая никаких аргументов для спора. и Марина кивнула, в знак понимания. Наступило молчание, я ждала, что она будет еще принимать попытки как-то меня отговорить, сделает хоть что-то чтобы меня остановить, но она продолжала стоять в дверном проеме, и смотреть будто совершаю самую большую ошибку в своей жизни. Быть может, мы с Кириллом

ошиблись? А выписка, из роддома вполне могли прислать не мою, не зря мы нашли там несколько серьезных ошибок, а Марина, как и я не поняла это сразу, но что мне тогда делать с моим дурацким спектаклем? Сказать, что передумала? Я отвернулась и продолжила собирать вещи, по крайней мере, делать вид, что собираю. Такого поворота событий я не предвидела

А подруга продолжала стоять у меня за спиной, так и не сойдя с места. Я слышала, как часто и встревожено она дышит, Марина подошла ко мне, положила руку на плечо — такой замечательный жест поддержки, вот только и вместе с теплом ее кожи я ощутила и холод иглы. Одно мгновение, и подруга отлетела от меня и грохнулась на пол, я все-таки успела применить шокер. Медленно подошла к лежащей без чувств Марине, опустилась на колени, и обнаружила в ее зажатой руке шприц. Вот сучка. Повезло, что вовремя среагировала

Оставалось только затащить ее неподвижное тело на кровать, и связать по рукам и ногам. Последнее не проблема, веревка заготовлена, а изголовье кровати кованное, такое же как и у кровати самой Марины. Слишком удобное для подобной цели, или и это было специально? Марина так тщательно осматривала каждую подходящую квартиру, когда мы искали жилье, придиралась к малейшим мелочам, может быть потому, что у нее уже было заготовлено подходящее место? Ведь на эту квартиру она согласилась мгновенно и без споров. Да и хозяин моего прежнего жилища позвонил на следующий день после моего разговора с Кириллом, именно тогда, она решила, что потребуется более тщательной слежки.

Пришлось подождать несколько минут, когда подруга открыла глаза. Я улыбнулась, в ее глазах было удивление, она оглянулась, совсем еще ничего не понимая, попыталась рукой потянуться до затылка, но обнаружила, что была привязана.

— Ну здравствуй, дорогая подруга, — сказала елейным тоном. — Я полагаю. Нам есть, что обсудить.

— Наташа. Что ты делаешь? Отпусти меня, — девушка отчаянно дергала за веревки. Как муха угодившая в паутину. — Что на тебя, в конце концов нашло? Это ни капли не смешно — повисла она голос.

Да уж с тем. Что это не смешно я была полностью согласна.

— Где моя дочь, Марин?

— Мертва, — произнесла она, и сердце словно рухнуло вниз, руки задрожали, именно этого ответа я и боялась услышать.

. — Преждевременные роды, ребенка не спасли, — продолжила пленница. — Ты сама знаешь — врет она напропалую.

— Уверена? А это как я понимаю, витамины?! — Я приподняла оброненный ею шприц, так, чтобы она видела.

— Успокоительное, — ответила она, прикусив губу — Ты была не в себе. И я испугалась. — Это звучит так убедительно, искренне, Марина гениальная актриса, вот только ее спектакль мне уже явно поднадоел.

— Знаешь, я очень любила дочь, так ждала ее появления, столько переживала. А ты так любишь своего Жениха. Так может твоя любовь за мою? Или ты не догадалась, почему отсутствует Женя? — Я смакую эти слова, наслаждаюсь тем, как от ужаса у нее округляются глаза. Передо мной человек разрушивший мой мир, и скорее всего убивший мою лучшую подругу, и сегодня я собираюсь платить по счетам. — Видишь ли я готовилась.

— Тварь! Не смей его трогать! — закричала Марина. «тварь» это хорошее определение

для нее самой. Кем надо быть, чтобы отнять ребенка у матери и заставить ее поверить в его смерть?! По сравнению с этим даже разрушенное семейное счастье нечто.

— Я не знаю, — сказала она, в ее глазах застыл страх, — Мне велели ли следить за тобой.

— Следить и убирать тех людей, которые могут мне рассказать правду?

Она молчала, признаваться было не в ее интересах. Но ее молчание лишь подтверждало, что я права.

— Зачем, все это? Зачем вам понадобилась моя малышка? — Голос предательски задрожал, а глаза наполнились слезами. Но сейчас не время показывать слабости.

— Нам она вовсе была не нужна.

И эта сказанная ею фраза выбивала у меня из колеи, но Марина продолжала.

— Это эксперимент, — коротко сказала она. Как будто этих двух слов было достаточно для объяснения.

— Какой еще к черту эксперимент? — Это никак не укладывалось у меня в голове.

Мы тестируем технологию, позволяющую изменять воспоминания.

— Но почему я?

— Ты идеально подходила под критерии, установленные заказчиком. Говорят, мать никогда не забудет своего ребенка?

Ее глаза заблестели, а щеки запылали. На секунду на ее физиономии промелькнула непонятная для меня гордость. Ну да, я же забыла, а значит, их эксперимент удался.

— Женя, как я понимаю, изобрел препарат, — я не спрашивала, была уверена в этом. Именно Марины, несмотря на положение на секунду улыбнулась. Для нее это определенно успех. И даже живя со мной, лично "подруга" не задумывалась о его цене. Все ее показное сочувствие было игрой, Марина не лгала лишь тогда, когда рассказывала о любимом. Ее глаза были полны восхищением.

В памяти всплыло, как еще недавно я уважительно относилась к Жене, человек спасает жизни людей, наверно ищет лекарства от рака. Со всем позабыв о том, что не все изобретения созданы для человеческого блага, атомная бомба тому пример.

И вряд ли Марина с Женей, окрыленные возможным успехом думали о моральной стороне вопроса. Даже сейчас Марина не пыталась молить о пощаде, не заявляла, что ее заставили, ее вел только холодный расчет, что я сдержу обещание. В конце концов, она узнала меня за эти несколько месяцев, и считала неспособной на жестокость. Знала бы она правду, почему мы сней просо разговариваем.

— Подождала бы месяц, Наташ, эксперимент бы закончился, и тебе вернули бы ребенка. Ни к чему все это, ни к чему, Совсем немного надо было потерпеть. Давай, я сделаю вид, что ничего не было? — великодушно предложила она.

Я не могла понять, она шутит или она это говорит на полном серьезе? Действительно верит, что я могу сделать вид, что ничего не было, что могу простить? За время нашего знакомства она не успела выяснить, последнее не входит в список моих талантов. Я не дура, я отлично понимаю, что было в итоге меня ждало через месяц, темный холодный подвал, и выстрел в висок. Лабораторные мыши живут недолго, тем более отработанные экземпляры. Интересно может, поэтому ей так не понравилось, что мною увлекся Вадим? Вряд ли он бы позволил так просто от меня избавиться.

Так много вопросов, вот только, Марина на них может и не ответить. Она лишь пешка в этой игре, а время, выигранное для меня Кириллом, истекало:

— Ну и на кого вы работаете? — и это а самый важный вопрос.

Она поморщилась и явно не торопилась отвечать. Ответ ей может дорого аукнуться.

— Сергей Петренко, — все-таки произнесла она.

— Если имя не совпадет, с тем, что скажет твой любимый, он умрет, Марин. — Я потянулась за телефоном, но она тут же исправляется:

— Андрей Кравченко, — шумно выдохнула она. — Это Андрей Кравченко.

Даже сейчас она не смогла удержаться от попытки солгать, впрочем, все наше общение начиная с первого дня сплошная ложь. Но все это будет вскоре совсем не важно.

Вопросов у меня больше не было, и в комнате повисла звенящая тишина. Я рылась у себя в памяти, но имя Андрея Кравченко, мне ни о чем не говорило. Но скорее всего моя малышка находится у него или по крайней мере наниматель Марины должен знать о ее местонахождении, зачем — то он же забрал моего ребенка.

Марина лежала на кровати и ждала, когда я оглашу ее участь.

— Я ничего плохого не делала, — сказала она, всхлипывая, расчетливо решила, что именно сейчас когда над ее головой и возник меч палача настало время каяться. — Лишь то, что приказывали.

Я ничего не сказала по поводу ее очередной лжи, хотя быть может, убийство, и вранье для нее и не является плохим.

— Я тебя отпущу тебя, все-таки мы дружили. — мой голос звучал ровно. Ни грамма настоящих эмоций. Ложь, ложь, и ничего кроме лжи, поверь, Марина, я достойная твоя ученица. Лучше всего работает то вранье, которое хочешь услышать. — Вы уедете с Женей и никогда сюда не вернетесь.

Я вышла из комнаты и позвонила Кириллу. Ему можно уже скоро завершать свое представление перед Женей. Тот даже не подозревает, что с его любимой что-то случилось, и наверно уже предвкушает, как будет рассказывать ей о том, как к нему пристал какой-то странный тип, на которого пришлось убить кучу времени. Нам с Кириллом пора уже готовиться к финальному действию.

Я отправилась развязывать подругу, медленно разрезала веревки ножом, так не хотелось этого делать. Сейчас я должна освободить человека виновного в гибели моей лучшей подруги, нужно действовать по плану. Марина потирает запястье, на ее лице видно явное облегчение.

Я предупредила ее о возможных последствиях побега, о том, что будет, если не позвоню вовремя своему сообщнику. Она быстро накинула на плечи шубку, взяла в руки сумку, даже не просила дать ей время собрать вещи, скорее всего, она понимает, что одежда и безделушки это ничто по сравнению с жизнью. Не исключено, что Марина все еще надеется вернуться в квартиру. В любом случае стоит быть внимательной.

«Бывшая подруга» скривилась и поджала губы, когда увидела, как я положила пистолет в карман, как будто неприятно удивилась подобному недоверию.

Мы вышли из квартиры, я крепко держала ее за руку, упирая в спину электророзжигалку, чтобы Марина не вырвалась и не сбежала. Но она не делала никаких попыток, наверно слишком обрадовалась, что выйдет сухой из воды. Напротив, вела себя так, как будто мы вышли на обычную прогулку, просто куда-то спешим. Как будто бы ничего не изменилось, все тот же любимый маршрут, цокают каблук, так любимые нами шпильки, и на обратной дороге надо непременно заскочить за продуктами в магазин. Мы почти дошли до парка, оставалась, только перейти дорогу, и я набрала Кириллу.

— Отпускай, — коротко сказала ему, повернувшись к Марине.

— Женя ждет тебя там.

Зря ты делаешь, это Наташ, — бросила она, и довольная и счастливая, что так выкрутилась легко из ситуации, совсем позабывшая, что на чужом несчастье, счастья не подстроишь.

— Не зря, — тихо произнесла я вслед Марине.

Вот она спокойно шла по дороге, но неожиданно замерла на середине пути от ужаса, заметив, как на всей скорости на нее мчится черная иномарка, а через мгновение я услышала ее пронзительный крик, от столкновения с машиной ее подкинуло в воздух, протащило по капоту, и она грохнулась на дорогу. Бесчувственная и недвижимая, но автомобиль сдал назад, и я на секунду прикрыла глаза, отлично, зная, что сейчас произойдет. Представила, как трескаются ребра под колесами, каково ей это, еще живой, но уже без шансов на выживание. Автомобиль уехал прочь, оставляя за собой неподвижно лежащее переломанное тело. Даже с расстояния видно, она мертва. Я пошла поближе. Тело изломлено, но лицо не пострадало. Даже сейчас Марина казалась такой красивой гладкая кожа блестящие волосы. Правильные черты лиц. Красивая, и такая лживая.

— А это тебе за Аню, сучка прошептала я. — Я же сказала, что отпускаю тебя из-за дружбы, вот только ее никогда и не было, была только ложь. И я тоже солгала, что просто отпущу ее.

И сейчас еще один последний аккорд, последнее выступление теперь перед Женей. Я набираю его номер:

— Марина... — мой голос как положена дрожит, надеюсь, ему хорошо слышны мои всхлипывания.

— Что случилось, Наташ? — удивленный голос, Женян еще не понимает, что случилось беда.

— Марину сбила Машина. Она лежит и не встает.

— Ты в скорую звонила? Где вы?

Женя торопливо записывает адрес.

А вот теперь уже можно вызывать машину скорой помощи и ждать и хнаслаждаться на результатом нашего совместного с Кириллом труда. Пришлось поломать голову как избавиться от Марины, при этом не навлекая подозрения от себя. Интересно успела ли понять Марина, что именно она подарила мне эту идею. А муж нашел исполнителя, который сейчас будет торопиться избавиться от машины. И никаких улик и следов, ведущих к нам, это несчастный случай, простая случайность, по крайней мере так должно казаться со стороны.

Женя и белая машина с красным крестом приезжают одновременно, Женя успевает увидеть как девушку, которую он так любил, соскребают с асфальта, как ее тело перекалывают на носилки, а медики могут констатировать лишь смерть. Жених Марины торопливо спрашивает, куда ее везут, будто бы что-то может сделать, будто его таланта хватит, чтобы воскресить ее из мертвых.

Наконец, он замечает меня:

— Я отвлеклась на звонок, как вдруг откуда-то выскочила эта машина, — выдавливаю я из себя сквозь рыдание.

Кажется, я проклята. Вначале Аня, теперь вот Марина.

Понимаю, что это прямая подсказка, но удержаться не в силах. Женя положил мне руку на плечо. Ему плохо и тяжело, он пытался собраться, искал какие-то слова.

— Мы найдем виновника, — произносит Женя совершенно пустым голосом, смотря на то место, где только недавно лежал труп его невесты. Эх, знал бы он, что виновником мы уже нашли. Знал бы он, насколько сложно было Кириллу спокойно разговаривать с ним. Но Женя не знает, и это лучший вариант. Ведь все это не из-за мести, мы просто хотим вернуть своего ребенка, такое нормально абсолютно естественное желание.

Кирилл Сериков:

Наташа смогла вырваться из дома для встречи. К моему большому сожалению, Женя не торопился покидать ее квартиру, говорил, что ему надо прийти в себя после гибели любимой, но мы оба понимали, что он будет следить за моей женой, вместо Марины. Вот только следовать за ней везде он не сможет.

Тем не мене расслабляться нам не стоило, нужно проявлять осторожность. Жене приходилось трудно, сложно жить в одной квартире с человеком, который по своей прихоти может изменить твои воспоминания, при этом никак не выдать свое истинное отношение к нему, выражать сочувствие. Была бы моя воля, я бы забрал жену. Но пока жив Андрей Кравченко, нормальная семейная жизнь нам с Наташей не грозит. Это человек организовал похищение моей супруги вместе с ребенком, пытался подставить меня. Именно его люди угрожали Олегу Иванову. Богат и влиятелен, все время окружен охранниками. Обычно это не проблема. Вот только не в нашем случае. Мне нужно не только его убить, мне нужно выяснить, где находится моя дочь.

Моя супруга сидела на кровати, забравшись туда, вместе с ногами, обнимая колени, лицо встревожено. Она отлично понимала, что впереди не самый легкий этап. Андрей Кравченко, это не какая-то секретарша, это человек с огромными связями, в том числе и преступными. Что может ему противопоставить мелкий предприниматель?

— Кирилл, — начала нерешительно моя супруга, — Мы не справимся.

— Ты не хочешь вернуть дочь? — Неужели супруга действительно готова отступить.

— Конечно, хочу. — горячо заявила она. От меня не укрылось, что на мгновение она прикусила губу, значит, собирается сказать нечто неприятное. — Но мы не справимся, может привлечь Вадима? Я уверена, он поможет.

Она настойчиво смотрела на меня, взгляд полон надежды, но я лишь помотал головой.

— Его помощь нам не нужна. — Мой голос звучит безапелляционно. — Я справлюсь.

На самом деле мне нужна помощь, очень нужна, но уж точно ни от того, кто чуть не увел у меня жену. Я не хочу быть ему обязанным, как не хочу, чтобы Наташа была должна что-то ему. И дело даже не в том, что я не уверен в супруге. Я отлично знаю такой тип людей, уж своего он точно не упустит и полностью възьщет за помощь.

— Нам нужны деньги. Я обращусь к родителям, наших может и не хватить. — Это единственное, что я могу сказать жене о своем плане. Я не хочу, чтобы Наташа знала всю правду обо мне, даже с учетом последних событий. Она ничего не сказала о том, что я легко согласился на ее план мести Марины, ни к чему ей знать, что подобное мне не впервой. Как и не к чему задумываться какую цену нам придется заплатить для того, чтобы вернуть дочь.

— Может быть, получится хоть немного за это выручить. — Наташа сняла браслет с руки и цепочку с кулоном и протянула мне. Она даже не представляла, что стоили подарки Вадима весьма-весьма прилично, но как всегда не интересовалась подобным.

Наташа пыталась помочь, чем могла, поэтому я послушно взял украшения, что поделаешь,

Наташа накинула пальто, берет в руки сумку. В комнате еще стоит запах корицы и булочек, которые она мне принесла. Ей уже пора возвращаться.

— Тебе не страшно оставаться там? Мало ли что этому экспериментатору придет в

голову.

Она покачала головой:

— Я справлюсь, — говорит она таким же тоном, как и я. — Главное, чтобы у тебя все получилось.

Я крепко обнял жену на прощание, вдохнул сладкий аромат ее духов, легко коснулся губ, кто знает, когда мы увидимся в следующий раз.

А сейчас пора заняться обдумыванием плана. Что ж опыт какой-то у меня есть. Главное, изучить ежедневный маршрут Кравченко, и найти помощников, один я не справлюсь. Меня подгоняла мысль, что срок эксперимента уже истекает, и чем дольше я тяну, тем ближе для Наташи возможная гибель.

Наконец, был намечен день операции, покидая свою квартиру, я отправил супруге сообщение:

«Началось».

Наталья Серикова:

Ожидание одна из страшных вещей, особенно когда ничего не можешь сделать, только отчаянно молиться, чтобы с мужем ничего не произошло. Все-таки нужно было попросить Вадима помочь, нет, я послушалась супруга, руководствующего своей глупой гордостью больше, чем здравым смыслом. Вадим бы помог, он, как никто, знает, на что можно пойти ради собственного ребенка.

Но вместо этого я сидела на старой скрипучей кровати, на съемной квартире Кирилла и вздрагивала от любого постороннего шума. Казалось. Сейчас заскрипит ключ в замке, откроется дверь, и за мною придут. Вколют какую-то очередную гадость, и перед тем как отключиться, узнаю, что мой супруг мертв.

Я крепко сжала сумку с вещами. Кирилл сказал брать только самое необходимое: деньги и документы, чтобы мой тюремщик Евгений ничего не заподозрил раньше времени. Остальное купим по дороге, в том числе и вещи для ребенка.

Ногти впились в ладони чуть ли не до крови, я с томлением в душе наблюдала, как медленно движутся стрелки на часах. Если Кирилл не явится через полчаса, значит, все кончено.

Я напряглась, услышав, как открылась входная дверь. К счастью, через несколько мгновений в дверном проеме показался Кирилл, и я облегченно выдохнула. Уставший, замученный, но, главное, живой.

— У него не было ребенка, — тихо произнес Кирилл, отвечая на не вопрос, который я еще не успела задать и сел на стул. — Малышка у заказчика.

Я молча кивнула. Хотелось уже обнять своего ребенка, но, к сожалению, нас ждала еще работа. Марина что-то говорила про заказчика, но я так и не могла понять, если им была нужна я, зачем забирать новорожденного младенца, не легче ли его оставить у отца?

— Кто заказчик? — спросила, не для того, чтобы узнать, а скорее нарушить звенящую тишину, Слишком не нравилось мне пораженческое настроение супруга который свесил голову на спинку стула.

— Белецкий, — сказал он, так и не подняв головы. — Очередной богатый мужик, который считает, что может творить что хочет.

Фамилия показалась на удивление знакомой. Я где-то слышала ее, точнее, видела. Может быть, в новостях или в газете? Я ощутила головокружение, как будто пол уплывал из-под ног.

— Все хорошо, Наташ? Мы найдем ее, обещаю, — голос Кирилла долетал, будто сквозь пелену.

«Белецкий очень нужный нам деловой партнер, — говорила мне начальница перед заключением договора в тот день когда Вадим пожаловал ко мне на работу. — Важно его не упустить»

Стало тяжело, меня всю колотило. Невозможно. Не мог сотворить подобное, это какое-то дурацкое совпадение. Разве может человек смотреть с таким огромным сочувствием, когда моя дочь находится у него, разве можно настолько лгать? Так не хочется верить, но и в причастность Марины я тоже не хотела верить по началу.

Неужели такое романтическое знакомство на поверку оказалось всего лишь красиво сыгранным спектаклем, впрочем, как все остальное? Отношения, казавшиеся такими идеальными, оказались лишь частью эксперимента. А ведь Марина, не смотря на отсутствие моральных ценностей, пыталась меня предупредить, она говорила, что мне будет плохо, и больно, но я не предполагала насколько. Все эти дни, все эти ночи, проведенные вместе, все это было ложью. Он был близко лишь для того, чтобы удостовериться, что технология работает.

— Наташ, — Кирилл явно заметил, что что-то не так. Но я не могла признаться ему в своем внезапном открытии, настолько это было подло и низко.

Муж подошел ко мне, крепко обнял, провел рукою по волосам, так приятно уткнуться носом в его шею, знать, что этот человек всегда будет рядом и никогда не предаст. Такой родной и любимый, и как всегда надежный.

— Завтра, мы подумаем, что будем делать завтра, — произнесла я, отстранившись от мужа. В который раз за последнее время я лгала. Никакого завтра не будет, нужно действовать сегодня, пока Кирилл еще не понял, что заказчик нам с ним знаком. Он не позволит заняться мне с этим самой, и не будет слушать, что меня без труда пропустят к Вадиму охранники, для него это не будет аргументом.

— Мне пора домой. — Крепко целую его, как будто это в последний раз, хотя кто его знает, может быть и так. Прости, любимый, но в этот раз я должна все сделать сама. Тебе не к чему слышать наш последний с Вадимом разговор, я верну нашу дочь, и все будет как прежде.

Сев в такси, я набираю номер Вадима, тяжело слушать его голос, приятный бархатистый, полный радости, оттого, что я позвонила, он кажется таким искренним, но я уже поняла, это очередная ложь. Он сам предлагает увидеться, и я покорно согласилась, никак не показывая, что сама хотела встретиться, любезно предложил отправить за мной машину.

Что ж есть время прихорошиться, выбрать самое красивое платье: темно-синее приталенное из летящего шелка, уложить волосы и сделать макияж и как финальное дополнение положить пистолет в сумочку. Нужно выглядеть идеально, потому что это явно конец нашей с Вадимом истории. Впереди финал и кому-то сегодня придется ответить за все.

Я прошла мимо, дежурящего у входа охранника, сегодня на посту Алексей, он коротко кивнул мне, уставившись в мониторы. Никакого досмотра, никаких формальностей, я была частым гостем этого дома, слишком частым на мой теперешний взгляд. Я знала всех, кто здесь работал, легко могла заглянуть в детскую, поболтать с няней, полюбоваться малышом, и Вадим был не против.

Я поднималась по лестнице, как будто по осколкам собственных разбитых надежд, медленно преодолевая каждую ступеньку, перед глазами всплывали воспоминания, те самые о которых лучше не думать, все его слова, оказавшиеся ложью. Но все это так не важно, это лишь мои личные обиды, важна только Аленка, главное, заставить Вадима вернуть ее. Оказавшись в коридоре, у двери в комнату, где меня ждал Вадим, сделала глубокий вдох. Он всегда ждал меня в этой комнате, в которой мы так любили коротать вместе вечера за просмотром какого-либо фильма или за разговором. Это комната, не смотря на огромный дом, в котором легко потеряться была нашим маленьким миром. И по какой-то иронии судьбы здесь все должно и закончиться. Я открыла дверь.

Вадим сидел на диване в расслабленной позе и смотрел местные новости. Камин, как всегда, жарко растоплен. На журнальном столике предусмотрительно два бокала и бутылка вина. Он поворачивается ко мне. Его губы расплылись в улыбке, которая тут же исчезла с лица, стоило мне только достать пистолет и направить на него.

В его глазах не было испуга, лишь легкое недоумение и непонимание происходящего.

— Где моя дочь, Вадим? — Несмотря на мои старания, голос предательски дрожал. Сердце бешено билось, пульс отдал в виски. — Здесь. Этажом ниже. Пятая дверь направо, — просто ответил Вадим, как будто я спросила нечто само разумеющееся. Я думала, он солжет, начнет говорить, что я ошиблась, что это какой-то бред, будет спорить. Я была готова ко всему, только не к этому честному ответу.

— Значит, ты догадалась, — коротко произнес он спокойным голосом, будто не на него сейчас было направлено дуло пистолета. — Если бы ты вспомнила, то и так знала бы, где дочь. А Кравченко говорил, что все предусмотрел.

Самое правильное сейчас это повернуться к нему спиной, не вступать в разговор, поскорее отправиться за дочерью, забрать малышку, и поскорее покинуть этот проклятый город. Это самое правильное решение, вот только я в силах поступить так.

Вадим внимательно смотрел на меня, он отлично знает, что я получила необходимую информацию от него, что даже сейчас я не в силах просто так уйти, я все еще хочу услышать достойное объяснение.

— Как ты мог Вадим? Зачем нужно было играть в любовь? — Слова сорвались с губ помимо воли, под шквалом копившейся во мне злости и обиды. Сердце требовало ответов, прежде чем я покину этот дом навсегда.

Я могла понять мотивы Марины, ее игру в самую лучшую и замечательную подругу, но никак не в силах осознать причины подобного поступка Вадима. Зачем? Зачем такая жестокость?

Он на мгновение прикрыл глаза, будто бы собираясь с мыслями.

— Это и не было игрой Наташ. Никогда не было. Помнишь, я говорил тебе, что многое отдал, чтобы мы встретились при других обстоятельствах? Ты тогда даже не

поинтересовалась, почему я это сказал. Я собирался встретиться с тобой пару раз, чтобы быть уверенным в результате, знать за что я плачу деньги. Но, даже убедившись, я никак не мог отказаться от встречи с тобой и завершить эксперимент. Я влюбился Наташ, и я же разрушил твою жизнь, — он горько усмехнулся. И в его глазах застыла невысказанная боль, и я с удивлением поняла, что не только одной мне больно.

Лучше бы он сказал, что просто использовал меня, это было бы проще и понятнее. Ненависть всегда проще и понятнее. К чему сейчас эти слова о любви? Тот, кто любит, никогда так не поступит.

— Почему именно я, Вадим? Почему для вашего эксперимента нельзя было взять никому не нужную бомжиху? Человека, которого никто не будет искать. — Этот вопрос будоражил меня давно с того самого момента, когда я узнало о происходящем от Марины.

— Плохую жизнь наоборот хочется забыть, а ты была счастлива Наташ. Вся светилась от радости, катая перед собой коляску.

И только в этот момент я поняла, что он видел меня до моей амнезии. Он сам когда-то сказал, что бывал в Сочи.

— Ты могла оторвать взгляда от малышки. Красивая приветливая девушка, которая не отказалась подсказать двум мужчинам дорогу до парка, даже не догадывающаяся, что стала предметом их спора, сможет ли она забыть дочь. А последствия можно легко исправить, повторно стереть девушке память, ничего сложного. А через несколько месяцев испытываемая получит щедрое вознаграждение на карточку, так и не поняв за какие труды. Все звучало, так заманчиво и сулило большие перспективы, кто бы из людей отказался от возможности менять воспоминания? Андрей слишком хорошо меня знал, знал какие у меня были проблемы, в том числе и с супругой. Ведь в Сочи я приехал за сбежавшей вместе с ребенком от меня Ольгой.

Я смотрела на него, как будто видела впервые, в моей голове не укладывалось, как можно было на такое спорить. Как я могла вообще влюбиться в подобного человека?

— Я оказалась внешне на нее похоже. Ведь именно ей ты готовишь подобную участь? Она тоже забудет своего ребенка? В этом и есть твоя любовь, Вадим? Ты внушишь ей, что то же самое что и мне.

— Ты оказалась похожа на женщину, которую я ненавидел, Наташ. Женщину, которая изменила мне и манипулировала мной с помощью ребенка. Ты казалась мне такой же, именно поэтому в тот солнечный погожий денек я посчитал себя вправе так поступить, и сделал ту роковую ошибку.

А Ольга же предпочла щедрые отступные, а ее слова, что она ни на что не променяет сына, оказались банальной ложью и бравадой.

Он сказал это так, как будто его это действительно расстраивало. Хотя скорее это задевало его самолюбие.

— Тогда к чему это все? Ради чего умерла моя подруга? Ради чего ты отдал приказ Марине убрать любого, кто может рассказать мне правду? — Мой голос звенел от эмоций, а рука, держащая пистолет, дрожала. Такой соблазн нажать на курок, вот только после подобного финта я вряд ли выйду живой из этого дома, а если подобное и случится, я никогда не увижу дочь.

— Марина никогда не работала на меня, Наташ. Она работала на Кравченко, поэтому я не могу здесь ничего сказать. Но, как я понимаю, смерть самой Марины не случайна?

Я промолчала.

Что ж понимаю, — он на мгновение опустил глаза, — Не мне тебя судить. Убери, пистолет, Наташ. — Если ты не выстрелила раньше, то не выстрелишь и сейчас.

— Почему? Потому что люблю? — я невесело усмехнулась.

Вадим лишь покачал головой.

— Потому, что хочешь вернуть дочь, — тихо произнес он, отрекаясь от всякой идеи, что после такого еще можно любить. И своим ответом, он попал в цель, он отлично понимал, ради дочери я могу пойти на все что угодно.

Он торопливо посмотрел в монитор, сжал губы, будто бы на что-то решаясь.

— Но мы еще можем быть вместе.

На секунду мне показалось, что я ослышалась. Именно эту фразу после всего произошедшего я меньше всего предполагала услышать.

— Неужели ты веришь, что это можно простить?

— Не простить, а забыть, мы перепишем нашу историю, и будем счастливы. Я могу удочерить Аленку, буду воспитывать ее как родную дочь. У нее будет все самое лучшее, ей ни в чем не будет отказа. — Он говорил уверенно, будто действительно верил в это. — Что может дать ей такого Кирилл, чего не могу дать я Наташ?

— Он хотя бы мне никогда не лгал, — ответила я. — Кирилл гораздо лучше тебя.

На губах Вадима возникла непонятная мне улыбка:

— В отличие от него я хотя бы никогда не убивал людей, — заявил он.

— Нам пришлось. Иначе бы не выяснили, где дочь.

Вадим удивленно посмотрел на меня:

— Ему это не впервой Наташ. У Кирилла богатый опыт в области убийств. И должен признаться, с Кравченко это была ювелирная работа, — Вадим внимательно посмотрел на меня. — Подожди ты, действительно, этого не знала? И никогда не задумывалась, откуда у него деньги на бизнес?

Этого точно не могло быть. Кирилл, мой милый любимый Кирилл, он не способен на подобное. Но в памяти тут же всплыло, как он быстро без колебаний согласился помочь мне избавиться от Марины, как тщательно он планировал операцию, чтобы устранить Кравченко и выведать у него сведения, где наша дочь. У него не было никаких сомнений никаких колебаний, будто происходящее действительно было для него привычным делом.

— Ты лжешь, — прорычала я, больше от злости, чем оттого, что была уверена, в том, что это неправда.

Вадим помотал головой.

— Нет, я не лгу. Или у тебя есть другое объяснение, что он делает у меня на крыше со снайперской винтовкой в руках? — Вадим вновь уткнулся в монитор. — Мои охранники были предупреждены о его возможном визите.

К моему большому сожалению, супруг явно не воспользовался советом подождать до завтра. Возможно, он тоже догадался о каком Белецком идет речь, а возможно все еще проще, он просто отправился следом за мной.

— Вопрос только в том, что с ним делать. Что делать с человеком, который собирается убить меня? — сказал Вадим таким тоном, как будто уже все решил.

— Ты этого не сделаешь, — я вновь приподняла пистолет.

Он лишь грустно улыбнулся, смотря на то, как я направляю на него оружие.

— Достаточно было просто попросить, — сказал Вадим, достал телефон и набрал номер. — Доставьте его ко мне.

Несколько минут мы простояли в звенящем молчании, пока охранник не приволок запыханного и взмыленного, закованного в наручники Кирилла. Под носом были видны кровоподтёки. Под правым глазом намечался синяк. Супруг пытался вырваться, и сыпал ругательствами.

— Ну здравствуй, Кирилл. — Вадим взирал на побежденного соперника. — Спасибо, что заглянул на огонек. Мы как раз с Наташей обсуждаем твою подработку.

Муж даже дергаться перестал, лишь только посмотрел в мою сторону, и прошептал:

— Наташ, я все могу объяснить.

Уж лучше бы он сдержался и промолчал. Я была уверена, что он опровергнет слова Вадима, но его заявление поставило крест на моих надеждах. Ужасало даже не то что мой муж убийца, а то сколько времени он обманывал меня. Еще один человек, который поступил со мной подобным образом.

Наверное, Кирилл заметил на моем лице, обуревавшие мной эмоции, и повернулся к Вадиму.

— Я просто сказал ей правду, — холодно произнес Вадим.

— А то, что ты сделал... — начал супруг. Я видела, как он рвался к Вадиму, как же ему хотелось ударить его?

— Мы с Наташей уже об этом говорили, — сказал хозяин дома. С появлением Кирилла Вадим изменился. Не было и следа, что у нас был личный тяжелый разговор, не было никакого намека, что он дался нелегко, передо мной сейчас стоял уверенный в себе мужчина, которого казалось, ничто не может пробить, никакого чувства вины, никаких признаков мучившейся совести, ничего, что могло бы показать, что слова Кирилла его как-то задевают. — Кстати, Наташ, ты можешь уже отправляться за дочерью, и сказать няне, собирать вещи. Если, конечно, ты не передумала, и хочешь остаться вот с этим. — Вадим выразительно посмотрел на моего супруга.

Я сделала шаг в сторону двери, но тут повернула голову в сторону мужчин. Можно ли их оставить наедине?! В глазах обоих была жгучая неприязнь к друг другу. Казалось, то стоит мне закрыть дверь, и они явно поубивают друг друга. Причем спокойствие Вадима настораживало меня гораздо больше, чем горящая в глазах Кирилла ярость, он-то был закован в наручники. Вадим мгновенно уловил мои мысли:

— Мы просто поговорим. Ни к чему портить твою встречу с дочерью дурацким мордобоем.

Кирилл послушно кивнул, и я отправилась за дочерью, со всех ног мчалась по коридору, потом вниз по лестнице. Сердце бешено билось в предвкушении встречи. Столько всего пришлось пережить, столько всего сделать, ради того, чтобы, наконец, увидеть своего родного ребенка. Ребенка, которого я даже не помнила.

Происходящее напоминало сон, сон, который я так боялась спугнуть. Тело казалось ватным, когда я прошла в детскую. И здесь Вадим не поскупился, по убранству она ничем не уступала спальне его собственного сына. Даже коляска была такая же. Я искала дочь взглядом. Но кровать была пуста. Няня в аккуратном нежно розовом, очевидно, форменном платье стояла, заслоняла собой пеленальный столик, с которого доносился младенческий лепет, показавшийся самыми прекрасным звуком на свете. Я подошла ближе и женщина, ухаживающая за моим ребенком, наконец, заметила меня, коротко кивнула и пропустила к дочери.

Она была больше, чем я видела на фотографии, очевидно, подросла с тех пор, такая

красивая взирала на меня своими огромными синими глазами и перебирала ножками и ручками.

— Я твоя мама, Аленка, — сказала я, проводя рукой по темным волосикам, все еще безуспешно пытаюсь вспомнить дочь. Но в моей памяти не было ничего кроме фотографий и обрывочных снов. Я не помнила дочь, не помнила ни ее рождение, ни того, как впервые взяла в руки, на месте этих воспоминаний была зияющая дыра, требующая того, чтобы ее заполнили. Но, несмотря на эту пустоту, я точно знала, что ребенок, лежащий передо мной мой.

Аккуратно взяла ее на руки и прижала к себе. Ощутила непривычную тяжесть и тепло детского тельца, ведь это — не сон, я впервые (а скорее всего не впервые) держу на руках свою дочь. Уткнуться в ее лобик соленными от слез губами. Сердце бешено билось от понимания, что это не сон, не плод моего больного воображения, это настоящий живой ребенок, выстраданный и такой заслуженный ребенок, ради которого я столько всего пережила. Малышка доверчиво свесила голову на плечо. Мне казалось, я могу вечность так стоять и слушать ее дыхание.

Няня что-то торопливо рассказывала мне о том, как готовить детскую молочную смесь, об уходе за ребенком, о массажах, сделанных прививках и о прочих мелочах, попутно паковала вещи ребенка. Я с трудом пыталась вникать в ее слова, все мысли были заняты ребенком, которого я держала на руках. Ребенком которого я когда-то похоронила.

В детскую один за одним зашли Вадим с Кириллом. Кажется, им получилось о чем-то договориться, по крайней мере, Кирилл уже был без наручников.

— В качестве компенсации я дам вам десять миллионов, — произнес он.

— Пятнадцать, — поправил его, Кирилл, всегда любивший поторговаться. Коммерческая жилка не изменила ему и здесь.

Мне же самой почему-то стало тревожно. Хотелось, сказать мужу, откажись от этих денег, главное, чтобы он нас отпустил.

Вадим и глазом не моргнул.

— Хорошо, — кивнул он. — В расчете? — взгляд устремился на меня.

И как он себе это представляет? Так хотелось крикнуть, верни мне то, что забрал. Верни мне память Вадим, верни мне воспоминания о дочери, которые я так безуспешно ищу, верни мне то спокойствие и счастье, которое царило в моей семье до твоего вмешательства, верни мне Аню, мою лучшую подругу, которая должна была крестить мою дочь? Верни мне это и мы будем в расчете, но не крикнула, ни к чему искушать судьбу, только не с этим человеком.

Самые необходимые вещи в дорогу собраны, и отнесены в машину, ребенок готов к поездке.

— Может быть, самолетом? — поинтересовался Вадим.

— Мы уж сами как-то решим, — бросил мой муж, едва сдерживаясь.

— Что ж береги жену и дочь — сказал Вадим на прощание.

И что-то есть в этой фразе, то что заставляет Кирилла еще больше занервничать. Будто это — не совет, а прямая угроза.

Белецкий развернулся ко мне и сказал:

— И все-таки подумай над моим предложением, — сказал он с надеждой, совсем не понимая, что я выбрала Кирилла лишь только потому что хочу покинуть этот город как можно скорее, и стереть из памяти все произошедшее, и уже дома решить, как жить дальше, и что мне делать с правдой, которой я узнала. Вадим проводил меня взглядом, когда я

садилась в автомобиль.

Мы молча ехали с Кириллом. Супруг гнал машину с максимальной скоростью, спешил поскорее покинуть этот город, и оставить все позади. Он все еще жаждал мести, но отлично понимал, что это не в его силах, и этот факт сводил его с ума. Он ненавидел беспомощность. Я же просто радовалась, что мы живы, что на заднем сиденье в автолюльке спит наша дочь, чего еще большего я могла желать?! Вернуть ее — это и есть счастье. Счастье, которого можно лишиться в один момент...

Краем глаза я заметила огромный чёрный внедорожник, нагонявший нашу машину, и этот автомобиль появился здесь не просто так...

Наталья Серикова

Несколько месяцев спустя

Подготовка к свадьбе довольно утомительное занятие, куча каталогов, нужно определиться с выбором с украшением банкетного зала, с меню, с дресс-кодом гостей. И даже в собственной спальне от этого не спастись. В обед меня ждут несколько швеи и модельеры, комната переполнена различными платьями различными видами фаты, отрезками тканей. За ними следует делегация стилистов с огромными чемоданами косметики, батареей всевозможных расчесок, заколок, шпилек, утюжков и фенов.

Считается, что я должна радоваться всей этой возне, с восторгом предвкушать будущую церемонию. Еще бы девушка с ребенком охамутала солидного холостяка с весьма приличным состоянием. Вот только у меня уже была свадьба. И не к чему хорошему это не привело.

Через несколько лет брака мне пришлось бежать с новорожденным ребенком на руках, от супруга который решил избавиться от надоевшей ему жены. Раздел имущества в его планы не входил. Находясь в чужом городе и отчаянно нуждаясь в помощи и поддержке, я случайно встретила Вадима, с которым у нас и закрутился роман. Наличие ребенка его нисколько не пугало, у него самого был сын от первой жены.

Но мой супруг тоже не сидел без дела, а намеревался исполнить задуманное, но на пути в город попал в аварию со смертельным исходом. Поэтому я вовсе не испытываю священного трепета перед свадьбами. Она не дает никакую гарантию, что все будет хорошо.

Впрочем, у Вадима своя история. Его бывшая жена изменила ему, после развода за щедрые отступные оставила ему опеку над ребенком, новому мужу чужой малыш был без надобности. У них с Вадимом тоже была свадьба.

Но мой любимый настойчиво объяснял мне, что нам нужно начать с чистого листа, нужно чтобы и остальные знали, мы семья, и именно поэтому свадьба — это то что нам нужно.

Даже если вместо приготовлений к ней, я бы предпочла больше уделять внимания детям. Только вечером я могу со спокойной душой провести несколько часов в детской. Аленка уже пыталась ползать. Временами я смотрела на дочь, и не понимала, как же она успела так быстро подростки. Аленка, это единственное за что я благодарна Кириллу. Максим, сын Вадима, уже учился ходить, осторожно делал свои первые шаги, хотя без падений ему все же не обойтись. Мне так нравилось за ними наблюдать.

У наших детей все будет хорошо. Они никогда не узнает о том, что случилось в далёком прошлом, Аленка не узнает о Кирилле, Максим о бросившей его матери. Чуть позже мы изменим им дату рождения, и переедем в другой город, и все будут считать их погодками, нашими с Вадимом детьми. А потом когда-нибудь у нас будет и общий ребенок. У нас будет крепкая и счастливая семья.

Вадим Белецкий

Прости, Наташ, но я не прислушался к твоему выбору и не захотел тебя отпускать, и сегодня ты кружишься рядом в свадебном платье, глаза сияют, губы расплылись в улыбке, сегодня ты кажешься самой счастливой. Ты никогда не узнаешь, какую цену за это счастье пришлось заплатить. Никогда не вспомнишь кипящую ко мне ненависть, никогда не вспомнишь, как окружили вашу машину, как тебя вытолкали из автомобиля, и на твоих глазах человек в черном выстрелил твоему супругу прямо в висок, не вспомнишь и свои крики, полные ярости, когда увидела меня.

Я исправил, то, что сделал. Сейчас ты смотришь на меня, взгляд переполнен любовью, встречаешь крепкими объятиями, твои губы туту же тянутся за поцелуем. Я переписал нашу с тобой историю, технология действительно работает, теперь можно исправить многие ошибки. Но от некоторых не спасает и она, не поможет эта сыворотка вернуть талантливому пареньку Жене свою любовь, которую он так опрометчиво поставил на карту, как и не вернет она жизнь моему однокашнику Андрею, рискнувшему ради денег.

Но мы с тобой счастливы, и это главное. Вот только иногда тебе сняться кошмары, после которых ты просыпаешься в холодном поту, твой взгляд полон ужаса, ты молча смотришь меня, не в силах вымолвить и слова. И каждый раз с содроганием боюсь услышать, что ты все помнишь. Увидеть твой, полный ненависти и страха взгляд, и знать, что в этот раз я уже ничего не исправлю, ибо большое подобную правку ты не перенесешь.

Но сейчас у нас все хорошо, и я надеюсь, что так будет всегда.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net